Вадим Яловецкий
ХРОНИКИ
СТАРОГО
МЕЛОМАНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Для любителей мемуаров.

- Вадим Яловецкий
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ЧАСТЬ 1. ОДИН ИЗ МНОГИХ
    -
    - КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ
    - ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕХОДНОГО ВОЗРАСТА
    - УХАБЫ
    - СТОЛЯР-КРАСНОДЕРЕВЩИК
    - СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!
    - МЕСТО РАБОТЫ — ЛЕНФИЛЬМ
    - ПЕРЕКАТИ ПОЛЕ ИЛИ БЕГУНОК В ГОРОДЕ ТРЁХ РЕВОЛЮЦИЙ
    - ПОГАНКА
    - ИГРЫ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ
    - ВСЕ В ОФИЦИАНТЫ!
  - ЧАСТЬ 2. ПЯТНА НА СОЛНЦЕ
    - КРЕСТЫ, ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ
    - ФОРНОСОВО
    - НЛО
    - ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР
    - ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЕВРОПЫ В АЗИЮ
    - ЛИХИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ
    - ФРЕГАТ
    - БУДНИ ПИТЕРСКОГО ИЗВОЗЧИКА
    - БУДНИ ПИТЕРСКОГО ИЗВОЗЧИКА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - БУТЛЕГЕРЫ
    - ПОСЛЕДНИЙ РЫВОК — РИЭЛТОРСТВО
  - ЭПИЛОГ
- notes
  - 1

Вадим Яловецкий
ХРОНИКИ СТАРОГО МЕЛОМАНА

Памяти моей тётушки, Яловецкой Марии Моисеевны, посвящается.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Желание поделиться более чем сорокалетним опытом коллекционирования виниловых пластинок, а затем новомодных компакт-дисков, возникло давно. Хотелось рассказать о движении любителей западного рока в Ленинграде, нынешнем Санкт-Петербурге. Насколько мне известно, до этого подобные темы широко не освещались. Первоначально планировалось черкнуть обзорную статью. Но материал стремительно рос, приобретая форму масштабных воспоминаний, в итоге, вылившихся в биографический роман. Я не стал мудрить и оставил всё как есть. Путешествие растянулось на несколько десятков лет, охватив период от юношеского наива конца шестидесятых прошлого века до зрелого возраста нового тысячелетия.

Надеюсь, «Хроники старого меломана» будут интересны не только людям, связанным с рок-музыкой, но и читателям, далёким от музыкальных страстей. Трудно назвать мою биографию совсем уж серой и безликой. Тут тесно переплелось страстное увлечение роком, противодействие власти, армия, участие в музыкальной группе, тайная жизнь нелегальных барахолок, длительный тюремный срок, работа в ресторанах и множество других жизненных перипетий.

Меня занесло в ряды поклонников рока, которые всерьёз увлеклись в советское время обменом и продажей фирменных пластов. Подобная деятельность автоматически попадала в категорию нарушителей общественного порядка. При задержании к нам применялись административные меры наказания (в отдельных случаях — уголовное преследование). Мы вроде бы шагали в ногу со временем, но оставались в андеграунде и существовали в своём параллельном мире, постоянно испытывая пресс правоохранительных органов.

Абсолютное большинство действующих лиц романа проходят под своими именами, лишь некоторые персонажи по этическим соображениям или, руководствуясь их собственными пожеланиями, прописаны под вымышленными фамилиями.

ЧАСТЬ 1. ОДИН ИЗ МНОГИХ

«Вот снова день исчез, как ветра лёгкий стон,
Из нашей жизни, друг, навеки выпал он.
Но я, покуда жив, тревожиться не стану
О дне, что отошёл, и дне, что не рождён».

Омар Хайям.

КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

Я родился в Сталинском районе города Ленинграда, в 1951 году. Многие жители нашего города могут и не знать, что так именовался нынешний Выборгский. Вспоминаю дом постройки тридцатых годов в Бабурином переулке (эта пятиэтажка стоит и поныне). Дровяные сараи во дворе, дудки керосинщиков и крики старьёвщиков. Первый класс в тогдашней школьной форме, похожей на гимнастёрку, с обязательным ремнём и фуражкой (не хватало только погон). Из детства приходит картинка хрущевской денежной реформы, когда мы, пацаны, вместо привычной поездки на трамвайной «колбасе», специально протискивались в тесный вагон и протягивали кондуктору старый рубль, чтобы получить сдачу уже новым «серебром» и медяками.

Другой эпизод: полёт Гагарина, ликование со всей страной, но главная радость — отмена занятий второй школьной смены, которую я страшно не любил. Помню доскональное изучение бомбоубежищ во дворе нашего дома, пыльные чердаки и грохочущие от шагов крыши, с которых прекрасно были видны местные достопримечательности: деревянный «горбатый» мост через железную дорогу и важные паровозы-ветераны. В четвёртом классе у меня хоровая студия Выборгского дома культуры, затем — изостудия в доме творчества (что в особняке Нобеля), позже художественная вечерняя школа. В двенадцать лет — первая сигарета, через год — сладкий портвейн, купленный снисходительно-добрыми мужиками, помнящими войну и блокаду.

В 1964 году, скорей из интереса, нежели из любви, я слушал сквозь треск «глушилок» битловскую «Can't By Me Love», транслированную в режиме нон-стоп, а позднее пластинку из серии «Музыкальный калейдоскоп» с английской «народной» песней «Девушка» ансамбля Битлз (первый релиз фирмы «Мелодия» в 1967 году).

С виниловыми пластинками я тоже познакомился в начале шестидесятых. В то время моя бабушка, Сушко Наталья Семеновна, и её сын, мой дядя, переехали в отдельную квартиру. Дядя вообще-то собирал книги (довольно распространённое занятие), и на новом месте они занимали все свободное пространство, но однажды Виктор Иосифович прикупил электрофон «Юбилейный», самый популярный проигрыватель тех лет. Непривычный красно-коричневый чемоданчик произвёл на меня очень сильное впечатление. Он играл пластинки на 33, 45 и 78 оборотов в минуту. Динамик

находился в крышке, а ручки громкости и тембра располагались на горизонтальной панели, по тем временам вполне приличный звуковоспроизводящий аппарат! Взрослые не пропускали новинки фирмы «Мелодия». Коллекция винила росла и со временем приобрела внушительный размер. Тогда же мною были переслушаны почти все шлягеры отечественной и редкой по тем временам зарубежной эстрады. Я уверенно ориентировался среди стопок уныло оформленных конвертов с отечественным винилом на 33 оборота (но попадались и увесистые кругляши на 78), особенно запомнилась песня из фильма «Последний дюйм». Кто-то наверняка помнит мрачный текст Бена Эйсли в исполнении солиста Большого театра Михаила Рыбы. Какая-то захватывающая музыка и необычные слова для того времени, пробирающие до мурашек!

Эстрадные записи из коллекции дяди я слушал без конца и в больших объёмах, возможно, это обстоятельство основательно подготовило меня к знакомству с настоящим роком. А это случилось в 1966 году, когда я перешёл в 190 школу с художественным уклоном.

До того была восьмилетка, которую я с трудом закончил. Одноклассники, дети потомственных пролетариев — в основной своей массе простые дворовые пацаны, которые быстро впитывали плохое и отторгали хорошее. Представление о культурном и духовном базисе поколения шестидесятых даёт сама атмосфера тех лет: серый, унылый заводской район города, толпы вечно пьяного рабочего люда, скандалы в коммунальных квартирах, голодное существование в условиях дефицита и прочий негатив, порождённый войной, репрессиями, кривой хрущевской оттепелью и другими советскими реалиями.

Этот факт неизменно сказался на досуге, который состоял не только из корпения над учебниками, но и раннего знакомства с алкоголем, курения в школьном туалете, бесконечными драками. Справедливости ради, в той далёкой совдеповской 108-й школе устраивались культпоходы в кино, театр и музыкальные лекции в Концертном зале у Финляндского. Это, конечно, отвлекало от серого однообразия и мелкого хулиганства, вроде стрельбы из самодельных пистолетов — «поджиг» или взрывов магниевых бомбочек.

И, всё-таки, музыка стояла у меня на втором плане и доминировала лишь на первых редких и неумелых танцульках в школьные праздники или вечеринках у друзей. В новом учебном заведении я попал в другую для себя среду. Ученики, в основной массе, были отпрысками питерской художественной интеллигенции, состоятельных людей из среды

чиновников и дельцов теневого бизнеса. Поначалу я чувствовал себя человеком «низов», чего очень стеснялся, но затем потихоньку освоился в новом коллективе.

Хорошо помню, как в английскую половину (класс был разбит на две языковых группы, моя — французская), кто-то принёс альбом «битлов» «Revolver», а вокруг проигрывателя, на котором гордо крутился жёлтый ярлык английского «Parlophone Records», сгрудился тесный кружок заинтересованных школьников. Сейчас улыбаюсь, вспоминая, как наши умники фыркали: мол, так себе «музычка», наша лучше!

В то время я прибился к Сашке Зубковскому, который поведал, что у него дома имеется настоящий катушечный магнитофон и записи фирменной музыки. И вот где-то весной 1967 года я был приглашён в знаменитый элитный «Дом Кирова» на одноимённом проспекте. В гостях, открывши рот, слушал записи «битлов» и других музыкальных групп. Сашка похвастался импортным журналом, где на передней обложке красовались британские «Роллинги». Позже я выкупил у него этот яркий образчик чужой и притягательно-неведомой жизни. Несмотря на то, что нас разделяло ощутимое классовое неравенство, мы подружились. Я стал часто наведываться к Саше: шестнадцатилетним юношам было о чем поговорить, а, главное, что нас объединило, — это нарастающее увлечение западным роком. Кумирами стали «The Beatles», хотя магия их творчества не сразу меня закружила.

Понадобилось время, чтобы проникнуться чужой музыкальной культурой, энергичными ритмами, завораживающими мелодиями ливерпульской четвёрки и почувствовать насколько она отличается от совковой эстрадной патоки. К осени, после прослушивания совсем свежих записей «Bee-Gees», я уже был озабочен мыслью о приобретении магнитофона и пластинок.

Мечтать не вредно! А, где взять средства на такую роскошь, как магнитофон и зарубежный винил? В то время мы с матерью получили комнату в деревянном бараке, так называемом манёвренном фонде, выделяемом райисполкомом до подхода очереди на новое жилье. Не стоит напоминать жителям нашего города, сколько можно было прождать лет и даже десятилетий в ожидании «смотровой» на новую комнату или квартиру. В моем случае прошло целых двенадцать лет, пока мы с женой и маленьким ребёнком получили две комнаты в новом районе Ленинграда.

Так вот, деревянный барак послевоенной постройки на Торфяной улице в середине шестидесятых стал моим кровом.

Вообще-то, летом там было хорошо: много зелени, никаких заводов и машин, рядом Серафимовское кладбище. Почти деревня! Немудрено, что в самые короткие сроки мною было все исхожено и изучено. На кладбище, соседствующим с нашим домом, по образцу Пискаревского был заложен мемориал памяти жертв Великой Отечественной. Там был бассейн с водой, куда посетители бросали монеты на память. Однажды утром я стал свидетелем, как кладбищенский служащий деловито возился в бассейне и выгребал мотеты себе в карман. Циничное решение взять улов раньше него созрело сразу. Самое сложное в моих «денежных» набегах было проснуться как можно раньше (в молодости так сладко спится). За лето я собрал около двадцати рублей мелочью, хотя несколько раз сталкивался с сотрудниками хозобслуги. К счастью, молодые ноги избавили от контактов со злыми конкурентами, что явно бы закончились не в мою пользу.

Вместе с заначкой от денег, которыми меня снабжала бабушка, набралось больше четвертного, а это уже приличная сумма по тому времени. Кто-то из знакомых надоумил меня поискать записи на «костях» и даже фирменный винил в центре города у Гостиного Двора. Поскольку денег на магнитофон мне не хватало, я решил начать с пластинок, благо проигрыватель, как я уже докладывал, имелся в квартире моей бабушки и дяди.

В слякотном октябре 1967-го года я оказался в музыкальном салоне, что примыкал к гостинице Европейская со стороны Невского проспекта. В простонародье магазин назывался «двойка», и там любили ошиваться тёмные личности: барыги и спекулянты. С одним из них, бородатым мужиком по имени Витя, я и сошёлся: у него был товар, а у меня вполне оформившееся желание его приобрести! Этот довольно колоритный мужчина в ватнике и сапогах являлся владельцем мотоцикла с коляской, имел коллекцию импортного винила, в основной своей массе, «сорокопяток» (маленьких пластинок на сорок пять оборотов с двумя дорожками). Обладая, по моему мнению, значительными средствами, я рассчитывал купить с десяток или больше музыкальных носителей. Но суровые цены чёрного рынка тех лет и прижимистый характер Вити Волкова, позволил открыть счёт моей нескончаемой коллекции приобретением лишь двух «сорокопяток» и одной «ипишки» (пластинка с четырьмя песнями). Первое моё коммерческое мероприятие и культпоход на улицу Типанова, в двухкомнатную «хрущевку» Виктора, оставил неизгладимое впечатление. Столько зарубежной музыки я не встречал никогда! Комната была заставлена коробками с импортными «сорокопятками», в непривычно пёстрых конвертах,

несколькими магнитофонами, самопальными колонками и прочим околомузыкальным хламом. Подобный шок я вновь испытал через пару лет, когда прибыл с коммерческим визитом тоже в «хрущевку», но на улицу Бела Куна, к другому подпольному коллекционеру.

На следующий день в школе я уже хвастался своими богатствами Зубковскому, вызвав у того неподдельный интерес. Я недооценил амбиций и возможностей моего приятеля, очень скоро он даст мне фору на сто очков вперёд. Не помню наименований двух «сорокопяток», но «ипишка» отпечаталась в памяти. Это были четыре песни к фильму The Beatles — «Help!», изданных на французском «Odeon Records». Я точно помню эти треки, но не стану утомлять читателя их названиями, а вот свой неописуемый восторг, когда похрустывающий винил запел голосами Леннона и Маккартни, не забуду никогда! Лиха беда — начало! Вот так все и начиналось! Напомню, на скользкую стезю приобретения западных пластов я ступил в октябре 1967-го года, давненько, не правда ли? Со временем я познакомился со многими питерскими земляками-меломанами, которые начинали свой путь, как и я, но гораздо раньше.

Коллекционирование — заболевание затяжное, прогрессирует постепенно. Инкубационный период вируса под названием «хочу собрать» протекает долго и порой мучительно для финансового здоровья клиента. В те далёкие времена первоначально у меня уже было довольно популярное и безопасное хобби: я собирал сразу марки, значки и монеты. К слову, этим занимались многие мои сверстники, такая была мода. Материальная сторона ложилась, естественно, на родителей, а дальше шли бесконечные обмены в школьном междусобойчике или где-то на стороне.

Все детство, до переезда на Торфяную, я прожил на улице Смолячкова, напротив садика имени Карла Маркса. Сад заложили в конце двадцатых, и он был очень почитаем среди жителей Выборгского района. А как же: летняя эстрада, с обязательным оркестром и концертами, читальный павильон, пруд с лебедями и цветником, а зимой, горки, круговая лыжня, каток. В конце шестидесятых там существовал городской толчок (в смысле, сборище) коллекционеров всех мастей, которые без устали меняли и продавали все, начиная от моделей машинок, марок, монет, открыток (вполне легально) и кончая предметами антиквариата, иконами и боевыми наградами (втихаря).

Зрелище довольно живописное: на большой площадке (её называли ещё «пыльник»), примыкавшей к летней эстраде, на деревянных скамейках разложены нескончаемые богатства. Народу всегда очень много (человек двести-триста), правда,

больше половины составляли зеваки. Встречи проходили по выходным дням, а порядок контролировался сотрудниками 20 отделения милиции, находящимся в двух шагах. К слову, недавно познакомился с ветераном МВД, который в те годы служил в «двадцатке». Он отлично помнит, что большая часть заявлений в дежурную часть касалась бесконечных краж на тамошнем рынке. Да, коллекционеры, — лакомые объекты для воришек всех мастей.

До сих пор недоумеваю, кто разрешил все это «безобразие» в годы тотального контроля. Скорее всего, в нашем славном городе трёх революций какое-то время существовала демократическая брешь. Неудивительно, что я регулярно топтался там и менял значки, реже марки, но, в основном, пялился на «экспонаты»: стопки открыток, спичечных этикеток; игрушечные машинки и другие удивительные вещи. Были там и коробки с пластинками отечественного производства, но они меня пока не волновали (залежей у бабушки хватало). Просуществовал блошиный рынок несколько лет, и в начале семидесятых тусовка я приезжал в отпуск из армии, чтобы купить воинские значки. При этом в 1958 году было официально зарегистрировано и открыто Ленинградское общество коллекционеров. Вот я и думаю, что пластиночная лихорадка, захлестнувшая меня в десятом классе, во многом была спровоцирована подсознательными яркими впечатлениями от визитов на «пыльник» того самого сада культуры и отдыха им. Карла Маркса, от которого в наши дни ничего не осталось.

Забегая далеко вперёд, скажу, что ностальгическая атмосфера шестидесятых накрыла меня спустя тридцать лет. В девяностые, времена стихийных рынков. Тогда, из-за вновь охватившей меня нумизматической лихорадки, я стал ездить в ЦПКО им. Кирова покупать и менять старые монеты. Воспоминания возникали, как только я входил в парк и приближался к беспорядочно толкущимся людям. Иные испытывали неудобства, а для меня веяло романтикой, чувствовался дух времени. Даже в наши дни, когда изредка выбираюсь на толкучку у станции метро «Удельная», я испытываю особое волнение.

Мои отношения с Алексом, так я стал звать Зубковского по его же просьбе, зиждились не только на общих музыкальных интересах. Отдельной строкой врезался в память эпизод нашего посещения выставки «Промышленная эстетика США». Осенью 1967 года американцы привезли выставку после Москвы и в наш город. Показ проходил в ДК им. Кирова. Политический климат с американцами был не очень — разгар холодной войны и всё такое. Но народ помнил предыдущие экспозиции: «Средства связи

США» и «Архитектура США». Цветные телевизоры и фешенебельные постройки ещё тогда входили в конфликт с образом непримиримых врагов СССР. А тут новые диковинки, да ещё по нашему будущему профилю (большинство учеников нашей школы поступали в Мухинское училище, как раз на факультет технической эстетики). Мы ходили на выставку по несколько раз, красочные буклеты и значки копились, а потом раздавались знакомым. Приходилось буквально прорываться в заветные двери — выставку вход бойкотировали курсанты морского училища им. Макарова. История, всеми забытая: помощь героическому Вьетнаму осуществлялась морем. В одном из рейсов судно с гуманитарной помощью (и не только) обстрелял американский истребитель, погиб советский матрос. Шуму поднялось много, весь народ осуждал агрессоров, а тут, как назло, эта выставка. У входа стояло оцепление из мужественных моряков. Они тормозили толпу, стыдили граждан. Ходили слухи, что особо ретивых тащили в сторонку и лечили кулаками антипатриотические настроения. Милиция бездействовала.

Позже мы обсуждали с Алексом, фантастические, по тем временам, изделия для нормальной жизни и деятельности человека. Были нескончаемые разговоры об одноклассниках, похабные дискуссии о слабом поле. Юношеский максимализм часто провоцировал на запретные темы — критику теневых сторон нашей убогой действительности. Нет, мы не были диссидентами. Мы, как и все, многого не понимали. При советском правящем строе люди просто плыли по течению, хотя не всем жилось сладко, у многих накопились вопросы. Оттого, наверное, злостное смакование той общественной дури, что лежала на поверхности, приобретало в наших диалогах общественный характер. Мы хаяли все подряд, не шибко задумываясь о последствиях. Забавно, ведь ругали чиновников, бюрократов, дефицит, глупые законы, вечные очереди, но никогда не замахивались на святое: Ленина, правящую Коммунистическую партию и ее руководителей!

Как-то незаметно выкристаллизовалась идея объединить в узком кругу проверенных друзей, разделяющих наши взгляды и организовать крепкое товарищество, способное защищать себя. Нахватавшись из книг и кино «верхушек конспирации», мы создали свои собственные эмблему, пароль и кассу. По нынешним временам: это была элементарная организованная группировка с нехорошим потенциалом. Но тогда наше честолюбие не допускало таких неприятных определений. «Организация», «команда», «дружина», это как-то годилось, но не гадкое слово

«банда». В общем, такая игра для взрослых мальчиков. То ли в тимуровцев, то ли в «робин-гудов».

Я и ещё один наш товарищ записались в секцию бокса, Алекс (мы ведь учились в художественной школе) спроектировал эмблему и дизайн костюмов. Стали собирать деньги в «общак» и даже подумывали об оружии. Пожалуй, не было главного: чёткой программы действий. И, хорошо, что не было! Мы просуществовали в нашем наивно-призрачном мире несколько месяцев. Многозначительно переглядывались на уроках с Алексом (остальные участники «тайного общества» учились в других школах). Перемигивались и втихаря теребили приколотый к изнанке лацкана пиджака отличительный значок — переделанную эмблему юристов с отрезанными мечами и выгравированной лилией на щите.

Обычно собирались у Алекса (кажется, нас было человек семь-восемь) пили портвейн, отчаянно спорили и матерились, слушали музыку. И вот, однажды вывалились на улицу и подогретые винными парами поступили гадко. Отмечались ноябрьские праздники, всюду висели большие красные флаги, кому-то пришла в голову лихая идея: сорвать и выбросить на мостовую символ государства. Что и было цинично проделано — залезли на ограду, вытащили древко, а затем скинули на асфальт и вытерли о полотнище ноги. Столько лет прошло, до сих пор стыдно, не потому, что я старый советский патриот, нет — от бессмысленности и собственной глупости!

Чёрная «Волга» приехала за мной через несколько дней. Двое позвонили в дверь. Запомнились холодные глаза человека в штатском и его фраза:

— Яловецкий Вадим Викторович? Собирайся, парень, поедешь с нами! — затем вздохнул и добавил. — Вот ведь, дожили! Малолетнего засранца искать приходиться да ещё и катать на служебной машине!

Нами занимались комитетчики Петроградского района. Времена были уже другие, не сталинские, — нас даже не били. Беседовали жёстко, но вежливо. Компетентные органы быстро разобрались, что мы собой представляем, и дали ясно понять — в следующий раз последствия будут другими. Офицеры КГБ доходчиво объяснили: лучше активно участвовать в строительстве социалистического общества, а не заниматься хернёй, чтобы в итоге оказаться за решёткой. Они не скрывали, что среди нас оказался один сознательный гражданин и истинный патриот. Если, честно, сейчас готов поклониться в ноги тем сотрудникам. Не останови нас тогда, «Хроники старого меломана» могли быть совсем другими или не появиться вообще.

После подобной встряски мы с Алексом держали язык за зубами: проснувшиеся, наконец, гены репрессированных родственников (у кого их нет, таких родственников?) зорко следили за нашими ртами. Невостребованная энергия была направлена на рок-музыку, к тому же я продолжал заниматься боксом. Тут мне неожиданно помогло увлечение западной субкультурой. Мой тренер, старше меня всего на несколько лет, узнав про мои увлечения, попросил записать на магнитофон что-то рок-н-рольное и достать фотки кумиров тамошней молодёжи. Он загрузил меня бобинами с плёнкой и стал заниматься со мной индивидуально. Хотя дружба со спортом продолжалась недолго, что-то около года. После неудачного спарринга мне повредили нос, а перед районными соревнованиями сильно настучали «по репе» на тренировке. Я занемог, мама отняла у меня перчатки, затем отменила визит к протезисту, чтобы снять мерку для отливки капы. Я и так, будучи еще молодым, носил очки, а теперь диоптрии стали опасно расти. В итоге, весной 68-го, я ушёл из секции, а спортивное общество «Динамо» потеряло «выдающегося» спортсмена, вот только никто этого не заметил…

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕХОДНОГО ВОЗРАСТА

Совершив одну глупость, тут же создал себе новые проблемы. По итогам какого-то диктанта я получил двойку, а школьный товарищ четвёрку. Сравнив его работу и свою, я не обнаружил существенных различий и напрямую обратился к учителю:

— Отчего такая несправедливость, Юрий Соломонович? Вот смотрите, вы поставили мне двойку, а Доосу четвёрку, но разницы никакой: те же ошибки! Несправедливо!

— Вы, что же, списывали друг у друга? Действительно: несправедливо.

Преподаватель, старая бестия, не стал углубляться в подробности, вздохнул и переправил однокласснику оценку на «двойку». Мои отношения с Володей Доосом расстроились и, как показало время, навсегда. Большая часть класса меня тихо возненавидела, затем особо ретивые пацаны позвали в туалет и дали в морду. Очень хотелось ответить, но внутренний цензор подсказывал: я неправ! Самое неприятное в этой истории было то, что с Володей мы были дружны с малолетства, вместе учились в одной школе, вместе посещали изостудию Калининского дома пионеров, а затем пришли поступать в 190-ю специализированную школу при Мухинском училище.

Нормальные люди даже в таком непростом возрасте, обычно каются и просят прощения. Это правильней и проще, нежели находиться «в контрах» с коллективом. Но при молчаливой поддержке Алекса (тайное общество «продвинутых дураков» ещё существовало) и собственных непомерных юношеских амбициях, я принял бойкот. Задрал нос и стал всячески оказывать «недружественные знаки внимания» одноклассникам. К весне, когда все стали готовиться к выпускным экзаменам, я больше уделял внимания року, вечеринкам у Алекса и прочей ненужной чепухе. Например, сошёлся с Олегом Лебедевым из параллельного класса, который организовывал музыкальную группу.

И, вот, однажды на уроке встал вопрос о моем неправильном отношении к школьному процессу, к товарищам, к своим обязанностям перед обществом и родителями. Тему подняла наша классная руководительница и после краткого суммирования всего негатива, вопросительно посмотрела в мою сторону.

— Встань, Яловецкий, что скажешь? — в голосе Беллы Григорьевны сквозил холод.

— Так, нечего мне сказать!

— И ты считаешь, что все нормально? По ряду предметов

двойки, «хвосты» тянутся с прошлого года, — голос креп. — Поведение отвратительное, кто устроил драку в туалете? Ты дневник давно показывал родителям?

— Кажется, недавно, а что? — Я набычился, наверно, в тот момент был похож на растрёпанного павлина.

«Избиение младенца» продолжалось недолго: классная заученно повторяла прописные истины, умело настраивая против меня учеников. Отмалчиваться надоело, и закончилось бунтом.

— Отстаньте вы все от меня! Как умею, так и учусь!

Учителя — хорошие психологи. Меня искусно подвели к пропасти, после чего последовал сакраментальный вопрос:

— Так, может быть, тебе не нравится учиться в нашей школе?

Рот открылся раньше, чем голова подумала, и выдал изумлённой аудитории исчерпывающий ответ:

— Да, мне не нравится в вашей школе!

Таким образом, точки над «и» были поставлены, и вопрос моего нахождения в элитных стенах бывшей гимназии, построенной ещё в девятнадцатом веке, отложили до педсовета. Дома я так и сказал родственникам, что переругался в школе со всеми в пух и прах и не хочу больше учиться со всякими уродами. Мама, бывший педагог, страшно расстроилась, но, уловив в моем голосе настойчивость и жёсткость, не свойственную возрасту, задумалась. Затем состоялся педсовет, непростые переговоры между матерью сложного подростка и учителями, где коллеги так и не пришли к соглашению, а про себя наверняка подумали: куда же она раньше смотрела? Прости, мама, но ты действительно отпустила меня в таком непростом возрасте.

Моя мать, Роза Иосифовна, по профессии филолог. Проработав после Ленинградского университета учителем, затем библиотекарем, она посвятила себя исследованию творчества Пушкина и стала экскурсоводом городского Бюро путешествий. Начались постоянные поездки в Пушкинские Горы, в места ссылки Александра Сергеевича. А это отлучки на несколько дней, затем короткий отдых и вновь — экскурсионный Икарус, и вновь за четыреста километров в Псковскую область. Вопрос, чем занимался шестнадцатилетний ребёнок, выросший без отца, без присмотра матери, представленный сам себе? Ну, вы уже знаете, чем! Замечу, что мой случай довольно показателен. Но было бы гораздо хуже, если бы не опека бабушки с дядей и по-настоящему любимого, недооценённого в своё время человека, моей тётушки.

Выбор был сделан. За пару месяцев до выпускных экзаменов, я забрал документы. В канцелярии вернули аттестат о восьмилетнем образовании и выдали справку, что я проучился в средней общеобразовательной школе № 190 с художественным

уклоном неполных два года. Затем метнули укоризненный взгляд и сухо попрощались. Я стал свободен от ненавистных экзаменов, скучных одноклассников и чопорных учителей. Ура, впереди новая жизнь! Мама рассудила по-мужски:

— Не хочешь учиться — иди работать. Хватит висеть на нашей шее!

— Кто против? Я — нет! Буду работать и жить по человечески, — я согласился и снял все вопросы.

Далее на семейном совете порешили, что среднее образование можно получить и позже, а до армии не помешает освоить специальность и зарабатывать деньги. Я переехал к тётушке на улицу Смолячкова. В мае 1968 года оформился учеником автоматчика на завод «Красная Заря». Кадровик внимательно изучил мой паспорт, затем поинтересовался:

— Молодой человек, чего это вас в рабочий класс потянуло? Учились бы себе на здоровье, вон — прописка ленинградская, и живёте не в общежитии?

Позже я узнал, что цех № 2, куда меня и зачислили, считался самым тяжёлым на заводе, туда направляли иногородних граждан, бывших зеков и прочий неблагонадёжный люд. Началась новая жизнь. В семь утра меня будила тётушка, я что-то запихивал в рот и тащился к проходной завода. Мой рабочий день начинался в восемь утра, на час позже, поскольку я был несовершеннолетним (также пользуясь льготами малолетки, я имел право не выходить в ночную смену). Затем я подымался на второй этаж старинного заводского корпуса из красного кирпича и шёл в раздевалку. Цех встречал меня криками рабочих, невообразимым грохотом шлиценарезных и резьбонакатных станков, керосиново-масляной грязью под ногами, от которой подошвы рабочей обуви сжигались за два-три месяца. В четыре часа дня нашу смену выпускали за проходную и трудовые массы выливались на проспект Карла Маркса (ныне — Сампсониевский). Очень романтично!

Я иллюзий не строил, принимал непривычную нагрузку, опустившуюся на юношеские плечи, как необходимую трудовую обязанность. Работой совсем не тяготился, и за нее ещё хорошо платили. Когда я получил свои первые ученические, то без вычета подоходного налога набежало целых сто двадцать рублей рублей. Я понял — вот оно пролетарское счастье! Представьте я, пацан, заработал суммарное жалование матери и тётушки. По меркам 1968 года, мой гонорар был внушительным. Для примера, могу сообщить пытливым читателям, чтобы сходить в ресторан и нагуляться всласть, вполне хватало восемь-десять рублей (попробуйте нынче отдохнуть на такие деньги). Часть зарплаты я

вручил любимой тётушке, а оставшиеся «бабки» начал стремительно тратить.

Я зачастил на негласную толкучку, тихо прогрессирующую прямо в центре города, напротив крупнейшего в городе универмага «Гостиный двор». Здесь из-под полы можно было приобрести (чаще говорили: «достать») тогдашний дефицит, в том числе, и зарубежный винил. Это историческое место звалось в народе «Галёра». Неизвестно, с какого времени толкучка стала центром теневого бизнеса. На моей памяти неприметные личности сперва лепились вдоль галереи второго этажа (отсюда и название), затем обнаглели и перебрались вниз, прямо к выходу из метро. И однажды вчерашний школьник, непривычно озираясь, появился на знаменитом пятачке, для того, чтобы прописаться там на многие годы. Детство закончилось, я попал в новый мир!

Центральная магистраль города — Невский проспект, жаркий летний день 1968 года. Я гордо стою у Гостиного Двора, в кармане широких штанов не затёртая «трёшка», а увесистые, полноценные пятьдесят рублей! Ни школы тебе, ни родителей, сплошная эйфория — я взрослый. Больше сорока лет прошло, а ведь помню это чувство щенячьей радости. Огромная толпа деловитых ленинградцев и растерянных, чуть заторможенных приезжих, обтекает меня. Людской поток, как и сто лет назад, льётся по тротуару, разбиваясь на отельные ручейки. Всем хочется нырнуть в недра универмага, что-то высмотреть и приобрести. Кому-то надо в метро (станцию «Гостиный Двор» открыли всего несколько месяцев назад), кто-то прислушивается к экскурсоводам, приглашающим через мегафон гостей нашего города посетить автобусные маршруты по памятным местам. Все это было уже тогда, сохранилось и в наши дни, — ничего не изменилось!

Возможно, именно в тот день или в следующие визиты мне предложили приобрести «французских обезьянок» — модную музыкальную группу «оттуда». Я повёлся и за три рубля купил свой первый музыкальный «раритет» — пластинку на «костях», то есть самопальную запись на рентгеновском снимке. Стыдно вспоминать, тогда я почему-то забыл, что группа «The Monkees» начинала своё победоносное шествие в Америке, что запись на «костях» именно этой команды — уже вчерашний день. Зато честолюбие подогревалось сознанием, что я стою в авангарде подпольного рынка продаж и обмена зарубежного рока!

Довольно быстро познакомился с местными дельцами, которые приторговывали не только музыкой, но и косметикой, шмотками, другим барахлом. Очень скоро приобрёл уже настоящий фирменный альбом женской соул-группы

«The Supremes», из которой в будущем отпочковалась знаменитая певица Дайяна Росс. Осенью в подземном переходе метро я разменял темнокожий ансамбль на «The Searchers», ливерпульский квартет, сильно напоминающий знаменитых «битлов». И завертелось, закружилось…

В нашу с тётушкой комнатушку на Смолячкова стали часто наведываться как старые друзья, так и новые знакомые. Интересы, объединяющие моих сверстников такие же, как у большинства нынешней молодёжи: алкоголь, девчонки, модные шмотки, музыка и техника. Полулегальное пластиночное хобби — одно из особых составляющих тех лет. Самый частый гость — Леня Майоров из параллельного класса моей восьмилетки. Он был старше меня на пару лет, из-за неуспеваемости остался на второй год, затем с трудом окончив школу, также пошёл на завод.

Леня стал приносить мне пластинки, познакомил с киномехаником из дома культуры, Володей. Тот хорошо знал музыкальную технику и имел возможность доставать магнитофонную плёнку. Запомнилась та старая плёнка, тип № 2. Она была на здоровенных бобинах по тысяче метров, ее приходилось сматывать на стандартные катушки. Володя на первых порах помог достать новинку отечественной музыкальной промышленности — стереофонический проигрыватель «II ЭПУ-32С», естественно, дефицит, выпускавшийся на Рижском радиозаводе. Точнее, это была только механическая плата, которой комплектовались немногочисленные отечественные радиолы нового поколения со стереоколонками. Мы приспособили плату к старому приёмнику, при этом звук оставался монофоническим.

Затем я прикупил у Вити Волкова, с которым поддерживал связь, переделанный аппарат «Днепр», записывавший и сносно воспроизводящий на скорости 19 см/сек. Потом были магнитофоны «Gintaras», «Комета» и ещё какие-то, появились самопальные колонки и усилители, — довольно пёстрый список тогдашних допотопных музыкальных монстров, не в пример современным техническим чудесам хай-энда.

Если мои приобретённые художественные навыки долгое время оставались невостребованными, то участие в хоре и неплохой слух дали возможность проявить себя в новомодном тогда вокально-инструментальном ансамбле или ВИА, как их называли. Несколько последних месяцев своей школьной эпопеи я репетировал с Олегом Лебедевым в школьном актовом зале, где на праздниках оттягивалась какая-то местная группа, а в остальное время бренчали все, кому не лень. Помню песню Эдиты Пьехи «У причала», которую Олег упорно заставлял меня петь.

«У причала, где снуют катера,
Суждено мне свой покой потерять.
Здесь, где ветры спят,
Много есть ребят,
Только нет здесь тебя…»

Зачем песню с устоявшимся образом нашей знаменитой певицы безобразить неопытному пацану, до сих пор не понимаю. Зато у меня здорово получалось битловская «Can't Buy Me Love» и некоторые другие. Уже после того, как я вывалился из стройных учебных рядов, мне позвонил Олег и поинтересовался, есть ли желание выступать.

Ну, что за вопрос? Однажды я побывал на выступлении коллектива «Лесные братья», одного из лидеров полулегальной ленинградской рок-сцены. Нацепив чёрные очки, я важно сидел в первом ряду концертного зала в здании Ленэнерго. Именно тогда, глядя на земляков с самопальными гитарами, уверенно орущих со сцены хиты «The Spencer Davis Group», я загорелся идеей стать участником рок-группы. Воображение услужливо переносило меня на сцену: я ломался с микрофоном в руках и что-то пел, закатывая глаза перед разгорячённой публикой или лихо «зажигал» на гитаре. Удивительно, так и случилось, но позже.

А пока меня познакомили с нашим администратором — Левой Магазинером. Это был типичный пройдоха с маленькими глазками под роговой оправой. Бородка и усы прибавляли возраст этому деятелю, но я не думаю, что он был намного старше нас, семнадцатилетних. Лева был неплохим менеджером, он нашёл репетиционную базу, раздобыл инструменты, сколотил коллектив из шести участников и организовывал нелегальные выступления. Начались репетиции. Сколько длилось моё участие в группе, я точно не помню, кажется, первые выступления состоялись осенью шестьдесят восьмого, затем весь следующий год и, вроде, я захватил начало семидесятого. В общем, около двух лет. Ладно, о группе «Феникс» ещё расскажу, сейчас возвращаюсь к трудовым будням и другим приключениям.

В то замечательное лето, первый сезон взрослой жизни, без приключений было никак нельзя. Начну с того, что мать уехала в командировку на месяц, а вслед за ней умоталась в санаторий и тётушка. Я оставался один в пустой коммунальной квартире (соседи по таинственному стечению обстоятельств тоже исчезли), что меня очень устраивало. Но мама проконсультировалась с мастером на заводе: «мол, боюсь оставлять ребёнка одного: как бы бед не натворил!» Мастер проникся и попросил меня написать

заявление на отпуск. С понятной целью, чтобы и я уехал на это время из дома.

— Отдохнёшь немного, наберёшься сил для новых трудовых подвигов.

Так администрация завода командировала меня в непростой «пионерский лагерь».

Нас, десятка два пацанов, погрузили в автобус и отвезли за двести километров от города под Тихвин. Ха, в действительности это был какой-то милицейско-административный эксперимент: неблагонадёжных подростков засунули во что-то, наподобие колонии-поселения, где существовала трудовая повинность. Прополкой колхозных полей мы должны были отрабатывать право на еду и ночлег в палатках. Смутно припоминаю какие-то спортивные мероприятия и политинформацию. Быстро ставшие ненавистными сельскохозяйственные опыты запомнились более рельефно.

Немудрено, что уже на следующий день малолетки заволновались и стали бунтовать, затем появились первые беглецы. Ситуация более, чем абсурдная (если бы мы знали нашу историю в полном объёме, вряд ли бы стали так решительно выражать свой протест), но тогда подобное поражение в правах для питерской шпаны было прямым вызовом. Кстати, подобные высылки повторились и в дни московской олимпиады, но уже в масштабе нескольких городов. Эти мини — репрессии охватывали все слои граждан, неудобных для власти. Сейчас, спустя более сорок лет, смею предположить, что не обошлось без участия «компетентной организации», рекомендовавшей меня на «отдых». Ну, не могли же они меня так быстро забыть (прошло меньше года после памятной беседы в КГБ)?

Спустя несколько дней, пара пацанов и я «сделали ноги». Мы сбежали вечером, доехали на автобусе до Тихвина и стали ждать поезд до дома. Денег оставалось немного, и мы приняли смелое решение добраться до Питера «зайцами». В любом, подходящем поезде. Ночью забрались в цистерны из-под кваса. Ну, не ехать же на подножке вагона, — не трамвай, да и холодно. Но уже в Волховстрое, ближайшем крупном городке, нас обнаружил путевой обходчик и сдал дежурному. Точно помню, что откупились последними деньгами, а остаток пути добирались на обычной электричке уже вполне легально.

С Финляндского вокзала я доехал до улицы Смолячкова, поднялся на пятый этаж, надеясь застать кого-нибудь дома. Увы, но самостоятельно в квартиру мне было не попасть! Ключи остались в комнате, и вот тогда в голове созрело фантастическое решение: залезть в собственное жильё с крыши. В семнадцать лет

можно быть умнее и решить этот вопрос иначе. Но у страха глаза велики: я боялся идти в ЖЭК или милицию, ведь на мне висел «побег», а вдруг службы города уже сбились с ног в поисках сбежавшего колониста.

В деталях помню, что остаток дня провёл у Лени Майорова, а вечером на стройке срезал канат и собрался на «дело». Залезть на крышу нашей пятиэтажки не составило труда. Озираясь и поёживаясь от ночной прохлады, я примотал канат к трубе и сбросил его конец напротив своего окна. Уф, если честно, было страшно, я долго примерялся и, наконец, завис между крышей и окном. Оставалось соскользнуть пару метров вниз, попасть в оконный проем, а затем протиснуться в открытую форточку. Но тут по кровельному железу застучали каблуки, раздался крик:

— Руки вверх! Стой на месте!

А я уже висел на скрюченных пальцах и никак не мог выполнить команду, впрочем, дружественные милицейские руки быстро выдернули меня, застрявшего между небом и землёй, наверх. Через несколько минут меня успешно доставили в 20-е отделение, которое располагалось почти напротив моих окон (этот факт я почему-то упустил из виду). Когда допросили и выяснили обстоятельства попытки проникновения в квартиру, дежурная смена начала дико ржать. Я переночевал в милиции, утром с участковым пошёл в жилконтору, оттуда с техником в квартиру. Подобрали ключи, в комнате я достал свой паспорт и предъявил участковому — вопрос был решён к обоюдному удовлетворению, мент ушёл, и про меня все забыли.

До приезда тётушки оставалось недели две, а заодно кончался принудительный отпуск — меня ждал завод. Но пока я боялся, как бы не загребли назад в лагерь. Ещё я хотел есть. Впрочем, эта проблема решилась просто: я взял пару кляссеров с марками, сбегал в памятный сад культуры и отдыха трудящихся имени Карла Маркса. На толкучке выручил за коллекцию десятку или чуть больше, что по тем временам вполне достаточно, чтобы не умереть с голода. Попутно прошёлся по виниловым рядам. Увы, все старьё, большей частью советского производства. Лишний раз убедился, мои музыкальные интересы только на Галёре и в других, описанных местах той поры.

Прошли дни. В назначенный срок приехала тётушка, потекла размеренная сытная жизнь. Я вернулся на завод, друзья смеялись над моей историей, но никто не удивился и не расспрашивал про необычный лагерь. Ничего странного: в СССР есть устоявшаяся традиция проводить часть своей жизни за решёткой. В редкой семье кто-нибудь не сидел или не отбывал наказание (один ГУЛАГ чего стоил). А тут какая-то трудовая коммуна! Ерунда! Но

я ещё не раз сталкивался с нашей железобетонной правоохранительной системой, и последствия оказались ужаснее. Но, об этом позже.

Наступил новый 1969 год. В феврале я стал полноценным гражданином нашей необъятной и могучей страны — мне исполнилось восемнадцать. Говоря суконным официальным языком, наступила гражданская дееспособность, в связи с чем возникли новые права и обязанности. По большому счёту, мне это было по-барабану, кроме одного — неотвратимо надвигающегося призыва в армию.

Совершеннолетие отмечалось бурно, в лучших российских традициях: я перешёл на «тяжёлые» напитки: водку и коньяк. В моих карманах прописались мужицкие папиросы «Север» — не к лицу пролетарию курить сигареты с фильтром «Лайка». Поскольку увлечение зарубежным винилом приняло устойчивую форму, стремительно ширился круг моих знакомых-пластиночников. В комнате постоянно звучала музыка, тусовались люди, шли громкие дискуссии, подогретые алкоголем, звучал женский смех. Излишне говорить, что к великому неудовольствию тётушки и соседей, эти безобразия происходили довольно часто.

Группа «Феникс» уже дала несколько концертов. «Концерт» звучит красиво, монументально. На самом деле это были непрофессиональные халтуры в занюханных залах красных уголков, второстепенных клубах, на праздничных мероприятиях, однажды даже в психоневрологическом диспансере! Запомнился один такой чёс — свадьба в жилконторе на Петроградской стороне. В тот вечер наш барабанщик здорово перебрал горячительного, и мне пришлось занять его место. Тогда я и получил первый опыт игры на ударных. К концу вечера, правда, порвал кожу на малом барабане (пластик был в дефиците), зато испытал неописуемый кайф от грохота всей ударной установки и сопричастности к музыкальному процессу. Музыкант на тот момент из меня был никакой, и с вокалом требовалось поработать, зато именно я придумал красивое название «Феникс» и солировал в большинстве композиций.

Эта памятная свадьба закончилась в лучших традициях отечественных мероприятий подобного рода — грандиозной дракой. И не с кем-нибудь, а с курсантами артиллерийского училища, расположенного поблизости. Будущие офицеры советской армии расстегнули ремни и вполне успешно использовали их в качестве дополнительных аргументов к собственным кулакам. Мне тогда рассекли бровь, и я пьяненький, возбуждённый и залитый кровью, к ужасу мой любимой тётушки,

явился домой. Забегая вперёд, скажу, что потасовки часто сопровождали наш творческий коллектив. Так случилось, например, в сестрорецких «Дубках». Из зала какой-то гопник потребовал «сбацать», то есть исполнить битловскую «Back in the USSR». Оскорбленный подобным неуважением к любимой группе, я спросил у хама, кто они такие. После чего меня грубо сдёрнули за галстук со сцены и слегка помяли. Другая история случилась в одной из школ Московского района. Мы готовились к выступлению, расставляли аппаратуру и монтировали ударную установку, в тот момент на сцену заскочило несколько аборигенов. Местные с ходу заявили, что до нас выступала группа «Лира», и мы просто обязаны отыграть не хуже, а иначе… Я самонадеянно хмыкнул и с понтом заявил, что завтра у меня городские соревнования по боксу, и лишняя разминка совсем не помешает. Случилось наоборот. Это аборигены разминались на мне, и в тот вечер я вообще не смог участвовать в концерте.

С «Лирой» мы однажды пересеклись в «Молотке» (ДК «Мир») и даже отыграли на импровизированном сейшене. Тогда в нашей группе уже появился второй солист Паша Солодников. Паша состоял на учёте в психдиспансере, у него имелись какие-то проблемы с головой, но это не мешало нам дружить и слушать записи зарубежных кумиров. Пашка безоговорочно любил «Роллинг Стоунз», тогда как я абсолютными авторитетами считал «Битлз». Наша коронная фишка, песня «роллингов» — «Out Of Time». Мы откатали композицию до совершенства (в нашем понимании) и всегда пели ее не только на своих концертах, но, и по возможности, на чужих выступлениях. Обычно это удавалось — музыканты народ дружный, вот только на танцах в Юкках, где мы были гостями «Кочевников», получился облом, я с Пашей сунулся на сцену, но Миша Боярский (тот самый) и его команда воспротивилась — не судьба!

Администратор Лёва нам денег не платил, не считая одного-двух рублей на проезд и мелкие расходы, мотивируя свою жадность тем, что все сборы идут на аппаратуру и даже обещал «шуровские» микрофоны. Микрофонов что-то не припомню, а вот в «Серую лошадь» (фабрика-кухня на проспекте Карла Маркса) за крутыми отечественными «кинаповскими» динамиками, ездили.

«Серая лошадь» — место памятное. В первую очередь из-за хорошего зала на втором этаже, в котором тогда располагался ресторан. В своё время, там проводились рок-концерты под эгидой райкома комсомола и много других мероприятий, в которых участвовали питерские команды. Эту эпоху подробно описывает в своей книге Владимир Рекшан — лидер культовой группы «Санкт-Петербург».

В «Фениксе» часто менялись гитаристы, одним из последних на моей памяти был Федор Столяров, который продолжил музыкальную карьеру и выступал вплоть до середины восьмидесятых в собственном коллективе «Дилижанс». Много лет спустя мне довелось вновь встретится с Федей и долгое время с ним общаться, но это уже другая история.

Положа руку на сердце, скажу, как музыкант я в той группе не состоялся. Так, юношеское баловство. Немного попел, чуть поиграл на барабанах и знал два-три аккорда на гитаре. В репертуаре не имелось ни одной своей композиции, лишь советские эстрадные шлягеры и, естественно, хиты известных западных групп. Вот тут я и оказался нужен команде: приносил записи, затем на слух снимался текст (очень условно приближенный к английскому) и аккорды.

Вот эпизод по теме: пробовали исполнять песенку из кинофильма «Личная жизнь Кузяева Валентина». Там были такие слова:

«И ничего, что не прав ты иногда.
Если надо, мы дадим тебе совет.
— Ходишь в турпоход?
— Да!
— Хочешь миллион?
— Нет!»

Безобидные слова ленинградского поэта Кима Рыжова вызывали бурную реакцию в строчке «хочешь миллион?». Все начинали хихикать, видя усмехающиеся морды музыкантов, петь ее было совершенно невозможно. Пришлось песню к исполнению забраковать, и позже шлягер 67-го года включил в репертуар ВИА «Садко».

Помню, мы какое-то время репетировали в студенческом городке между Новоизмайловским и Московским. Тогда я разучил песенку британской группы The Hollies «Tell Me To My Face», но по каким-то причинам группа её почти не исполняла. В конце семидесятых эта энергичная баллада стала широко известна благодаря кумиру эстрады Джо Дассену, но он пел на французском языке. Я ещё подумал, кто же переводил певцу с языка оригинала. Позже выяснилось — он сам и переводил, ведь родной язык Дассена английский, а французский он выучил, переехав во Францию в 12-летнем возрасте.

Летом того памятного 1969 года кто-то из заводских приятелей принес сингл в простой бумажной обложке без картинок. На кругляше «сорокапятки» было оттеснено название лейбла и, естественно, имя какой-то группы с непонятным названием «Procol Harum» и ещё более непонятной композицией

— «A Whiter Shade of Pale». Как часто делали в то время, отверстие на сингле было диаметром 24 мм. Позже я узнал — такой стандарт установлен для проигрывания в американских музыкальных автоматах. Но у нас выпускался специальный вкладыш с приклеенным кусочком бархата для чистки диска, позволявший проигрывать пластинку на 45 об/мин.

— Нет, ну ты послушай эту лабуду, — посоветовал владелец пластинки, — ежели чего, бери за трёшку.

Придя домой я поставил «сорокопятку» на проигрыватель, но тут мне позвонили из больницы на Боткинской. Тётушка, которой шёл уже шестьдесят девятый год, умудрилась сломать шейку бедра. Типичная старческая неловкость, но мне надо ехать навестить больную. Вот ведь судьба — именно эта досадная травма, которая надолго уложила её в больничную койку, помешала круто изменить нашу жизнь. Об этом потом. А тогда я опять оказался предоставлен сам себе.

На следующий день я вернул сингл хозяину.

— Ну, как? — поинтересовался он.

— Да никак, толком не послушал. Ты прав, в общем, ничего интересного.

Так благодаря болезни тётки и собственной музыкальной близорукости я не разглядел общепризнанный во все мире рок-шедевр и упустил из рук уникальный сейчас раритет (первопресс) на оригинальном британском носителе.

Избавленный от опеки тётки на следующий день я прокатился на Кузнецовскую за «Белым альбомом» Битлз. Кто меня познакомил с Мариком Березовским, я уже не помню. Был такой меломан в нашем городе, старше меня лет на десять и с очень благообразной внешностью. В тот жаркий июньский день я вёз ему сто рублей.

«Двойник» появился на прилавках Европы в ноябре 1968, но мне выпало счастье держать его в руках всего восемь месяцев спустя после премьеры(по тем временам это быстро). Хитрый Марк умолчал о том, что в комплект альбома входят четыре шикарные фотографии «битлов» и плакат на четыре разворота. Всё это выяснилось потом. Естественно, у меня возникли вопросы к продавцу, но тот клятвенно заверял, что ничего не знал о полиграфии. Не держу зла на Марика, мы много раз потом пересекались и состояли в приятельских отношениях. Сейчас этого человека уже нет в живых. Покойся с миром!

После дорогого приобретения для души, на еду у меня оставался ровно один рубль. На последние деньги я купил килограмм овсяного печенья и питался им целый день. Уже назавтра я начал «обкашивать» (от слова косить) двойник. Да, как

ни оскорбительно это звучит для приверженцев отечественной эстрады, тамошний рок был востребован и его, например, можно было записывать за деньги. Чем я не преминул заняться.

Покупая зарубежный товар, я автоматически вставал на коммерческие рельсы. Сейчас это обычный бизнес, в котором нарушаются авторские права производителя, а вот Советской власти было глубоко наплевать на роялти, но она наказывала за незаконное предпринимательство (впрочем, как и сейчас), которое громко именовалось спекуляцией. Мне почему-то не было страшно и тем более стыдно, оттого я и брал по три рубля за запись бобины магнитофонной ленты. На одну дорожку (250 метров) помещался альбом на скорости 9,5 см/сек, на другую второй. Гоните денежки, товарищи! Таким образом, ценой утомительного сидения перед магнитофоном и бесконечного переворачивания то винила, то бобин с плёнкой я отбил обратно тридцать рублей. Незатейливый бизнес подпольных записей был широко распространён в нашей стране и воспринимался в среде обывателей как что-то вполне естественное и постоянное. Кто-то записывал рок, кто-то Высоцкого, а кто-то русских эмигрантов.

УХАБЫ

В кругу меломанов я чувствовал себя вполне уверенно. Стайка из десяти-пятнадцати человек теперь тусовалась не только у «Гостинки», но и рядом с «Апрашкой» у решётки Финансово-Экономического института, а также на площади у Финляндского вокзала. Мы в первую очередь занимались любимым делом: меняли и продавали пластинки или как их стали называть — «гиганты», а ещё обзаводились шмотками и другими необходимыми прибамбасами.

Бывшие одноклассники, встретившись со мной, вполне могли изменить мнение о том затюканном пареньке, носившим поношенную школьную форму и так неумно качавшим свои права. Теперь я держался с достоинством, проще говоря, с понтом, облаченный в настоящие дудочки-джинсы, купленные за тридцать пять рублей, бадлон — импортную водолазку, замшевые туфли и твидовую кепочку с маленьким козырьком. Логически завершал этот супермодный прикид классный пиджак в клеточку.

То лето оказалось богато на всякие неприятные происшествия. Для начала меня пытались ограбить! Какое-то шапочное знакомство с безликим дылдой (я несколько раз записывал этому челу музыку на магнитофонные бобины), должно было привести к очередной выгодной сделке — дылда и его друзья хотели что-то приобрести из моей небольшой коллекции. Встречу назначили рядом с метро Горьковская, потом двинулись в какую-то парадную, где планировались торги и, якобы, ждал знакомый с наличкой. Трое парней всю дорогу сильно нервничали, а я это почувствовал. Предчувствие нехорошего усилилось, когда один «приятель» промямлил, что надо подняться на последний этаж.

— Не, ребята, вы идите за бабками, а я здесь подожду, — сказал я и переложил портфель с дисками в левую руку.

Медлить дальше было нельзя, и они решились. Но внезапная атака сорвалась, поскольку я успел уклониться от первого удара и дико заорал. Началась нешуточная возня: они пытались завладеть товаром, а я решительно сопротивлялся. На мои вопли из ближайшей квартиры выскочил мужик с молотком, весь заляпанный краской и мелом (наверное, делал ремонт). Дядька решительно попер на подозрительную группу запыхавшихся молодцев. Гневные угрозы потревоженного жильца возымели действие: козлы оставили меня в покое, рванули вниз и исчезли. Уф, я перевёл дыхание и проверил свои сокровища —

пластинки не пострадали! А вот фирменный пиджачок был порван, и это очень расстроило. Каково же было моё удивление, когда вечером мне позвонил один из несостоявшихся грабителей и предложил встретиться. Смысл предложения сводился к следующему: мол, мы не правы и извиняемся, но верни нам кассеты с записями, что оставляли раньше. Борзые ребята!

Ладно, после недолгих переговоров и уверений в своей лояльности, решили пересечься у «Паровоза». Питерцы знают, что эта древняя груда железа — ленинский мемориал под стеклом на перроне Финляндского вокзала. На заводе я договорился с проверенными пьянкой и конфликтным поведением товарищами о посильной помощи. Итак, после рабочей смены я в компании своих крепких пацанов отправился, как стало модно говорить в лихие девяностые, на «стрелку». Встреча состоялась и сразу переросла в яростные дебаты. Я доказывал, что порванный пиджак и стресс от переживаний имеют определённый денежный эквивалент, они — что уже заплатили за записи, а замять неприятный осадок можно традиционным способом у ближайшего пивного ларька. Я отказывался. Ну, не хотел пить с этими уродами, которые запросто могли меня покалечить и поставил вопрос ребром: гоните червонец или две (а, может, три, уже и не вспомнить) бобины остаются у меня.

Главный «грабитель» потерял чувство меры и схватил меня за грудки. Бамц! Уроки бокса пригодились: прямой в голову, и наглец завалился на асфальт, остальные скопом кинулись на меня, но оказались оттеснены и побиты "группой поддержки". Устраивать серьёзную потасовку на перроне, да и ещё у «святого» каждому коммунисту места, опасно, но кто об этом тогда думал. Обошлось. Я великодушно швырнул обидчикам злополучные бобины с записями и предупредил, чтобы они никогда не появлялись рядом. А затем мы, радостные и возбуждённые, отправились отмечать победу.

Но это ещё были цветочки! То, что случилось потом, врезалось в мою память и до сих пор, спустя сорок лет, оставляет щемящее чувство боли от свершившейся несправедливости. Судьба словно испытывала меня на прочность, ибо после неудавшегося ограбления мне пришлось помериться силами не с дворовыми придурками, а со стальным молотом безжалостной государственной машины.

Все началось с обычного, вроде безобидного звонка. Мой приятель и соратник Виктор просил встретиться у Гостиного Двора и дать ему напрокат «Белый альбом» Битлз, тот самый, купленный у Марка Березовского какое-то время назад. Зачем я взял с собой все свои диски, до сих пор не понимаю, скорей всего

из тщеславных побуждений. Накопить много пластинок пока не получалось, и все моё богатство состояло из шести или семи альбомов, драгоценный груз легко входил в обычный портфель и не оттягивал руку. Стою я, значит, у Галёры в своем классном прикиде и жду Витьку. Лето, жарко, и внезапно вырастают двое штатских и вежливо так просят пройти с ними, и чтобы не задавал глупых вопросов тыкают в морду красные корочки.

Сперва отвели в опорный пункт милиции. Он находился на другой стороне Невского, в цокольном этаже католического храма Святой Екатерины. Помещение церкви использовалось под склад, а ряд вспомогательных помещений — мелкие конторы. В одной из таких комнат и базировались менты.

Меня деловито обыскали, нашли импортные пластинки и возликовали — попался вражина! Составили протокол и повезли в Большой дом. Ну, кто не знает замечательное здание в стиле советского конструктивизма на Литейном, 4. Обычно я видел его снаружи, а тут довелось побывать внутри. Меня препроводили в отдел, занимавшийся борьбой с хищениями социалистической собственности или сокращённо ОБХСС. В кабинете плавно полилась неторопливая, почти дружеская беседа двух молодых ретивых сотрудников и испуганного хлыща в модных шмотках.

Ясный перец, что хозяева кабинета интересовались вовсе не моим отношением к творчеству русских импрессионистов, а банальным появлением в моем портфеле буржуйского винила. Как я понимал тогда, да, и сегодня тоже, в таких щекотливых вопросах главное не обмолвиться, что купил за одну цену, а продал за большую. Именно здесь закон видит нарушение, которое трактуется как скупка и перепродажа товара с целью наживы, в то время это статья 154, спекуляция! Власть страшно не любит, когда за её спиной граждане «загребают» деньги, которые текут мимо государственного кармана. Нехорошо спекулировать, не по-советски, оттого наказуемо штрафом, а если заграбастал себе много, то и тюремным сроком.

Менты усилили натиск: пара оплеух должны были меня разговорить и подтолкнуть к чистосердечному признанию. Так думали служители закона, но я считал иначе, твердил, что хорошо зарабатываю и просто люблю музыку. Спекулировать и не помышлял, а на пятачке у «Гостинки» ждал товарища с целью записать ему добротную зарубежную эстраду. И это было убедительно, прежде всего, потому, что было правдой! Ведь продавать «гиганты» по своей инициативе я не помышлял. Тогда менты вынули из рукава свой главный козырь: они заявили, что есть человек, который дал письменные показания, уличающие

меня в незаконном предпринимательстве.

Господи, сколько же судеб и даже жизней загубили из-за подобных помощников-доброхотов или стукачей по принуждению. Нет, я здесь не стану углубляться в эту тему. Доносительство — довольно распространённая практика не только в России (особенно, во времена правления Сталина), но и во всем мире.

Итак, кто-то «заложил», но имя, естественно, не назвали. Я продолжал упираться. Предъявить казалось, что нечего: ну стоял, не торговал ведь, деньги не светил, да мало-ли кто чего говорит! Наконец, меня отпустили и велели ждать повестки в суд. Излишне говорить, что я приехал домой без пластинок и совершенно разбитым. Морально, естественно. А через пару недель состоялся суд.

Не знаю, как в других городах, но в Питере было узаконено положение об административных нарушениях. Один из разделов гласил, что торговля с рук в общественных местах без специального разрешения является нарушением порядка и наказывается штрафом с обязательным сообщением по месту работы. Коллективное обсуждение проступка считалось дополнительной нормой воспитательной работы с нарушителем. А в случаях, предусмотренных уголовным кодексом РСФСР, мнение коллектива уже никому неинтересно, тогда человек с большой вероятностью отправлялся за решётку.

В помещении суда мне быстренько зачитали постановление, из которого явствовало, что я и есть тот самый нарушитель общественного порядка, и сей факт подтверждается словами свидетеля… И тут судья сильно подставила служителей закона — назвала имя стукача! Мне помнится, как усталая пожилая женщина, в тот момент абсолютно не интересовавшаяся моей судьбой, задала обязательный вопрос:

— Гражданин, можете что-нибудь добавить?

— Простите, а мои пластинки как забрать?

Судья встрепенулась.

— Ваши пластинки изымаются в доход государства! Кроме того, Вам надлежит выплатить штраф в любой сберкассе района, — её глаза победно блеснули. — Копия судебного решения будет направлена по месту работы. Ну, и что же тут неясного?

Я взмолился.

— И никак нельзя вернуть мою коллекцию?

Тут дама взорвалась и, отбросив официальный тон, рявкнула, показывая истинное лицо советской карательной системы:

— Радуйся, что не посадили! Тебе в армии ещё служить, не

хочу портить жизнь такому оболтусу. Гражданин Яловецкий, вы свободны. Ведите следующего.

Это был беспредел: незаконно отняли коллекцию, стоимостью в несколько сотен рублей! Я так и не узнал, стали мои любимые пласты конфискатом или ушли на сторону? Огорчению моему не было предела, правда, теперь я знал имя виновника моего несчастья. Судьба преподнесла мне подарок, спустя шесть или семь лет я встретился с негодяем. Что из этого вышло, расскажу в следующих главах.

Бумага из суда не заставила себя ждать. Меня вызвали на общественное собрание и как следует пропесочили. Я хмуро взирал на знакомых и незнакомых коллег-работяг, ловил сочувствующие взгляды. Затем слушал казённое постановление, в котором трудовой коллектив осуждает моё поведение и считает такой поступок недостойным комсомольца. Глаза фиксировали многочисленные руки, поднятые за принятие данной резолюции. А на душе было погано. Но потом стало ещё хуже, когда мастер участка перевел меня из автоматчиков резьбонакатных станков в грузчики.

Из-за этого я проработал недолго: платили мало, профессия грузчика скучна-тяжела и, вообще, завод мне поднадоел, хотелось перемен. Я собрал своих женщин (маму и тётушку) и поставил в известность о своём решении уволиться. В поисках нового места случайно узнал о существовании в нашем городе училища, готовившего огранщиков камней и столяров-краснодеревщиков. Идея пойти учиться и овладеть интересной профессией столяра заинтересовала. А что, надо попробовать!

СТОЛЯР-КРАСНОДЕРЕВЩИК

В конце августа я поехал на набережную Чёрной речки сдавать документы. В кармане помимо пресловутой справки о неполной десятилетке лежала новенькая трудовая книжка со штампом об увольнении с завода «Красная заря». В канцелярии слегка удивились. В то время в ПТУ обычно шли поступать вчерашние школьники после восьмого класса, но никак не совершеннолетний юноша со стажем работы на заводе.

Вопрос с зачислением окончательно решился, когда выяснилось, что у меня за плечами несколько лет специализированной художественной подготовки. Я умел не только держать в руке кисть и карандаш, но и вполне неплохо ими владел. Мне предложили параллельно учиться в вечерней общеобразовательной школе, вот только в мои планы это не входило (я всё-таки получил аттестат о среднем образовании, но случилось это уже после армии).

Учащимся выдали форменную одежду, пальто и что-то ещё из белья, всё, как у людей. Советская власть о пролетариате заботилась, вроде, была даже небольшая стипендия. Ещё один немаловажный момент — я рассчитывал отдалить призыв в армию и оказался прав. В ноябре съездил в военкомат и расписался за отсрочку от воинского призыва в связи с учёбой.

В нашей группе учились одни мальчишки, которые смотрели на меня, если не заискивающе, то с определённой долей уважения, я слишком выигрывал в возрасте, следовательно, имел некоторый жизненный опыт, с правом на лидерство. Пацаны это всегда чувствуют.

Ловил на себе взгляды лучшей половины с соседнего курса камнерезов и огранщиков, там девчонок присутствовало большинство. Даже преподаватель спецтехнологии видела во мне больше, чем простого ученика, плохих оценок я у нее не получал и всегда ставился в пример. За нагло списанную курсовую я получил «отлично», опоздания никогда не фиксировались и, вообще, отчего я попал в любимчики, мог только догадываться. Все выяснилось весной 70-го, когда женщина с мужем уехала на ПМЖ в Израиль, из всей группы я был единственным с еврейскими корнями по материнской линии.

В ноябрьские праздники мама сопровождала очередную группу туристов в Пушкинские Горы. О об этих прекрасных местах у меня остались самые тёплые воспоминания. Меня возили в деревню Воронич. Там располагалась база для туристических групп со всего Союза. Самые ранние

воспоминания лет с восьми или девяти. Снимали комнату в деревне, где я отдыхал всё лето с тётушкой. Пару раз в неделю мать привозила группу из Ленинграда и попутно навещала меня между экскурсиями. Когда я начал заниматься живописью, то писал акварели с чудесными видами Пушкиногорья. С местными пацанами купались в реке Сороти, ныряли за древними черепками, оставшимися от племён кривичей, что обживали эти территории в шестом веке. Черепки, а то и части глиняной посуды вымывались на берег в период половодья, и мы сдавали находки в местный краеведческий музей. Последний раз я там гостил после восьмого класса, когда исполнилось шестнадцать лет. Паспорт дал возможность зарабатывать на жизнь. Мама договорилась с директором заповедника Гейчено о моей сезонной работе в Михайловском. Определили в избушку Арины Родионовны (знаменитой няни Пушкина). Моя обязанность заключалась в охране ветхих предметов быта девятнадцатого века от вездесущих туристов. Типичная крестьянская изба не изобиловала антикваром, принадлежащим няне великого поэта, но иконы, прялка, предметы утвари сохранились из тех времён, оттого представляли определённый интерес для любопытных, а то и нечистых на руку посетителей.

Однажды я и ещё двое инициативных моих одногодков организовали бизнес по продаже орехов лещины — двадцать копеек стакан. Собирали тут же, в деревне и Тригорском парке, продавали обитателям турбазы. Набрали достаточную сумму, чтобы купить чешскую водку «Кристалл», такой в Питере никогда не встречал. На троих подростков бутылки оказалось достаточно, чтобы напиться до беспамятства. Работу проспал, и был благополучно уволен. Казённую комнатушку в бараке для сотрудников заповедника пришлось оставить. Какое-то время подвизался в колхозе за еду и спальное место. Работа с вилами и граблями через несколько дней опостылела. Тогда проявил инициативу и договорился на турбазе подработать грузчиком на кухне и писать афиши к киносеансам, за что получил каморку в спальном корпусе и бесплатное питание. На небольшие расчётные деньги взял в прокатном пункте административного центра Пушкинские Горы велосипед и радиоприёмник. Просто сказка! Так начиналась моя трудовая деятельность, пока пёстрая и несерьёзная.

Я возвращаюсь к своей последней поездке в Пушкинский заповедник, где два года назад прощался с детской бесшабашной жизнью, описанной выше. В тот раз мать забрала меня с собой — развеяться и заодно писать курсовую. Путешествие проходило через Псков, где группа с тамошними экскурсоводами лицезрела

красоты древнего города, затем ночевала в гостинице, а утром продолжала путь к месту ссылки поэта. Мать осталась в гостинице, я же, захватив несколько фирменных пластов, пошёл в самостоятельный поход, изучать местный музыкальный рынок или, как сейчас говорят: занялся маркетингом.

Я суетливо мотался по улицам старого города в поисках музыкальных магазинов. Областной центр не изобиловал оными, но кое-что нашлось. В одном я приобрёл головку для проигрывателя (в Ленинграде — дефицит), а вот мои предложения по обмену или продаже винила оказались неактуальны. Вышел ещё на пару точек, та же история: музыка не нужна, сами можем предложить. Эх, провинция, и я махнул рукой. По дороге в гостиницу меня догнал запыхавшийся абориген.

— Чем торгуешь, парень?

— А тебе чего надо? — Ответил вопросом на вопрос.

— Ну, ты в магазине предлагал винил, если фирменный — давай посмотрим.

Я не стал из себя корчить питерского крутого барыгу и достал несколько пластинок.

После изучения товара и недолгих торгов, часть носителей перекочевала к незнакомцу. Я обрадовался — не зря, выходит, старался. Надо сказать, во время сделки я сильно мандражировал, в памяти ещё сильны воспоминания о «тёплом приёме» в Куйбышевском районном суде города Ленинграда. Оставил новому знакомому свой телефон, и мы расстались (до призыва в СА я ещё несколько раз встречался с этим меломаном, но уже в Питере). Вернувшись в гостиницу «Аврора», я стал переписывать уже помянутую курсовую по сопромату, потом вновь были Пушгоры и возвращение в осенний слякотный родной город.

В училище среди учеников своей группы я не замедлил начать музыкальную пропаганду и «вербовку» в ряды поклонников западного рока. Это было нетрудно, хоть мы и жили за «железным занавесом» о Битлз советская молодёжь знала, следовательно, интересовалась и тянулась. Мы сошлись с Игорем Агафоновым и долгие годы нас объединяла страсть к року и… гранёному стакану, причём второе не доминировало, но удачно дополняло.

Начались практические занятия. Наш мастер производственного обучения, Павел Александрович (за глаза — Паша), был на несколько лет старше нас. Жизнерадостный крепыш-работяга, с плитками румянца на щеках, был лоялен и демократичен. На практику в столярную мастерскую он

разрешил мне принести магнитофон, и будущие краснодеревщики, краса и гордость рабочей элиты Ленинграда, вытаращив глаза заворожено слушали хард-роковые опусы «Deep Purple» или психоделические стенания Джима Моррисона. Тогда же появилась мода наклеивать надписи из гуммированной бумаги на рабочие куртки. У меня, например, гордо красовался логотип «Led Zeppelin», собственного дизайна, у других — что-то попроще. Но, одним словом, круто! И ведь никто не запрещал! Вот если бы стали клеить безобидные лозунги, типа «Секс без дивчины — признак дурачины!», могли последовать репрессии. А так, люди работают, не прогуливают, не пьянствуют (курили почти все) и ладно.

Вот ещё один яркий эпизод той осени 1969 года: коллективное прослушивание нового альбома Битлз. Начну по порядку. В начале года я «вышел» на известного в узких кругах коллекционера Юру Быстрова. Тот был на несколько лет старше и занимался коллекционно-коммерческой деятельностью с середины шестидесятых. Его тесть работал в дипкорпусе и сам увлекался роком. Для сотрудника, постоянно бывающего в загранкомандировках, привезти новую модную пластинку не составляло труда. Так в типовой двухкомнатной хрущёвке Быстрова за несколько лет собралась увесистая коллекция винила.

Я стал частым гостем на улице Козакова, привозил с собой магнитофонную приставку «Нота» и записывал все подряд за небольшие деньги. Юра разрешил мне даже фотографировать обложки альбомов. До сих пор хранятся несколько рулонов черно-белых негативов. Маленькие фотки я вклеивал в общие тетради-каталоги, куда переписывал данные с каждой пластинки. На сегодняшний день таких тетрадей скопилось аж тридцать семь штук. С недавних пор я перестал вести записи, теперь, когда есть Интернет, надобность в этом отпала.

Меня оставляли в комнате одного, я начинал священнодействовать: выбирал пласт, ставил на проигрыватель и включал запись. Затем заворожено рассматривал волшебные образцы тамошней полиграфии со специфическим запахом, который помню до сих пор. Квартиру охранял огромный дог, хозяин куда-то уходил, и до его возвращения я не мог переступить порог комнаты. Но я был настолько увлечён своим хобби, что несколько часов пролетало незаметно.

В конце сентября, Юра попросил меня отвезти только что вышедший альбом Битлз «Аббатская Дорога»(«Abbey Road»), в другой конец города и передать в руки Володе Сусанину (нашему общему знакомому коллекционеру). Я решил схитрить и записать

себе по пути этот альбом. Взял за компанию нашего клавишника из «Феникса» Олега Лебедева и кого-то ещё из друзей. После того, как заветный 400-граммовый груз, стал нашей временной собственностью, мы поехали к звукооператору Коле Антонову по кличке «Клещ». Понятно, что у талантливого радиоинженера, но ужасного скряги (оттого и кличка такая) имелась отличная аппаратура, а, главное, уникальный магнитофон собственной сборки. Нам хотелось иметь качественную фонограмму, оттого рванули не ко мне, а к специалисту. Пока делали запись, передавали из рук в руки, ставшую в наши дни, культовую обложку. Спустя некоторое время, пластинка Битлз попала к адресату на проспект Пархоменко. Допускаю, что на тот момент это был первый экземпляр диска в нашем городе.

Как потом выяснилось, пройдоха Антонов успешно стал продавать копии альбома, забыв поставить нас в известность и слегка поделиться. Вот ведь, память, сохранила не только шоково-восторженное состояние от прослушивания шедевра англичан, но и бытовые подробности. Никто тогда не знал, что мы слушаем последний диск Великой четвёрки! Как известно, группа распалась, и вышедший на следующий год альбом «Пусть будет так», вовсе не последний, а записанный ещё до «Abbey Road», студийный эксперимент.

В те времена я несколько раз ездил к Коле Васину на Ржевку и видел похожий экземпляр «Abbey Road» с помятым углом (мир тесен). Я возил этому Васину негативы битловских журналов и еще какие-то материалы. Коля мучил меня вопросами о творчестве четвёрки, о подробностях жизни участников. Но тогда я был ещё полным профаном и толком знал лишь общую информацию о группе. Для несведущих читателей поясню, Васин — самый фанатично преданный поклонник «Beatles» в России. Он вошёл в когорту известных в мире коллекционеров битловской тематики. Коля получил широкую известность в узких кругах меломанов на родных просторах. Ему выпало счастье целовать руку сэру Полу Маккартни, но это новейшая история, а мы возвращаемся в 1970 год.

Военкомат поступил очень гуманно — весной мне дал ещё одну отсрочку и лишь для того, чтобы я по осени продолжил занятия, вот тогда по закону меня уже могли привлечь в ряды СА, но с обязательным восстановлением в училище после службы. То есть, ясно дали понять, что осенью забреют, а через два года (вот ведь повезло — армия как раз перешла на двухгодичный срок), буду вновь принят в училище на третий курс, дабы успешно его закончить и получить аттестат. Учебный год пролетел,

наступили каникулы.

Но дурака валять мне не дали. Мать пристроила дитя на всю летнюю смену в пионерский лагерь. Оформителем. Это была халтура, без записи в трудовой книжке, по условиям которой мне выделялась комната и трехразовое питание, плюс зарплата в сорок рублей, а взамен работа красками и кистью. То есть, где чего подкрасить, оформить стенгазету, писать лозунги и к детским театрализованным праздникам расписывать декорации в клубе. Меня так же элементарно использовали в качестве рабочей силы: круглое таскать, плоское перекатывать. Мне эти телодвижения сильно напомнили трудовую практику в Пушкинском заповеднике. Я имел право уезжать иногда в город и возвращаться на своё усмотрение, если не загружен мазнёй. Образовалась необременительная работа плюс отдых на природе и относительная свобода. Сказка! Я привёз с собой приёмник «Океан», приобретённый по блату. Без устали ловил «вражьи голоса», благо в Рощино сигнал шёл устойчивый, и «глушилки» тотально не блокировали новинки рок-музыки и прочую антисоветчину.

И вот, однажды приезжают ко мне Леня Майоров и Сашка, тот самый кореш из Пскова. И вываливают альбом Beatles «Let It Be», вышедший в Европе 29 апреля (в Англии 8 мая). Коллекционеры знают, первое издание было выпущено с огромным буклетом, по сути, ярко иллюстрированной сто шестидесяти страничной книгой, пестрящей фотографиями и цитатами из фильма. Это чудо вкладывалось в специальный карман и вытаскивалось подобно спичечному коробку. Я ахнул, Битлы вообще были пионерами полиграфических новаций (достаточно вспомнить двойной «Белый альбом» с плакатом и портретами участников), а тут такой наворот! Сашка был парень не промах, он заломил за необычный виниловый диск целых сто двадцать рублей. Я поник, таких денег у меня сейчас не водилось! Варианты отсрочек и других компромиссов были отклонены, и раритет навсегда исчез с моего горизонта! Информация для дилетантов: за оригинальный «Let It Be» с книгой в отличном состоянии, российские коллекционеры в наши дни готовы отвалить до пятидесяти тысяч рублей.

Надо сказать, что после истории с конфискацией я стал осторожней, но бросать своё хобби вовсе не собирался. Спустя некоторое время вновь стал ездить к Гостиному двору, пряча в холодное время года пластинки под пальто. Начало новой, уже тематической коллекции, положил альбом «Please Please Me», и я стал потихоньку собирать всю дискографию «Beatles». В этом мне здорово помог мой школьный друг Саша Зубковский. Он таки

нашёл где-то возможность доставать винил и стал одним из моих поставщиков битловской серии. Для сведущих хочу похвастаться: перед демобилизацией в коллекции не хватало лишь пары альбомов, зато имевшиеся, — это так называемые «первопрессы» на жёлтом «Parlophone Records» и «Apple».

Жил я тогда у тётушки, временами появляясь на 3-й Торфяной улице. Но в Старой Деревне жить скучно, любимой привычной техники не хватало. Ни тебе телефона поболтать, ни телека, ни музыки, да и город где-то не здесь. Одним словом тоска болотная! Иногда навещал дядю с бабушкой, но я вырос и отдалился от них. Мы стали слегка тяготиться непониманием, которое обычно возникает между родственниками в подобных ситуациях и называется конфликтом поколений.

А вот у тётушки, особенно после появления телевизора, (покупал в комиссионке на свои трудовые) жилось припеваючи. По весне раздался телефонный звонок. Попросили, причём очень официально, мою золотую, незабвенную Яловецкую Марию Моисеевну. После разговора она сильно изменилась в лице и тревожно задумалась, её приглашали на Литейный в КГБ! В классических традициях Конторы объяснять ничего не стали и лишь напомнили о необходимости иметь при себе паспорт (спасибо, что не узелок с вещами). Терзаемая сомнениями пожилая женщина (на тот момент ей стукнуло уже 66 лет), коммунистка с 1934 года, покорно двинулась в известном каждому ленинградцу направлении.

Старушка вернулась растерянная и подавленная. В нужном кабинете до её сведения довели следующую информацию: в США объявился двоюродный брат, который разыскал тётушку через Красный Крест и желает вступить в переписку. Кроме того, у этого родственника имеется сын, который ни много, ни мало лауреат нобелевской премии в области медицины. Компетентные органы обязаны довести информацию до гражданки СССР и убедиться в том, что она готова пойти на контакт или наоборот, не желает иметь ничего общего с отщепенцами и пособниками капитализма. Тётушка так растерялась, что скорей от страха, дала согласие «на контакт» и подписала какие-то бумаги.

А спустя некоторое время мы получили первое письмо, где рассказывалось о непростой судьбе эмигрантов после войны, мытарствам по заграницам и прочих трудностях. Двоюродный брат живо интересовался судьбой тётушки и спрашивал не нуждается ли она в помощи. Вот эта часть письма меня особенно заинтересовала. Завязалась переписка. Я взял инициативу на себя и в дальнейшем сочинял ответы под бдительным контролем тётки. Они очень быстро узнали, что у Мэри Моисеевны есть

племянник, который ухаживает за больной женщиной, поскольку возраст и травма ноги очень её ограничивают. Ещё эти родственнички узнали, что опекун Вадим очень любит зарубежный рок и фирменные шмотки.

А осенью любвеобильный братец выразил желание пригласить тётку в гости, при этом брал на себя все расходы! В то время как раз начинал совершать регулярные рейсы круизный лайнер «Михаил Лермонтов». А маршрут-то какой — Ленинград — Нью-Йорк — Ленинград. Картина маслом! Дело оставалось за малым — согласиться и ждать вызова. Но! Въевшийся за десятилетия совково-патриотический мусор и откровенное нежелание вылезать из привычного болота неожиданно превратили доброго и безвольного пожилого человека в решительную бескомпромиссную женщину. На все мои уговоры и увещевания, что я довезу тётю на такси к самому борту парохода, отправляющегося в другой мир, наталкивались на решительное «нет». Главным аргументом против поездки стала травмированная нога. Мечталось, что для меня, как сопровождающего и, в общем-то, не постороннего человека, тоже найдётся приглашение. Скорей всего, с моим личным делом, никуда бы не отпустили (а, может, и наоборот). Но, как говорится, мечтать не вредно.

Пришлось отказаться, ссылаясь на состояние здоровья, принять столь лестное предложение. Когда я писал ответ, то долго подбирал выражения, чтобы не оттолкнуть родственников и уверить их в нашей бесконечной любви. В начале семидесятых, «нобелевский» родственник по приглашению Академии Наук в составе американской делегации, приезжал в Москву, затем в Ленинград. Тётушка с ним встречалась, я — нет. Да, жизнь могла бы измениться, но судьба распорядилась иначе. Вместо халявного путешествия в другую страну, весьма вероятного невозврата и статуса беженца, я загремел в армию.

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

Осенью я прошёл призывную комиссию и был признан годным. Первая контрольная явка состоялась в начале ноября. В училище показал повестку и оформил увольнение с работы, все родственники предупреждены, вещи собраны. Но в тот день нас отпустили из военкомата и выдали предписание на 19 ноября. Время «чемоданного настроения» протекало в вялом бытовом пьянстве и улаживании личных дел. У меня была девушка, с которой предстояло расстаться. Этот факт в купе с предстоящей и неведомой армейской жизнью явно не подымал настроение. По договорённости с Леней Майоровым весь мой коллекционный винил переходил к нему на сохранение. Жить я переехал на Торфяную и в назначенный день приплёлся к военкомату Ждановского района на улице Шамшева.

Сколько раз я видел в отечественных фильмах радостных и бравых призывников, заплаканные глаза красивых девчонок и просветлённые лица родителей и друзей. Пышные проводы под звуки оркестра и прочие патриотические красивости. В нашем случае это выглядело иначе: вышел военком, провёл перекличку. Помятая, полупьяная разношёрстная масса, спотыкаясь и выкрикивая непечатные реплики, всосалась в обшарпанный автобус. На улице жидкая толпа провожающих вяло колыхалась и махала руками. Оркестр в этот день отсутствовал, а обычная ленинградская сырая хмарь дополняла картину похмельной депрессии и безысходности. Тронулись. Большинству призывников стало скверно, единственным развлечением были разговоры и разглядывание привычных силуэтов городских зданий.

Сборный пункт находился в Пушкине. По мере прибытия призывников старинная площадь наполнялась будущими бойцами и гулом тысяч голосов. Стали формировать эшелоны. Наша колонна тронулась к вокзалу. Затем мы погрузились в вагон. Сопровождающие офицеры, уставшие и злые, вяло отмахивались от бесконечных вопросов. Состав тронулся и повёз меня в неведомую жизнь.

Маленькая станция Паплака в Латвии, в сорока километрах от Лиепаи. Неподалёку от нее и располагался гарнизон. Я попал в ШМАС — школу младших авиационных специалистов, готовившую профильных механиков в действующие полки истребительной авиации. Так я стал курсантом и учился на техника по двигателю реактивного МиГ-21.

Курс молодого бойца, присяга, все, как обычно. В январе 1971

года мне присвоили первое (оно же последнее) звание «ефрейтор» и назначили командиром отделения. Что такое «командир отделения» в богом забытом гарнизоне никому неведомого посёлка, в не совсем дружественной социалистической республике нашей необъятной страны? Ну, это как посмотреть! Лично для меня ответственное назначение! Тут переплелось честолюбие маленького человека, подхваченное оказанным доверием и ощущением собственной значимости. Интересно испытать себя в новом качестве — начальника десятка здоровых мужиков, хоть и земляков, но теперь уже подчинённых.

Когда читаю сегодня прессу и слышу бесконечные рассказы о чудовищной «дедовщине» в армии, извините, не верю! Не отрицаю, определённая зависимость от старослужащих имеется, но тотальный террор и ежедневный пресс молодых бойцов — журналистские страшилки, подкреплённые стенаниями комитета солдатских матерей. Я общался со многими людьми, служившими в СА, как срочниками, так и офицерами. Все, как один, утверждают: белоручек, маменькиных сынков и разгильдяев не любит никто. И мера отношения к ним, в зависимости от конкретных условий, может варьироваться от неприязненных до жестоких, как повезёт. Я не сталкивался за два года службы с беспределом, и всё тут! Никто старательно не унижал меня, не втаптывал в грязь моё человеческое достоинство. Трагедии были, но никак не связанные с «дедовщиной». Прошло почти сорок лет после демобилизации, а у меня остались только самые тёплые воспоминания о своих командирах и сослуживцах.

Ближе к весне из моего отделения пропало два солдата. ЧП по команде распространилось во взводе, затем в роте. Наконец, доложили и батальонному начальству. Забили тревогу. Меня возили к особистам в штаб округа, располагавшийся в Лиепае, допрашивали. Выяснили, что побег не был ничем спровоцирован, оставление части личная инициатива двух придурков. Поисками в итоге занимались все подразделения учёбки, причём не только днём но, что самое неприятное, и ночью. Беглецов нашли только на четвёртый день.

Когда озлобленные, не выспавшиеся, перепачканные грязью курсанты привезли в часть горе-солдат, беглецы мало напоминали людей. Оба никакие: серые лица, остановившийся взгляд, гражданские обноски и чудовищная вонь. Хотели выгрузить их на гауптвахту, но учитывая состояние солдат, я приказал отправить их в медсанчасть. Все оказалось просто и банально: хлопцы ушли в «самоход», раздобыли самогон, а затем «добрые» местные жители скормили им наркосодержащие таблетки, не бесплатно, разумеется. В итоге остатки разума

оставили военных, и «искатели приключений» тупо шли неизвестно куда, стремительно деградируя до скотского состояния.

Судить солдатиков не стали. Батальонный врач привёл их в божеский вид и вернул в казарму. Курсанты, с моего попустительства, отвели их в туалет и как следует всыпали за нервы и бессонные ночи. Наконец, сильно помятых, глубоко сожалеющих о своём поступке возмутителей спокойствия закрыли на «губе». Вслед за ними отправили и меня: за то, что не остановил «воспитательную работу», за отсутствие бдительности и просто так, для профилактики на будущее. Правда на следующий день меня выпустили, а вот тех двоих отправили служить на Кушку: кто знает, то поймёт! Да, не сахар, но уж всяко лучше, чем дисциплинарный батальон.

История быстро забылась, и я продолжал учиться, тщательно заполняя прошнурованные и проштампованные спецчастью конспекты. В свободное время выступал в хоре, где сошёлся с Васей Митусовым. Как и я, Васька, имевший опыт игры в ВИА, знал и любил рок. В курилке мы драли глотки под гитару и мечтали о серьёзной карьере на эстраде. Позже Вася по распределению отправился служить в Венгрию, присылал мне письма с фотками местных групп (как известно, рок-движение у венгров не зажималось и явило миру немало знаменитостей). Васька хвастался, как ходил в самоволку на концерт английской группы «Free». Обалдеть! Уже на гражданке Митусов закончил музыкальное училище по классу ударных. Играл в каких-то группах. Последний раз мы с ним тесно общались на моей свадьбе.

Вместе с весной пришло время экзаменов, затем распределение. Настоящая боевая техника заждалась своих специалистов. Абсолютному большинству курсантов было интересно, что же дальше? У меня ситуация складывалась иначе. Взводный узнал из личного дела, что я учился на столяра, и доложил об этом начальнику школы. Полкан вызвал меня на разговор.

— Вот что, боец! У нас есть вакантное место замкомвзвода. Но держать мы тебя будем, как столяра. Работать будешь в мастерской, там есть станки. Дел много. Что думаешь, курсант?

— Не знаю, товарищ полковник, я ведь учился чуть больше года…

— Как это «не знаю»?! Рубанок и молоток держать можешь?

— Ну, да. Согласен.

— Не «согласен», а «есть»! Ладно, иди в часть, мастерскую тебе покажут. Принимай технику и включайся. Посмотрю, если

всё будет нормально, получишь «сержанта» и останешься в части. Дембельнёшься старшиной, а захочешь, оставим и на сверхсрочную…

Терзаемый противоречивыми чувствами, я пошёл проверять свои гражданские навыки в армейской обстановке. На второй день при работе на фуганке я умудрился попасть пальцем в ножевой вал. О досадном происшествии незамедлительно доложили наверх. В тот же день на всеобщем построении командир части заклеймил меня позором.

— Нам такие работники не нужны. Членовредительством пусть занимается в другом месте, — затем полкан обратился к моему командиру взвода, — оформляй в действующую часть.

Полковник что-то ещё говорил, а я в душе тихо радовался, лучше в неведомый полк, чем прозябать в этой дыре. И, как показало ближайшее будущее, судьба распорядилась правильно.

Через пару дней нам вручили свидетельства механиков. Затем вокзал и сутки пути к новому месту службы, но уже не растерянными гражданскими недоучками, а состоявшимися молодыми солдатами, в новенькой парадной форме. Наш вагон прибыл в Лиду — административный центр Белорусской ССР, а оттуда армейский автобус привёз в городок Щучин. Мне сразу понравился этот старинный уютный и тихий городок, ведущий свою историю с пятнадцатого века. Нас принял Волковысский Краснознаменный ордена Суворова 3-й степени истребительный авиационный полк, в/ч 40476. Гарнизон вплотную прилегал к жилым кварталам города, и это мы позже оценили, когда стали ходить в самоволку.

Из казармы меня вызвали в штаб полка. Познакомиться со мной пожелал майор Рудаков, списанный по здоровью лётчик первого класса, терпеливо коротающий время до пенсии в бумажной рутине. И в этот раз анкетные данные в личном деле сыграли решающую роль в моей дальнейшей армейской службе. Рудаков расспросил о моих художественных возможностях и, получив подтверждение, огласил вердикт — служить в штабе в должности писаря-картографа. Так мои навыки механика по обслуживанию двигателя и не понадобились Советской Армии. Зато стали востребованы способности обращаться с плакатными перьями, карандашами, кистями и красками.

Я стал «блатным», поскольку подчинялся только замначштаба Рудакову и был освобождён почти от всех нарядов. Когда взвод строем отправлялся в ТЭЧ (технико-эксплуатационная часть), я своим ходом следовал в деревянное одноэтажное здание штаба, где мне выделили комнату и всё необходимое для работы с

картами и документами. На первых порах меня натаскивал старослужащий, уже собиравшийся домой.

Служилось интересно. В дни полётов из окна каморки я наблюдал, как по взлётной полосе стремительно взмывают в небо истребители МиГ-23. Самолёты нового поколения с изменяемой геометрией крыла при взлёте издавали невыносимо громкий звук рвущейся материи. Полк недавно начал осваивать подобную технику, а незадолго до «дембеля» появились и новейшие секретные двухкилевые МиГ-25.

Я получал в спецчасти фрагменты карт района, затем склеивал их силикатным клеем в единое полотно, ставил традиционный гриф «секретно». Под руководством майора Рудакова разноцветной тушью проводил маршруты полётов, схемы учений и прочие лётно-штабные графические премудрости, далёкие от моих художественных возможностей, абсолютно непонятные, оттого неинтересные. Я рисовал кучу графиков, таблиц, планов и ещё черт знает чего. Ну, ещё, конечно, махал веником и мокрой тряпкой на первых порах. Зато был относительно свободен и отлучён от строгой армейской муштры и дисциплины.

В роте я быстро сошёлся с ребятами своего призыва, связанными так или иначе с музыкой и игравшими на инструментах. Игорь Зубаков, родом из Воскресенска, окончил музыкальную школу по классу баяна и владел бас гитарой. Саша Терешко из столицы — гитарист. Боря Зонов из Сибири — музыкальная школа по классу фортепьяно. Юра Портнягин, тоже сибиряк, — гитарист.

За казармами начинались дома офицерского состава — ДОСы, а за ними, на берегу озера, располагался клуб части. Наше подразделение водили туда строем в кино или на концерты. При клубе имелся ансамбль из солдат, закачивающих осенью службу. Требовалась замена, а тут и мы вовремя подоспели. Через командира роты вышли на начальника гарнизонного дома офицеров, пухлого полковника-тыловика, «полкана», хозяйствующего на культурной точке немыслимое количество лет. Доложили, мол, владеем инструментами, хотим играть военно-патриотическую тематику и все такое! Полковник малость попыхтел и дал добро. Мы были допущены с испытательным сроком. В свободное от службы время начались репетиции, требовалось готовить достойную смену прежнему коллективу. Инструменты имелись, желание было, группу доукомплектовали барабанщиком по имени Юра (фамилию забыл), ну а вокал достался мне.

Военный ансамбль — это не только солдаты с гитарами, но и

передовая культурная единица, поднимающая боеготовность и воинскую дисциплину песнями советских композиторов патриотической направленности. По крайней мере, нам так объяснили. В обязанности входили концертные программы по праздникам, а также игра на танцах и шефские выступления. По сравнению с полковым оркестром, исполняющим бравурные марши на гарнизонном плацу, наш секстет считался элитарной кучкой, слегка задирающей нос. Но, это совсем не так! Пока мы были «молодыми», нам доставалась нелёгкая работа по обслуживанию самолётов, наряды, хозяйственные работы, строевые занятия и прочие тяготы армейской службы. Мне, конечно, было легче, но не всегда. Когда начинались учения я пропадал в штабе сутками, постоянно корректируя схемы и расчерчивая бесконечные графики. Расслабиться мы смогли лишь за полгода до дембеля, когда приобрели статус «стариков».

Пока играл старый ВИА мы были на вторых ролях и особой популярностью не пользовались. Когда же наш коллектив занял место прежних музыкантов, а служить оставалось год, появилось сладкое чувство некоторого превосходства, которое неизменно возникает у людей, наделённых привилегиями. Другими словами, мы начали «звездить». Нет, не шибко сильно, а слегка, насколько позволял армейский хомут.

В группе произошли изменения. Комиссовался наш барабанщик (язва желудка, кажется). Искать замену не стали, а посадили на место ударника меня и заставили отбивать «двойки», «тройки», разучивать «лупы» и «петли». Ну и, поскольку большинство ребят имело музыкальное образование, меня натаскали довольно быстро, карая нещадно за сбивку с ритма и «пустые такты».

С новым осенним призывом у нас появился свой звукооператор Андрей Спрынчан. По его рассказам, он был хорошо знаком с набиравшими популярность «Песнярами». До призыва помогал землякам с техникой, когда те ещё играли на минском кирпичном заводе. Андрюша не только занимался аппаратурой, паял схемы для «квакушки» и «фузза», но и стал нашим фотографом, благодаря чему сохранилась куча армейских снимков.

Группе придумали название — «Военная романтика». Сперва я хотел, как это принято на западе, увековечить имя на «бочке» (большом барабане), но получил дулю от «полкана». Тогда я нашёл компромисс — разноцветным лаком вписал в окружность бубна название нашего ВИА. Держу в руках фотографию тех лет, где мы сняты на крыльце дома офицеров: я сижу с тем самым бубном, надо мной Юрка Портнягин, у него на плечах

Зубаков, а с боков поддерживают их Терешко и Зонов. Забегая вперёд скажу, что трое из «Военной романтики» после армии приехали в Питер, двое поступили в институт культуры. Само собой, мы несколько лет тесно общались до диплома. Привет, мужики! Как вы?

Однажды с концертом приехали сами «Песняры». Главного «песняра» Мулявина не было, за старшего выступал его брат Валерий. Уровень подготовки и оснащения произвёл сильное впечатление. Мы как-то сникли, разница между нашей самодеятельностью и профессионалами оказалась очень велика. Но смотреть, а, особенно, слушать будущих легенд советской эстрады было занимательно. Когда музыканты отыграли и стали собирать инструменты, мы всем скопом высыпали из-за кулис. Восхищенно рассматривали аппаратуру, ребят особенно впечатлил «Fender Jazz Bass», с родным комбиком. А я же не отходил от барабанной установки «Premier». Андрей Спрынчан оживлённо болтал с земляками, те поглядывали на членов «Военной романтики» свысока и явно не испытывали желания с нами брататься. Повздыхали и разошлись — служба, знаете ли.

Через несколько дней после памятной встречи Зубаков уехал в отпуск, а по возвращению удивил всех новенькой бас-гитарой «Орфей», стилизованной под знаменитую «скрипку» Маккартни. А вскоре ещё одно пополнение — в клуб привезли рижскую ударную установку (на барабанах с пластиковым покрытием). Установка достаточно прилично выглядела, а после настройки классно зазвучала, не в пример старой раздолбанной «кухне». Но до поры играть на новых барабанах разрешалось лишь в исключительных случаях.

После Зубакова в отпуск уезжал я. Отпуск в жизни солдата второе по значимости событие (первое — дембель, третье — присяга). Кто служил, меня поймёт и проникнется. Рудаков заказал мне офицерские линейки, широкие рейсфедеры и чернила для фломастеров, музыканты — динамики, звукосниматели, записи рок-новинок и всякую мелочь. Я был всем нужен и все были нужны мне!

В Ленинграде я прямо в военной форме сунулся на «Галеру». Там меня безуспешно пытался прихватить патруль, но, главное, я вновь встретил своих друзей спекулянтов и разномастных музыкальных деятелей, шифрующихся под обычных граждан. Хорошо дома! Но, чтобы почувствовать себя полноценным отпускником, пришлось переодеться в гражданскую одежду. И пошла гульба! Я связался с Юрой Белым (одна из значительных фигур питерского движения меломанов). Он записал на магнитофонную приставку «Ноту» несколько бобин с рок-

новинками. Город оказался мил и ласков со мной: друзья помнили, знакомые не забывали, девушка ждала, родные откармливали домашними лакомствами. Впереди ещё несколько месяцев военной службы, а на дворе слякотная весна 1972 года.

Я вернулся в часть пьяненьким, помятым и без обещанных динамиков, но остальные просьбы исполнил. Упаковка с динамиками была успешно забыта в железнодорожном вагоне, хотя, кто будет ругать подавленного гражданским разгуляем отпускника. Начались серые будни, подслащённые творчеством на базе дома офицеров. У нас уже сложился репертуар, за плечами несколько выступлений. Новые композиции проходили обязательную цензуру в лице начальника дома офицеров, который присутствовал на прослушивании с важным видом главного идеолога и плющил кресло в первом ряду.

На английском языке петь не разрешалось (по крайней мере, на официальных мероприятиях), поэтому любимый зарубежный рок лежал под запретом. Но существовал очень простой способ, которым пользовались многие музыканты периода застоя, — переводить текст или подгонять свои стихи под известные шлягеры. Мы стали хитрить. Поэтический труд пришлось взять на себя, что-то писал и добавлял Юрка Портнягин. Одной из таких «зашифрованных» композиций стала замечательная тема Джоржа Харрисона «Something» из репертуара «The Beatles». Ребята старательно разучивали гитарное соло, подбирали гармонию и накладывали новый текст. В общем, подогнали и адаптировали под русскоязычную версию. Начальник приготовился слушать.

— Песня называется «Кошмарный сон», — объявил я и затянул:

> Что сулит нам новый день, дыханье спёрто от угара.
> Солнце заслонила тень и смертоносный визг над головой повис…
> Что-то сделалось с дождём — упали капли цвета сажи.
> Что-то сделалось с землёй — леса и поля кругом я не узнал потом

Когда я спел первых два куплета, старый вояка напрягся, но когда зазвучал припев:

> Куда исчезнуть-ускользнуть, что б не видеть эту жуть
> Дыханье смерти все сильней — приходи же поскорей!!!
> Грохнуло пострашнее, чем в абстрактном песенном

изложении.

— Ты, что, ефрейтор, совсем …ел, — побагровел старик, — какой, на хрен, «смертоносный визг». Что значит «смерть все сильней, приходи поскорей»! — сотрясались полковничьи погоны. Ты это будешь петь ветеранам, которые всю войну прошли? И, вообще, где вы эту песню взяли?

— Это песня протеста, против войны, товарищ полковник, — отрапортовал я.

— Убрать, чтоб я больше не слышал, — негодовал начальник. — Дальше, что дальше?

А дальше все было хорошо. На проникновенной ноте «вы слыхали, как поют дрозды…», волнение улеглось. После задушевных строк «соловьи, соловьи, не тревожьте солдат», ансамбль грянул:

Вдоль квартала, вдоль квартала взвод шагал
Вася Крючкин подходяще запевал,
А навстречу шла Маруся, не спеша,
Шла раскрасавица душа!

— Вот, теперь другое дело, — расцвёл армейский босс, — можете, если захотите. Вот эти песни будете играть, и никаких там слов про «смертоносный визг», я запрещаю. В войну наслушался и нагляделся!

Мы уважительно переглянулись — а «полкан» мужик-то неплохой, да ещё и фронтовик! В репертуаре на тот момент был еще один ремейк — убойная композиция британской группы The Animals «When I Was Young». Я её также адаптировал под песню протеста, где были такие строки:

Взметнулась подо мной земля -
Без ног остался я тогда,
Когда мир вновь помолодел -
Я постарел…

Испытывать судьбу и нервировать пожилого человека, никто не захотел — антивоенный эпик так и не прозвучал. Сейчас смешно за нелепые строчки и авантюрный подход, но тогда все делалось с энтузиазмом и на полном серьёзе, обижать, тем более подкалывать публику вовсе не планировалось. Во избежание новых неприятностей я кропал тексты о любви,

верности, преданности. Это всегда проходило гладко.

Ко второму году службы в доме офицеров, близлежащих окрестностях и в городке Щучине нас уже знали. Знали и девушки, приходившие на танцы охотиться за молодыми солдатиками, а ещё лучше, офицерами, знали наши лётчики, знали сослуживцы и ветераны, для которых мы старались по праздникам. Маленькая, а всё-таки слава. Наверное, есть на земле люди, начисто лишённые честолюбия, но это точно не мы.

По выходным дежурный по части получал список с нашими фамилиями (дабы не было казусов по возвращении в казарму), и мы отправлялись в дом офицеров. Расставляли аппаратуру в актовом зале и за полчаса до начала танцев давали мятые рубли лейтенантам-одногодокам, которые приносили из буфета выпивку. Обычно шесть бутылок крепленого вина — по пузырю на брата. Половина сразу выпивалась в каморке, где хранились инструменты, причём «литёхи» стояли на стрёме, все боялись нашего полковника. Затем привычная процедура, шли в зал и в первом отделении отыгрывали официальную программу: танго, вальсы, совдеповские быстрые танцы и прочую разминку для ног. А вот когда разведка докладывала, что «полкан» и старшие офицеры отправились на покой, мы позволяли себе расслабиться. Допивалось вино, снимались форменные пиджаки и начиналось настоящее разгуляево. Зал пестрел девицами вперемешку с молодыми офицерами, вся эта масса, уже ничем не сдерживаемая, энергично дёргалась под «Криденс» или «битлов», причём исполнение шло на языке оригинала. Вот это был кайф, не шедший ни в какое сравнение с утомительными концертами, загнанными в безликие рамки официоза. И если бы не военная форма, которая всё-таки сковывала, вознеслись бы окончательно. За удовольствие мы расплачивались недосыпом и больной головой на следующий день. Но заниматься интересным делом вне рамок армейских стандартов всяко лучше, чем ворочаться на койке после отбоя, оно того стоило!

Служба подходила к концу. За полгода до дембеля, наша группа стала известна не только в Щучине, но и за его пределами. И все благодаря шефским выездным концертам. Выглядело это так: мы грузили аппаратуру в старый армейский автобус, брали инструменты и рассаживались. С нами ехал старший лейтенант от дома офицеров в качестве курирующего лица плюс водитель-срочник. Автобус шустро бежал по разбитым дорогам и вывозил на «точки», то есть, в окрестные колхозы. Для концерта отводился деревенский клуб, мы расставляли аппаратуру, настраивались и бодро рапортовали о готовности к культурному мероприятию. Но сперва сердобольные жители усаживали нас за

стол. У пожилых мужиков и баб, помнивших чудовищные годы оккупации, образ солдата завсегда ассоциировался с воином-освободителем, а мы значит с их потомками.

— Кушайте, сыночки, не стесняйтесь!

«Сыночки» не стеснялись, с молчаливого согласия старшего наливали себе местный самогон «чемер» и с удовольствием заедали неприхотливой деревенской едой. Но застолье достаточно быстро свёртывалось. Сытые и слегка пьяные артисты шли на рабочее место, чтобы порадовать местных жителей военно-патриотической песней. А когда обстановка позволяла, то к великой радости местной молодежи, мы обрушивали на изумлённых сельчан несколько западных рок-хитов. Вспомнил, как в такое «окошко» решили исполнить битловскую «Girl». Ребята заиграли вступление, я заголосил. Сразу почувствовал — что-то не то. Вижу злобные взгляды музыкантов и тут осознаю, что пою в другой тональности. Допел, а присутствующие ничего не заметили, вот она сила искусства! Нас всегда прекрасно принимали, внимательно слушали и яростно аплодировали, самая благодарная публика — простой человек от сохи (тут я вспоминал избалованного гопника и инцидент в сестрорецких «Дубках»)!

Пришло время, мы приобрели негласный армейский статус «стариков», то есть получили относительную свободу, соответствующую не личным качествам, а отслуженному сроку. Полевая форма была ушита, а на груди появились значки, по которым любой определит старослужащего. Если память не изменяет это были знаки «Классность» (разумеется 1-й степени), «Отличник ВВС», «ВСК» (разрядник военно-спортивного комплекса) и обязательный комсомольский значок.

Значки приобретались несколькими путями. Присылали из дома, покупали у «стариков», а самый оригинальный и распространённый — бартер. Слова такого мы не знали, но принцип был прост и осваивался быстро: наши славные воины кустарным способом изготавливали из плексигласа модели военных самолётов. Раскрашенные цветным лаком цапоном изделия на монументальных подставках пользовались спросом у местного населения. В обмен на незамысловатые поделки можно было получить значки, выпивку, еду и всякое другое. Нехитрые секреты изготовления передавались от поколения к поколению служивых, возможно, подобный бизнес жив и поныне.

Летом родилась шальная мысль смотаться в отпуск ещё раз. Я написал в Ленинград, чтобы выслали жалостливую телеграмму о тяжёлой болезни матери, естественно объяснив, зачем это надо.

Письмо было опущено в городе, а не на территории гарнизона, чтобы не нарваться на цензуру (ни для кого не секрет в каждой части существовала служба перлюстрации). А спустя неделю я с поникшей головой показывал телеграмму майору Рудакову. Начальник хмыкнул.

— Ты не оборзел, парень? Весной же ездил!

— Товарищ майор, сами видите, какое дело. Маму навестить надо. Зато привезу командирские линейки и тушь, и чернила для фломастеров. Лётчики из второй эскадрильи просили широкие рейсфедеры. Ещё плакатные перья заканчиваются, а в городе сейчас их нет.

— Ладно, не канючь, что-нибудь придумаем.

Накануне проходили учения и картографический отдел не без моего скромного участия был на высоте. А до этого я оформлял огромный альбом истории нашего полка, где так изобразил красками орден Суворова третьей степени и орден Красного знамени, да так реалистично, что все решили — вырезал из журнала. В тот же день меня вызвал начальник штаба подполковник Морозов.

— Знаю, что брешешь, я таких телеграмм, знаешь, сколько навидался. Но препятствовать не буду. Купишь все, что нам понадобится для работы, товарные чеки обязательно привези. Десять дней хватит, ефрейтор?

— Так точно, товарищ подполковник! Спасибо, разрешите идти?

— Топай, солдат. Рудаков тебя хвалит, так бы хрен отпустил.

Морозов успел захватить войну. Вместе с нашим командиром части, полковником Кровным, он сбил несколько немецких самолётов. Молодые офицеры, да и мы, солдатики, гордились, что служим под командованием ветеранов. Они не только грамотно командовали, но и, пользуясь своим авторитетом в армии, быстро решали вопросы на бытовом уровне. Отцы-командиры, несмотря на нарочитую суровость и грубоватые манеры, любили службу и подчинённых. Морозова давно списали с полётов, а Кровного медицина щадила и разрешала изредка подыматься в небо.

И вот я снова в Ленинграде. Два слова о личной жизни: у меня была девушка. Даже приезжала в учёбку на свидание. Естественно, мы переписывались, но однажды письма приходить перестали. В этот раз, терзаемый нехорошими мыслями, я сразу рванул к ней домой. А там от ворот поворот! Классика жанра — стал не мил, и меня забыли, бросили. Тема стара, как мир. Я запил и ударился во все тяжкие. Между запоями умудрился прикупить обещанные канцелярские штучки-дрючки,

армейские значки, динамики для колонок и даже сходил на концерт «Поющих гитар».

В часть опоздал на сутки. Надо же такому случиться — я понадобился. Был очень нужен в штабе. Получилось, что подставил своих покровителей. На построении разгневанный командир части вызвал меня из строя и объявил несколько суток ареста. Подстричь наголо меня успели, а «губу» я так и не присел, нужно было работать. Приказ командира замяли (с кем не бывает), но припахали как следует. «Военная романтика» временно оставалась без барабанщика-вокалиста, и ребята меня как-то подменяли. Скоро все позабылось: и неверная девчонка, и скандал с опозданием, близился дембель!

Нам готовили замену. Полтора года назад мы, зелёные новобранцы, переняли эстафету у тогдашнего ансамбля. Сейчас нам дышали в спину и репетировали новые творческие кадры. Подогнали молоденького парнишку учеником на моё место, при этом Рудаков уговаривал остаться на сверхсрочную, обещая введённое совсем недавно звание прапорщика.

Участники группы «по-стариковски» распустились: ходили в самоволку, пили, «клеили» местных барышень. Несколько выступлений провели в городе, в школах. Динамики, что я привёз со второго раза, заняли своё место в колонках. Начальник Дома офицеров разрешил постоянно играть на новой ударной установке, а ребята смастерили мне «журавль» под микрофон. До этого приходилось пользоваться древней стойкой, с которой петь и играть крайне неудобно. В репетиционной комнатушке не переводилось вино, играл магнитофон, звучали новые хиты «The Rolling Stones» и «Deep Purple». Звукооператор Спрынчан записал несколько «демок» наших собственных песен (спустя годы я перевёл эти опусы с осыпающейся магнитофонной ленты в цифру).

Уже поздней осенью мы выступали на всеармейском окружном конкурсе и заняли первое место. Вместо ценных призов начальство клятвенно пообещало, что отправит в запас до ноябрьских праздников, а это дорогого стоило. И, вот он, последний день на армейских подмостках. Днём обязательный концерт, посвящённый 7 ноября: первое отделение отыграл новый коллектив, затем мы. Вечером танцы и отвальная, незабываемый день! Оторвавшись по полной программе и махнув рукой на все запреты, «Военная романтика» зажигала в этот вечер ничуть не хуже отвязанных рокеров. Группа выдала все, что умела. Сейчас держу в руках ту самую тетрадь с текстами песен, которую клал на «бочку» вместо пюпитра, и сам удивляюсь объёмному репертуару. В конце тетради наткнулся на символический трек-

лист для трёх пластинок-гигантов. Эх, записать бы собственный винил на «Мелодии»… Я был романтиком и мечтателем. Увы, никто из нашей группы так и не стал профессиональным музыкантом — на отечественных музыкальных грядках всяких ВИА и без нас хватало.

В последний раз мы выложились полностью, скинули форменные пиджаки и отстегнули галстуки. Перед финальным номером я объявил:

— Товарищи офицеры, дорогие друзья! Ансамбль «Военная романтика» прощается с вами!

И грохнул вступление криденсовской «Proud Mary». Толпа дёрнулась под неведомые ритмы кантри-рока и стала топтать пол. Я зарычал:

Left a good job in the city
Working for the man every night and day
And I never lost one minute of sleeping
Worrying about the way things might have been

Заведённая публика прониклась драйвом чужого шлягера. Потные лица, восторженные взгляды, клубки ритмически дёргающихся тел. Это был угар! Вот, когда я впервые почувствовал обратную связь и энергетику зала, о которой часто говорят артисты. Первый и последний раз! Всегда, слыша знакомое вступление, на волне ностальгических воспоминаний воскресает давно забытое волнение. В конце номера я манерно швырнул в зал барабанные палочки и встал.

Через пару дней мы прощались с полком. Мне увозить было нечего, а вот остальные музыканты тащили с собой несколько деревянных контейнеров из-под авиационных приборов. Пацаны заботливо уложили туда усилители, микшерский пульт, «примочки» для гитар, микрофоны. Командир ТЭЧ заволновался и стал проверять содержимое. В общем, криминала не нашли и после бурных объяснений и препирательств разрешили вывезти из части наше оборудование. В Лиде мы разделились, основная масса поехала московским экспрессом, а я прямым до Питера. Служба закончилась, впереди ждала вольная жизнь и новые рубежи.

МЕСТО РАБОТЫ — ЛЕНФИЛЬМ

7 ноября встречал дома, а после праздников направился в училище, которое успело переехать с набережной Карповки в здание бывшего лицея на Кировском (Каменноостровском). Старинное здание находилось аккурат напротив дома, где жил Алекс Зубковский, и где произошло судьбоносное знакомство с зарубежным роком. Стены новые — преподаватели старые. Меня помнили и на законных основаниях, которые давала служба в СА, включили в приказ о восстановлении. Учебный год уже начался, и переростка, которому пошёл уже двадцать второй год, с интересом разглядывали пацаны, недавно перешедшие на третий курс.

Выпуск моей старой группы состоялся ещё год назад, но кое с кем из прежних знакомых краснодеревщиков я встречался. И, конечно, среди них и мой старый дружочек Игорь Агафонов, который не без моей помощи подсел на рок-музыку, стал принимать деятельное участие в покупках-обменах пластов.

В декабре 1972-го года приехали в Питер мои армейские друзья. Боря Зонов, Игорь Зубаков и Юрка Портнягин. Однополчане целили в институт Культуры. Ребята проявили настойчивость: пошли на подготовительные курсы и устроились работать. На следующий год двое благополучно поступили, а вот Портнягин куда-то пропал, кажется, провалил экзамены. Все годы учёбы мы поддерживали дружеские связи. Сейчас о ребятах мне ничего не известно, вдруг откликнутся?

Жилось голодно. В феврале 1973-го, чтобы как-то пополнить скудный семейный бюджет, я устроился в отдел вневедомственной охраны при Калининском Райисполкоме на должность техника по сигнализации. Работа простая и особых навыков не требовала. Ночью, если срабатывала сигнализация, на объект выезжала тревожная группа и я с ними. Было несколько задержаний, но чаще всего ложное срабатывание. Вызывали ответственного («хозоргана»), который дарил ментам бутылку-другую алкоголя, чего закусить, и подписывался акт. Мы возвращались в отдел и принимали на грудь. Утром я ехал на занятия.

Весной началась практика в училище, затем экзамены. Сами экзамены начисто стёрлись из памяти, кроме одного эпизода. По литературе писал сочинение на вольную тему. Я выбрал «Бойцы невидимого фронта» по книге Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны», а прочитал роман в толстом журнале, кажется, он назывался «Подвиг». Был покорён авторским стилем. Через три

месяца вышел телесериал, который все знают.

Практику проходил на 4-й мебельной фабрике, место не нравилось, и перспектива остаться там работать совсем не привлекала. Я посоветовался с мастером, и выход был найден. По тогдашним законам требовалось отработать два года после распределения. Но, как отслуживший в армии, я мог подобрать себе место сам. Было лишь условие, чтобы будущий работодатель послал запрос в администрацию училища. Очень захотелось на «Ленфильм». То, что там снимают кино, все знают, а чем может заниматься столяр-краснодеревщик, мало кому было известно. Оказывается, на знаменитой студии есть цех декоративно-технических сооружений (ЦДТС), где бригада столяров без приставки «краснодеревщик» не покладая рук успешно трудилась на поприще отечественного кинопроизводства. В отделе кадров студии мне выдали запрос на красивом бланке и я загордился.

Я вновь пришёл туда уже в середине июля, предъявил новенький аттестат вместе с запросом, и был зачислен в штат ЦДТС. Работать оказалось очень интересно. В цеху из дерева изготавливали все, или почти все. Как правило, художник по картине приходил к нашему мастеру и выкладывал эскизы декораций. После обсуждения и корректировки мастер приносил листочки с чертежами нам работягам. Начиналось священнодействие с деревянным брусом, фанерой, а иногда, массивом ценных пород дерева, метизами и мебельной фурнитурой. Спустя время я играючи вязал оконные рамы, изготавливал двери, мебель и совершенно необычные вещи, которые после покраски и специальной обработки превращались на съёмочных павильонах в полноценный реквизит.

Музыкальная толкучка перебралась к Инженерному замку (питерцы обычно так называют прибежище императора Павла, а не Михайловским). По вечерам у памятника Петру Первому собиралось человек двадцать-тридцать, а, может, и больше. Все с портфелями или сумками в руках. И, любой, кто был в курсе, мог безошибочно сказать, что находится там. Первым, кого я встретил, оказался Женя Скачков. Я был знаком с ним ещё до армии, часто заходил к нему домой, на улицу Войнова (сейчас это Шпалерная). Женя окончил хореографическое училище, танцевал в массовках. В середине шестидесятых увлёкся эмигрантами Иваном Ребровым, Борисом Рубашкиным, Алёшей Димитриевичем и другими. Но позже примкнул к нашим рядам и втянулся в рок-музыку.

— Привет, где пропадал, чалился?

— В смысле, — не понял я.

— Зону топтал? Ну, сидел?

— Упаси Боже, я из армии недавно.

Вопрос о зоне был не случайным. Женя по пьянке получил первый срок и, отсидев полтора года, вернулся в город к больной матери. Взгляды на мир слегка изменились, как и отношение к окружающим. Женя скоро получит новый срок, распрощается с театром, потом будет работать в такси, станет алкоголиком и скончается.

Восстанавливая связи с нашими тусовщиками-пластиночниками, я узнал удивительную вещь: при Ленинградском обществе коллекционеров (ЛОК) создана секция филофонистов, то есть собирателей виниловых пластинок. Первоначально это вполне легальное место сбора под одной крышей располагалось на Литейном проспекте, в подвале дома № 9. Деятельность свою секция начинала в конце 1972-го и открылась как раз к моему дембелю. Уже в феврале 1973-го, сгорая от любопытства, я спускался по деревянным ступеням, а чуть позже зарегистрировал своё членство.

Я платил взносы, которые аккуратно проставлялись в синий членский билет. По уставу запрещалось не только продавать пластинки, но и приносить с собой зарубежный винил (кроме «демократов» — официальных изданий из стран народной демократии). Понятно, что за столами мелькали фирменные пласты, а деньги передавались втихаря, ведь дурацкие правила для того и пишутся, чтобы их нарушать. Клуб несколько раз менял свой адрес. В середине семидесятых мы пару сезонов обитали в подвале на Ждановской набережной, 11. И лишь затем получили постоянную прописку на углу Лермонтовского и Римского-Корсакова. Неудивительно, что в клубе основная масса людей знала друг друга, в первую очередь, по неофициальным сборищам, о которых речь впереди.

Жарким вечером я и несколько человек сидели на ступеньках Инженерного замка. Пластиночники расходились, обычно это происходило после восьми вечера. Отдельные меломаны ещё кучковались, заканчивая виниловые обмено-продажи. Мы посасывали портвейн, молодой человек в непривычной соломенной шляпе играл на гитаре «Lady In Black», я подпевал.

— Ты выступаешь где-нибудь? — спросил я, глядя, как ловко музыкант берет аккорды.

— Есть одна группа, — нехотя процедил парень.

— Как называетесь, — пытал я незнакомца.

— «Аквариум», а ты из каких будешь?

— Здесь пласты меняю, а, вообще, раньше играл в «Фениксе».

— Не слыхал… Ну, пока, — засобирался владелец экзотического головного убора.

На прощанье я спросил его имя.

— Борис Гребенщиков, увидимся.

— Будь здоров, Боря.

Мне очень захотелось вновь сесть за барабаны и получить свой кусочек славы. Ещё в армии ребята подсказали, что при музыкальных училищах набирают на подготовительные курсы. Я узнал про такое училище на улице Салтыкова-Щедрина 34. Здесь на эстрадном отделении имелся класс ударных инструментов. Запись свободная, набор уже сейчас. Я поехал. Лучше бы этого не делал.

В классе преподаватель попросил подойти к фортепьяно и отстучал на крышке инструмента несложный ритм.

— Повторите пожалуйста, — негромко попросил педагог.

Я повторил.

— Теперь попробуйте вот так. — учитель задал новый ритм. Я не успел полностью повторить урок, как прозвучало: — Спасибо, вы свободны.

— Простите, не понял? — Удивился я, пока не осознавая, что все закончилось.

— Молодой человек, с вашими задатками не стоит идти к нам учиться. С таким чувством ритма ничего путного из вас не выйдет.

— Но я ведь полтора года стучал на ударных в армейском ансамбле! — Меня покоробило не то, что дали от ворот поворот, а с какой поспешностью и равнодушием это произошло.

— У нас не «стучат», как вы изволили выразиться, а играют, — устало произнёс педагог, видать, таких, как я, прошло здесь не мало. — В армии ваши таланты пригодились, а здесь нет. Извините.

Так! На карьере ударника можно поставить крест. Ну, и чёрт с вами. В будущем я знавал пару-тройку знакомых, которые закончили это заведение, получили свидетельство и играли в разных коллективах. Что характерно, выдающихся способностей у этих музыкантов не услышал и запросто мог повторить их элементарные барабанные проходы. Особо не переживал — не срослось, и ладно.

Зато на работе я хорошо освоился и спустя несколько месяцев стал своим в коллективе. Когда не было заказов или они могли подождать, оставлял свой верстак и шёл болтаться по павильонам студии. Встречал актёров, наблюдал съёмки, тёрся в отделочных мастерских, везде интересно и познавательно. Обычно перед обедом в цеху выпивали. В перерыве продолжали принимать «на

грудь», а затем частенько устраивали борьбу в раздевалке. Мне нравилось и то, и другое. Но отмечу, что, когда требовалось, коллектив собирался и вкалывал, не покладая рук. Кроме того, у большинства столяров была отличная подготовка и золотые руки. За это многое прощалось.

Мне запомнились частые визиты прекрасного актёра Алексея Смирнова. В то время он ещё не был заслуженным артистом и приходил цех с необычными просьбами. Знаменитый комедийный артист очень любил возиться с корешками и сучками, создавая из них причудливые фигурки. Иногда требовалось что-то отрезать или поправить на станках, тут Алексей и обращался к нам. Однажды я попал в музей «Ленфильма». Музей не публичный и посетить его просто так было нельзя. Вдоль стены расположена галерея с портретами актёрского отдела студии. Прочитав краткую биографию Алексея Макаровича, я с удивлением узнал, что он прошёл почти всю войну, служил в войсковой разведке, неоднократно ходил в тыл врага. Кавалер двух орденов Славы. После визитов к нам актер всегда оставлял одну-две бутылочки вина, но сам не принимал.

Как уже упоминалось, музыкальные междусобойчики переместились к Инженерному замку. Для меломанов «Галёрка», являлась альтернативой. Разница заключалось в том, что у «Инженерки» существовал круг исключительно музыкальной направленности, а Гостиный Двор стал центром барыг всех мастей, куда в начале семидесятых уже тянулись приезжие из других регионов СССР. Пройдёт время, я не замечу, как намертво врасту в теневой рынок, узнаю его специфику и стану совмещать музыкальные интересы с мелким «галерным» промыслом.

Теория «полосатости» нашего бытия, когда чёрная полоса неудач сменяется временным благополучием, абсолютно верна для людей, ведущих активный образ жизни. Полулегальная повседневная суета в мегаполисе принесла мне новые неприятности. В конце года я как всегда что-то менял у Инженерного. Чтобы не привлекать внимание мы отходили в укромные места рядом с бывшим императорским дворцом. Время зимнее — темнеет рано. Со мной увязалась пара меломанов. Я расстегнул портфель и стал вытаскивать пластинки. Но тут один из «покупателей» уверенно достал красную книжечку, ткнул в лицо и коротко сформулировал свои требования:

— Мы из милиции, сейчас пройдёшь с нами и объяснишь, почему продаёшь пластинки в общественном месте!

Внутри всё оборвалось, вспомнилась давняя история, острое чувство опасности, помноженное на страх, парализовало

сознание. Я начал канючить: мол, меняюсь, не продаю, пластинки не мои, отпустите пожалуйста. Но я бы сильно удивился, если бы грозные «менты» вздохнули и погрозив пальчиком, отпустили. Беспощадная клешня закона опять схватила меня за шкирку.

— Давай, топай. В отделении всё объяснишь!

Тогда горячечное сознание подсказало обычный и достаточно действенный способ поведения: я стал торговаться. И процесс быстро пошёл в нужную сторону.

— Ладно, сейчас пласты все равно придётся забрать. Завтра придёшь за ними в отдел ОБХСС на Крылова.

Я тупо отдал всё, что лежало в портфеле, около двадцати «гигантов» и, кажется, несколько синглов. Люди исчезли в темноте. Я кинулся к своим, испуганно поведал о происшедшем. Один меломан, видно имевший подобный опыт, предположил:

— Если это менты, почему тебя не загребли? Может, развели? А как выглядел старший?

Я вспомнил коренастую фигуру и уверенные, жёсткие манеры вымогателя, меня осенило.

— Точно, блин, он же сказал, чтобы я забрал винил завтра в 27-м отделении.

— Понятно, ты попал. Пласты понесли на Гостинку продавать. Беги туда, что сможешь выкупи, они наверняка будут скидывать оптом…

То что, меня кинули, я окончательно понял, когда на «Галёре» рассказал знакомым и попросил помочь собрать то, что можно. Что-то действительно обнаружилось, но большая часть моей коллекции исчезла навсегда.

Спустя какое-то время я встретил обидчика на «пятаке» Гостинки. Состоялся короткий и конкретный разговор. Он вспомнил меня и усмехнулся.

— Хочешь мазу качать, давай попробуй!

Я не захотел. Слабоват, чтобы устраивать разбор с бандюганом, который грамотно развёл лоха. Пришлось потом долго рассчитываться с Агафоновым, ведь большая часть пластинок принадлежала ему. Я пробовал жаловаться знакомым. Реакция была замечательная:

— А что ты хотел? Вор у вора дубинку украл. Издержки бизнеса, привыкай. Или пойдёшь настоящим ментам жаловаться?

В конце 1973-го на новогодние праздники я с женой Светой, Зубаков, Зонов и Портнягин поехали в Москву. Зубаков связался с нашим первым барабанщиком и договорился о встрече. Тот парень играл со своей командой на танцах в Воскресенске. Вот мы из столицы туда и пожаловали. Незабываемая встреча. Нас пригласили на сцену и представили. Музыканты отдали нам свои

инструменты, и «Военная романтика» без всякой подготовки отыграла несколько композиций. Я опозорился: колотушка «бочки» попала в расклёшенную брючину. Пришлось отвлечься, чтобы закатать противную штанину. Но, в целом, все прошло гладко и весело, больше мы никогда не выступали вместе. Спасибо нашему другу.

В июне 1974-го года я закончил вечернюю школу. Уже тогда жить без среднего образования считалось неприлично. Надо учиться дальше и устраивать свою жизнь. Банальности, которые очевидны в нынешнее время, тогда как-то не сильно беспокоили. У меня была хорошая работа, семья и крыша над головой, учиться не хотелось. А вот музыка и «культпоходы» в центр города, это всегда с удовольствием. Я сунулся в Высшее художественное училище им. В.И. Мухиной. Дело в том, что, школа № 190, из которой я по глупости ушёл, являлась базовой при «Мухе». Основная масса выпускников подавала документы в это престижное заведение.

Сначала состоялся конкурс работ, затем экзамены на двухгодичные подготовительные курсы. По работам прошёл, не зря когда-то получил диплом на московской всесоюзной выставке юных художников. Экзамены по рисунку и натюрморту обеспечили мне место сразу на втором курсе. А вот дальше не сложилось — ребёнок, семья, материальные проблемы. Одним словом, мужик должен кормить родных и помогать близким. Тут, видимо, вмешалась в судьбу природная леность и нежелание преодолевать трудности.

Сошёлся с Володей Куратца. Наши отношения строились на коммерческой основе. Володя ждал меня после ленфильмовской смены на скамеечке в маленьком садике у входа на студию. Он приносил кучу новеньких «пластов» и отдавал мне, как специалисту, на реализацию. Мы оговаривали стоимость и расставались на несколько дней. В следующий раз я возвращал деньги и брал новую партию. Пластинки привозили его знакомые, участники международных автогонок, главное, что поставлялись новинки, в основном, даже запечатанные. Была такая практика у звукозаписывающих компаний — одевать альбом в тонкий полиэтилен. Подобные пластинки служили гарантией качества и ценились высоко.

Винил материал недолговечный. После нескольких проигрываний на отечественных некачественных вертушках с допотопными иглами, винил терял товарный вид, начинал скрипеть и похрустывать. Появлялись царапины «дерибасы», неприятно отдававшие в ухо щелчками и треском при воспроизведении. Иногда игла просто перескакивала на

бороздках, а если пластинка покоробленная, пиши пропало. Наши умельцы быстро взяли на вооружение фишку хитрых виниловых производителей и стали запечатывать «гиганты» в плёнку. Причём делали это довольно кустарно, но всё-таки находили своих покупателей. Я один раз попадался на удочку подобных мазуриков. Обычно брался оригинал, винил изымался, а на его место вставляли что-нибудь из советской эстрады или подобный экземпляр, но испорченный. К счастью, такие акции были редки, все друг друга знали, нарываться на скандал желающих мало.

В те времена хорошие импортные «вертушки» можно было по пальцам пересчитать. Такая роскошь стоила приличных денег, правда, во второй половине семидесятых наша промышленность освоила выпуск электрофонов и радиол высшего класса с электромагнитными головками. Чуть позже появилась «Unitra» с микролифтом, стробоскопом, пассиковой передачей и другими наворотами. В 1974-м можно было приобрести по блату «Dual» или самодельные вертушки, скопированные редкими отечественными умельцами с лучших образцов тех лет. Кстати, подобный «самопал» я приобрёл за двести пятьдесят рублей в 75-м году, «голова» там стояла фирменная, некоторое время был проигрывателем очень доволен. Потом чудо сломалось, я продал вертушку на детали.

Не стану скрывать, что новинки от Куратца успешно расходились на «Галере» и, как вы догадываетесь, небескорыстно. Винил приходил и от Алекса, а также ряда других теневых деятелей. Что-то оседало в коллекции, что-то отдавалось знакомым и даже улетало авиапочтой в другие города. К середине семидесятых у меня было несколько адресов, куда я отправлял увесистые коробки, обшитые материей. На почте изредка интересовались содержимым, а я заученно отвечал: «польский джаз». Деньги высылались предоплатой до востребования, причём, в целях конспирации, на разные почтовые отделения. Я могу понять коллекционеров, моих заказчиков из Свердловска, Новосибирска и ряда населённых пунктов. Во-первых: не надо тратиться на поездки, во-вторых: в центральной России фирменный винил было вообще не достать, чем умело пользовались музыкальные спекулянты вроде меня.

Поскольку нашу деятельность можно назвать условно «публичной», стремительно ширился круг моих знакомых. Как-то мой старый друг и меломан Юра Вилков озадачился приобрести цветной телевизор. Не стоит уточнять, подобное желание, даже подкреплённое достаточной суммой, осуществить в те годы было непросто. Как решаются проблемы дефицита знают даже

современные тинэйджеры. Мы не стали изобретать велосипед и пошли проторенным путём опроса знакомых. По наводке я вышел на продавца магазина телевизоров. Высокий парень на момент моего появления негромко крутил на вертушке что-то зарубежное, и я сразу понял, это наш человек! Мы познакомились, я изложил просьбу, при этом рассказал о своём музыкальном хобби. Так я сошёлся с Володей Ильюшиным, с которым дружим и по сей день. Телевизор Володя организовал, долю получил, и началось многолетнее общение, которое зиждилось на любви к музыке, выпивке и мелкому бизнесу.

Зимним вечером 1974-го произошло памятное знакомство с Николаем Чичкевичем. Было это так. Филофонисты недолгое время собирались в Петроградском районе у какого-то дома культуры. В руках молодого человека приятной наружности торчала пластинка группы «Queen». Ого, ведь буквально накануне я слышал их третий альбом, тогда просто «выпал в осадок» от фантастических мелодий и уникального многоголосья. Мы быстро сошлись с Колей по интересам и общаемся до сих пор. Чичкевич старше меня на четыре года, музыкой увлёкся ещё в начале шестидесятых, хорошо знал английский и читал рок-новости из оригинальных источников. Одним словом, умница и кладезь информации.

Память услужливо выхватывает и высвечивает фрагменты тех лет. В 1975-м году на «Ленфильме» запустили совместный проект с американской студией «20 век Фокс». Назывался он «Синяя птица». Довольно смелое мероприятие в разгар холодной войны. Студия была на ушах, в Питер приехала звезда Голливуда Элизабет Тэйлор. В тот день меня вызвал мастер. В кабинете сидели люди в штатском, они стали внимательно разглядывать меня. Сердце ёкнуло, ну вот, опять начинается! В голове лихорадочно прокручивались грехи последнего времени, но их было так много, что я запутался и безвольно обмяк.

— Вот что, Вадим. Переодевайся, возьми инструмент. Прокатишься в гостиницу «Ленинград». Там надо кое-что подправить по нашей части. Тебе всё объяснят, сделаешь и вернёшься.

В чёрной «Волге», как много лет назад, я ехал зажатый сотрудниками КГБ, но на душе было спокойно. Мне растолковали задание. Кинодива Элизабет Тэйлор снимала аж три номера. В одном жила сама, другой под обслугу и секретаря, третий под гардероб (как скромно, не правда ли?). Мне надлежало в этом помещении смастерить и установить держатели под платья голливудской звезды. Прибыли на место, брус и кругляк-сороковка уже подготовлены. Через несколько часов я вернулся

на студию. Мужики сразу полезли с расспросами:

— Видел «звезду»?

Я ответил просто и доступно:

— А то, стояла рядом и подсказывала, что делать…

— ???

— Да шучу, откуда там ваша «звезда». Комитетчики меня из номера не выпускали и следили за каждым движением. В туалет и то провожали.

В июне истёк срок моей двухгодичной отработки. Пора двигаться дальше. Я взял расчёт на «Ленфильме», и началось бессистемная смена работ в поисках лучшей жизни.

ПЕРЕКАТИ ПОЛЕ ИЛИ БЕГУНОК В ГОРОДЕ ТРЁХ РЕВОЛЮЦИЙ

Через несколько дней я устроился в гостиницу «Европейская». Здесь, в самом центре города, и располагался главный комплекс «Интуриста». Столярный цех находился в подвале, совсем небольшом и, оттого уютном, помещении. Весь штат три или четыре человека. Собственно, этого вполне достаточно, чтобы поддерживать в порядке старинные деревянные интерьеры, производить ремонт и прочую работу, связанную с деревом.

Для меня главным плюсом оказалось и то, что до «Галёры» рукой подать, каких-то пара сотен метров. Теперь я мог приходить на пятачок без обременительного компромата и держать свои пластинки на работе. Пластинки и не только. В то время я уже начал приторговывать ручными часами. С тех пор у меня осталась любовь к хорошим часам в доступных ценовых пределах. Это были распространённые в то время «Omax», «Citizen», «Sony», «Orient» с клеймёными браслетами из нержавеющей стали. Не брезговал я и так называемыми «прессовками» — дешёвыми, но недолговечными часиками красивого дизайна. Конечно, они не шли в никакое сравнение с изделиями Петродворцового или Московского часового завода, но продавались. Ещё пользовались спросом часы «Командирские» (у иностранцев), но это был страшный дефицит.

Как-то само собой нашлись и учителя, и поставщики. Быстро разбираться в ценах и особенностях часового бизнеса мне помог человек по кличке «Миклован». Этот долговязый парень крутился рядом ещё в конце шестидесятых, я был знаком с ним, поскольку тот немного занимался музыкой и находился на виду. Звали его Саша, а свою кличку он получил оттого, что одно время носил длинный кожаный плащ, совсем как комиссар Тудор Миклован в старом румынском фильме. Вполне безобидный Саша-Миклован работал часовщиком, был суетлив, нуден и утомителен, но за долгие годы к нему все привыкли. Весной 2010-го года мне позвонил председатель нашего клуба филофонистов Сережа Наумов и сообщил, что Миклован умер.

Рядом с «Галерой» в здании «Серебряных рядов», примыкающих к Думе, находился спортивный магазин «Динамо». Директором работал мой знакомый ещё по первой 108-й школе. Мы вновь стали пересекаться на почве музыки. Тут всплыла тема с часами «Orient College». Где он доставал новую модель с

большим циферблатом и навороченным календарём, я не спрашивал, просто надевал супер-пупер часики на руку и шёл на «пятак». Рано или поздно находились желающие их приобрести. Оговорённую сумму я возвращал владельцу, остальное — в свой доход. Такая несложная схема устраивала обе стороны. Чтобы закрыть «часовую тему» добавлю, что я несколько раз побывал в Москве. В столице приходил в комиссионный на Ленинградском проспекте и покупал «Seiko 5 Actus». Здесь же, в Питере, востребованная модель уходила влёт.

В мастерской при Европейской я проработал неполных три месяца, и в память о тех днях у меня остался вполне приличный набор посуды, которую выбраковывали и сваливали прямо во дворе для уничтожения. Обслуга гостиницы не брезговала забирать домой халявные тарелки, блюдца, чашки. Чем я хуже?

Отчего я вдруг сорвался с хорошего места? Как говорится в известном фильме: мне сделали предложение, от которого не мог отказаться. Не мог и никогда бы не стал. Место было очень интересное, оно называлось ЛОГС ВДПО. За непонятной аббревиатурой скрывались структурные подразделения по обслуживанию технической вентиляции города, попросту трубочисты. Не без помощи знакомых я устроился на участок № 3 Ленинского района и был приписан к бригаде, обслуживающей завод Красный Треугольник. Старое производство, основанное в 1860-м году, снабжало резиновой обувью город и многие регионы. Как в царское, так и в советское время.

Удивительное место: фантастическая грязь, скользкие крыши; тесные, покрытые налётом от отходов резинового производства, воздуховоды; ванны, где варились вентиляционные решётки. Грохот станков и спёртый воздух. Казалось, кому нужна добровольная каторжная работа? Да, безрадостная, угнетающая картина, если бы … Представьте в советское время человека, который официально работает до двенадцати часов дня, причём неделю продаёт свой труд, а неделю отдыхает и получает на руки около двухсот рублей. Особенность тяжёлого труда трубочистов — полностью выкладываться по воскресеньям. Официальный выходной — главный рабочий день для бригады. И, это понятно, цеха стояли, станки не работали.

Получить такую работу в 1975-м году, я думаю, мечтали бы многие, но попасть туда непросто. Ближе к полудню мы сворачивались: бригада шла в душ, потом незатейливая закусь, обязательная выпивка (кстати, за вредность давали ещё и молоко). Затем на выход, в пропуске стояла особая отметка, и охрана нас не задерживала. На набережной Обводного канала всегда кучковались цыгане, скупавшие ворованные галоши

по три рубля у рабочих завода. Но мы с гордо поднятой головой проходили мимо (зачем позорить своё место) и направлялись в рюмочную бухать дальше.

Я занимался ещё и общественной работой — писал плакаты, лозунги и оформлял стенгазету в нашей конторе, за что периодически освобождался от заводского грохота и грязи. В подвале сидело начальство, выписывались наряды и на утренних разводах распределялись заявки по обслуживанию района. Там я встретил Колю Чичкевича, он работал в другой бригаде, но общаться двум меломанам никто не запрещал. Я проработал на «Красном треугольнике» пять месяцев и никогда бы не ушёл по своей воле. Но! Мой теневой бизнес в очередной раз сослужил плохую службу и внёс непредвиденные коррективы в жизнь.

В слякотном феврале я притащил на «Галёру» несколько икон. Покупатель нашёлся, и мы поперлись в парадную переулка Крылова. Где нас благополучно и застукали сотрудники милиции из располагавшегося напротив 27-го отделения милиции. Тут вспомнился давний случай, когда я пытался забраться в собственную квартиру, был захвачен, а затем препровожён в отдел, по другую сторону улицы. Фатальное невезение или менты так хорошо несли службу в те времена?

Я отбрехивался, что художник, изучаю старую живопись и решил проконсультироваться со знакомым. Менты составили протокол и резонно заметили, мол, если это не торговая сделка, изучали бы иконы дома. По «доброй» традиции на работу пришла нехорошая бумага. Меня даже не стали обсуждать, а вежливо предложили написать заявление по собственному желанию. До сих пор очень жалею о том случае, ведь работа была хоть и не любимая, но перспективная в плане заработка и свободного времени.

Каким-то непонятным образом меня занесло в монтировщики в Мариинский театр (бывший Кировский). Стимулом послужили разговоры знакомого, работавшего в этой системе, о перспективе выезжать за границу с гастролями труппы. Монтировщик в театре фигура незаметная, но очень важная. Монтировать декорации к спектаклям, следить за всем подвесным хозяйством, а это десятки штанг с падугами, завесами, шторами. Премудрость, требующая хорошей памяти и особых навыков. Я очень быстро понял, что занял не своё место и упорхнул дальше, всё больше вживаясь в негативный образ «летуна». На память от Мариинки остались потрясающие спектакли, с которыми приезжал на гастроли московский Большой. Тогда я застал на сцене Плисецкую, Годунова, неподражаемого Васильева в «Спартаке» и ряд опер, к которым, впрочем, весьма равнодушен.

Затем я устроился дежурным электриком в библиотеку им. Салтыкова-Щедрина — «Публичку». От недолгой работы в Публичке вынес воспоминания о газетном фонде на Фонтанке, где перед закрытием обязан был отключать внутреннее освещение. Пользуясь своим правом свободно посещать залы, доставал со стеллажей подшивки газет и жадно читал публикации за разные года. в основном, довоенные.

Следующий скачок — театр юных зрителей. Опять электриком, менял лампочки, включал реостат перед началом спектакля. Иногда запускал молодых актёров к себе в подсобку, выпить винца и почитать роль. А после представления шёл в зал и слушал обсуждения с публикой, которые устраивал тогдашний главный режиссёр ТЮЗа Зиновий Корогодский.

Между тем моё устоявшееся и ставшее хроническим музыкальное хобби не стояло на месте. «Галёра» не менялась, она кормила спекулянтов и барыг всех мастей, удовлетворяла потребности в дефиците многочисленных гостей нашего города. Наконец, подкармливала тех, кто обязан был с этим бороться. Завсегдатаи говорили: «Галёра» — она и в Африке «Галёра»! А вот альтернативные толчки-сборища меломанов не пользовались особым почётом районных властей и подвергались гонениям.

Как упоминалось, в 1972-73 годах пятак Гостинки для «винильщиков» дублировался местом у Инженерного Замка. Затем недолгое время где-то на Петроградской стороне. Следующее место я запомнил — Сосновский лесопарк со стороны Светлановского проспекта. Два ключевых момента остались в памяти навсегда: мороз под 25 градусов в декабре 1975-го года и запечатанный в чёрный полиэтилен альбом Pink Floyd «Wish You Were Here» за баснословную сумму в семьдесят пять рублей. И ведь купили, и продавца помню, но не называю, а то обидится и скажет: не за семьдесят пять, а на десятку меньше.

Сосновку сменил пустырь в конце того же Светлановского проспекта. Трамвай там делал кольцо, из него выплёскивалась толпа и бодро шагала через железную дорогу. Огромная газовая магистраль тянулась по земле на железобетонных основаниях и являлась своеобразной границей города. Вот за ней, любимой, и растекалось неугомонное племя любителей рока. Место, естественно, стало называться «Труба» и просуществовало около двух лет. Власти Выборгского района долго не могли определиться, чьё подведомственное место занимает несанкционированное сборище.

Была в нашем городе ещё одна замечательная точка — магазин «Юный техник», что на Краснопутиловской улице в Автово. Музыкальная барахолка «работала» в выходные дни,

когда советским людям положено отдыхать. У «Юного техника» со мной случилась очередная неприятность. Расскажу подробно, поверьте, очень показательная история тех лет. Сперва небольшое отступление: с мая 1977-го по сентябрь я болтался без работы, то есть, тунеядствовал. А тунеядец при Советской власти — это общественно-опасный элемент, которого необходимо принудительно перевоспитать. Статья 209 УК РСФСР квалифицировала неработающего свыше четырёх месяцев, как бродягу и звучала так: «Систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, продолжаемое после повторного предупреждения, сделанного административными органами, наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года».

У входа в «Юный техник» паслись братья-меломаны. Как всегда: что-то меняли или продавали, я как раз демонстрировал свой винил, когда был схвачен за руку местным участковым. Он привёл меня в опорный пункт и начался непростой разговор.

— Значит так, Вадим Викторович, — он заглянул в мой паспорт, — расскажи мне, чем торгуешь, много-ли заработал? На моей территории ты не первый. Чем вы тут все занимаетесь я знаю, теперь от тебя хотелось бы услышать — зачем пришёл?

— Пришёл меняться. Разве запрещено?

— Представь себе — запрещено! Это нарушение общественного порядка. У вас ведь свой клуб имеется, вот там и меняйтесь. А на улице нельзя, разве не знал? Я вот тоже музыку люблю, но не шастаю по подворотням.

— И, что теперь, товарищ старший лейтенант? Может, решим как-то? — Бросил я пробный шар.

— Может, и «решим», а вот как быть с этим? Ты не работаешь почти три месяца, а это уже прямое нарушение закона. За тунеядство сажают!

Я растерялся, как-то не учёл, что в паспорте старого образца проставляются штампы о приёме и увольнении с работы. На дворе осень 1977-го года, новые красные паспорта только недавно стали обменивать, но у меня руки до этого не дошли. Да, тут пахнет жареным. Мент составит протокол и сдаст меня в ближайшее отделение, а дальше? Ой, как не нужны проблемы!

— Товарищ участковый, давайте без протокола. И вам хорошо, и с меня не убудет.

Я многозначительно достал кошелёк и заглянул внутрь, похоже, что слуга закона захотел сделать то же, но сдержался.

— Ладно, ты парень, я вижу, неплохой, — он вновь заглянул в документ, — женат, дети есть? Сын — это хорошо. А что с

работой?

— Уже нашёл, завтра иду оформляться. Все в порядке!

— С учётом выше сказанного — двадцать пять и пару альбомов! — Подытожил участковый.

Я протянул деньги. Сиреневый четвертак мгновенно поменял прописку и уютно устроился в кармане брюк нового владельца. Интересно, сколько я потом давал взяток, заметил, что менты обязательно прячут мзду в карман брюк — спецпокрой, не иначе! Затем очередь дошла до пластинок. Старлейт выбрал два альбома и поклянчил третий. Пришлось уступить — власть любит, когда к ней относятся с пониманием. Наконец, он меня отпустил. Я, матерясь и проклиная всё на свете, вернулся к магазину — теперь-то этот хапуга меня не тронет! Но участковый появился вновь и, бросив на меня выразительный взгляд, увёл очередную жертву. Теперь настроение испортилось окончательно, я с друзьями пошёл пить, рассказывая под сочувствующие реплики коллег о ментовском беспределе.

ПОГАНКА

«Поганка» — место досуга ленинградской молодёжи второй половины семидесятых. В нашем городе подобных точек немало. Например, «Сайгон», культовое кафе на Владимирском, где тусовался питерский андеграунд. Или «Лягушатник» — вотчина студентов, в основном, университета им. Жданова. По адресу Наличная, 41 когда-то находился магазин автозапчастей, затем молочная столовая Василеостровского треста. В 1975-м заурядную столовку переоборудовали в кафе с правом торговли алкоголем. Собственно, и названия не было до тех пор, пока местный завсегдатай, по имени Леопольд, не раскрасил витрины огромными поганками и прочими несъедобными грибами. Так типовая совдеповская рыгаловка обрела имя, а я эту историю узнал от самого доморощенного художника.

Я жил в то время напротив, достаточно было перейти дорогу, но до поры не замечал место, оставившее в моей жизни заметный след. В середине 76-го стал туда похаживать и быстро сошёлся с постоянными обитателями. в основном, это были мои ровесники из микрорайона, которым есть о чем поболтать и, главное, на что выпить. В кафе всегда играла музыка, понятно нерусская. Управляли музыкальными и алкогольными потоками два бармена — Юра Берестецкий и Леня Ждановский. После знакомства с ними в дискотечные ритмы влилась изрядная доля и моих записей.

В «Поганке» стали мелькать зарубежные виниловые диски и музыкальные кассеты. Популярность заведения росла за счет полной свободы изъявления чувств: целоваться-миловаться — пожалуйста; коктейли, водка, коньяк и, конечно, шампанское («шампусик») — в ассортименте! Танцы до упаду и музыку погромче — нет проблем! Ну, а дать в морду, затем распить мировую, — святое! Если человеку за двадцать и после смены у станка он попадает в подобную атмосферу раскованности, устоять перед соблазнами невозможно! Когда через пару лет в городе появились официальные дискотеки, любой завсегдатай «Поганки» мог усмехнуться и небрежно процедить: мы это уже проходили!

Вот один такой вечер: сидят мои кореша «Люминий», «Батон», «Нюхин», «Сказка» и ряд достойных личностей с человеческими именами. Водка попадает куда надо, руки несут в рот, что положено. Вбегает кто-то, весь взмыленный.

— Мужики, «балтийские» наших бьют!

Все несутся к выходу, на газоне барахтаются растрёпанные

тела. Глаза выхватывают из кучи-малы своих. Чужие — это работяги из общежития Балтийского завода, с которыми дружба почему-то не складывалась. Навалились, надавали тумаков и вернулись развлекаться. Допускаю, уважаемые читатели, что не все воспримут подобные воспоминания с энтузиазмом. Лучшие годы нашей жизни можно провести иначе: добросовестно трудиться на благо Родины, воспитывать детей и заниматься общественно-полезной деятельностью. Для этого писался Моральный кодекс строителя коммунизма — чудесный свод правил нравственного воспитания советского человека. Да, только кто его читал? Хотя, одно из правил «Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного», я только что описал.

Годом позже круг моих интересов плотно замыкался на музыке, «Галёре» и «Поганке». К тому времени я покинул гостеприимные стены ТЮЗа и вновь попал в «Интурист», на этот раз в гостиницу «Ленинград». Здесь я познакомился с Геной Грабовым. Гена увлекался музыкой, являлся обладателем антикварной квартиры на улице Халтурина (ныне Миллионная) и раньше недолго работал мастером в моём училище. Именно он подкинул идею вернуться в родное училище и попробовать себя на новом поприще наставника. Идея понравилась и синдром «перекати-поле» подтолкнул к очередной авантюре. Так я в третий раз объявился в родных стенах бывшего лицея. Продолжение истории дальше, а пока вернёмся на Наличную, 41.

Мне предложили поработать в «Поганке» гардеробщиком. Вторая работа называлась совместительством и была широко распространена в кругу людей, остро нуждающихся в дополнительных заработках. Я нуждался. Итак, днём училище и должность мастера производственного обучения (внушительно), вечером угарная жизнь в любимой «рыгаловке». Дело было холодной, слякотной осенью, оттого гардероб не пустовал. Но основное моё место на «воротах».

Народ шёл валом, требовалось сдерживать толпу массивной дверью и фильтровать человеческие массы на «своих», «чужих», «никаких» и «блатных». В кафе находилось примерно шестьдесят посадочных мест, я запускал около восьмидесяти, остальные жались на улице и кляли меня почём зря. Именно в то время, как никогда раньше, я узнал о себе и моих родственниках много нового. Буянов и хамов осаживал, когда шли штурмом, вспоминал боксёрские навыки, а уж если сил не хватало, звал на подмогу своих. Правила простые, известные всем: дай рубль при входе, не лезь в зал в верхней одежде, не протаскивай своё бухло (барменам тоже надо жить). Из тех дней

отлично помню годовщину Октябрьской Революции. Вот сухая статистика памятного 7 ноября 1977 года: драк — четыре, разбитых витрин — две, вызов наряда милиции — один, мой неучтенный доход — сорок пять рублей. Как видите, значительно скромнее, нежели шесть десятков лет назад (это когда большевики власть брали) и без жертв. Впрочем, жертва была — отложенная.

Наш директор был недоволен бардаком, царящим во вверенном ему заведении. Попенял мне за беспорядок и потребовал оплатить разбитую витрину. Раньше я был не жадным, но отнестись с пониманием к просьбе шефа никак не мог, — я витрину не бил, материально ответственным лицом не являлся. Короче, отказал. Затем начались придирки, меня элементарно стали выживать, и пришлось оставить «хлебное» место. Я вновь стал простым посетителем и каждый раз, когда мимо меня мелькала тщедушная фигурка директора, всеми возможными способами давал ему понять о своих «тёплых» чувствах.

Настоящая слава кафе была впереди. А началось всё с того, что в конце улицы Нахимова стали возводить здание гостиницы «Прибалтийская». Работы нулевого цикла проходили незаметно и производились осенью 76-го. Но, когда здание интуристского монстра на берегу залива стало приобретать очертания, выяснилось, что строители-то родом из Швеции! Проект наш, но строила фирма «Skanska». Работяг из капиталистического государства разместили неподалёку, в общежитии на улице Кораблестроителей. Когда импортные специалисты освоились, то стали растекаться по микрорайону в поисках выпивки, женщин и культурного отдыха.

Молодых парней быстро взяли в оборот дамы лёгкого поведения и стали таскать в «Поганку». Это вызвало очередной всплеск популярности заведения и резко подняло посещаемость, а, как следствие, прибыль. Всем стало гораздо интересней от соседства славных викингов и от быстро развернувшейся подпольной торговли шмотками, ширпотребом и, конечно, музыкой. Теперь в стенах некогда молочной столовой развлекались вечно обалделые пьяные шведы, куча визжавших баб всех мастей и калибров, фарцовщики, мы, аборигены и другие тёмные личности (скорее всего, конторские). Дискотеки затягивались за полночь, шум стоял на всю округу. Менты дежурили чуть-ли не постоянно. Несчастные жильцы стали жаловаться во все инстанции. Апофеозом стали недобрые публикации в нескольких газетных изданиях (до телевидения дело не дошло). Заведению сделали рекламу! Тут уж людское

цунами окончательно накрыло «Поганку».

Я времени даром не терял. На корявом английском объяснял ларсам, питерам и томасам, какие пластинки интересуют, писал списки. Порядочные скандинавы уже через неделю доставляли новинки в фирменных пакетах. Помню, получил тогда «свежачок»: «Abba», «Baccara», «Boney M» и ещё массу винила. На почве музыки я тесно сошёлся с «Люминием» — Валерой Андреевым, получившим странное прозвище из-за «космической» куртки. Валера парень был простой и конкретный. Музыкой интересовался постольку-поскольку, а вот джинсы и другие модные шмотки любил искренне. Я познакомил Валерку с «Галёркой» и стал вместе с ним приторговывать барахлом. Спекулятивный тандем просуществовал несколько лет и всегда после незаконного промысла мы возвращались на родную Наличную. Позже Валерка укатил в Татарстан, там женился и стал торговать пивом.

Из той далёкой жизни моя смехотворная попытка учить детей основам столярного ремесла, и, тем более, воспитывать юное поколение в лучших традициях соцреализма, — самая большая авантюра. Ни призвания, ни какого-то, особого интереса, в этой затее я сейчас не нахожу. И, все же, это было. Кто по-настоящему вдохновился, так это моя мама. Бывшему педагогу лестно, что и отпрыск пробует свои силы на новом для себя поприще.

В училище меня помнили, ведь прошло всего четыре года, как я получил аттестат. Практика, когда бывшие учащиеся возвращаются мастерами, не нова. Директор отнёсся с пониманием к моему желанию, его ничуть не смутили семь записей об устройстве и увольнении в трудовой книжке.

Мне поручили группу второго курса. В учебный процесс я не вмешивался и торчал во время занятий в учительской или курилке. На практику я водил ребят на фабрику музыкальных инструментов, где нам выделили мастерская. Старший мастер поставил задачу: изготовить банкетки, это такие табуреты с прямоугольным сидением. Тридцать учеников — тридцать банкеток. Поскольку задание не было подкреплено чертежами и материалами, я тянул резину — заставлял ребят точить инструменты и через час выводил за проходную. Это безобразие продолжалось пару месяцев, после чего состоялся серьёзный разговор с директором. Я высказал свои претензии, он свои. На кристально чистой репутации молодого мастера появились пятна и замаячили первые признаки служебного несоответствия.

Затем посыпались неприятности. Приходили из детской комнаты милиции и просили характеристику на несовершеннолетнего подростка из моей группы. Мальчик что-то

где-то украл; кто виноват — училище и, в первую очередь, мастер! Затем исчезли деньги, которые я собирал на обязательную подписку каких-то газет и журналов. Кто увёл эти шестьдесят или семьдесят рублей, я так и не узнал. Деньги, естественно, доложил. Несколько раз я появлялся бухой после возлияний в «Поганке», это, как вы понимаете, не прибавило авторитета. Затем вскрылся факт распространения и продажи фирменных сигарет (ну, не курить же детишкам всякую отечественную гадость). Впрочем, я особо не скрывал грех. Да, приторговывал. И вот новая встреча с директором. В кабинете присутствовали также старший мастер и главный инженер. Разбор «полётов» был недолгим.

— Вадим Викторович, вы, я вижу, совсем не готовы к работе с подростками и процессу воспитания подрастающего поколения. Безответственно относитесь к своим обязанностям, запустили практические занятия. На вас жалуются родители. Это никуда не годится, мы с вами уже беседовали, не помогло! После всего я, как руководитель нашего училища, не имею права вас допускать к работе с детьми!

— Да, мне не повезло, не читал инструкций товарища Макаренко, даже не был знаком с ним, — нагло глядя в глаза начальству, съязвил я.

Директор и старший мастер переглянулись, не очень понимая, о каком Макаренко идёт речь. Когда до них дошло, я почувствовал гневные вибрации.

— Учитывая, что вы наш бывший учащийся с отличными рекомендациями, мы можем перевести вас начальником участка. Будете проводить инструктаж по работе на станках и принимать зачёты по технике безопасности. Оборудование, надеюсь, знаете? Согласны?

— Конечно, я же работал на многих станках: на фрезерном, рейсмусе, токарном, в общем, я согласен. Извините меня, — после такого царского подарка мне стало стыдно.

Старший мастер объяснил мои обязанности, показал станки, сушилку с пиломатериалами. Мы оговорили технические вопросы, и я начал осваивать новое место. Освоение началось с доброй попойки, в которой участвовали мои коллеги мастера с главным инженером во главе. Когда спиртное закончилось, мы покинули место работы, перешли Кировский проспект и продолжили возлияния в пивном баре «Золотое руно».

В подвале среди десятка станков я почувствовал себя на своём месте. С техникой дружил, оборудование хоть и старое, но добротное. Единственный минус — почти полное отсутствие вентиляции. Дети не докучали, халтуры не заставили себя ждать.

Когда я изучил сушилку, то ахнул — на прокладках сложены огромные залежи массива красного дерева, дуба, бука. Толстенные, по десять сантиметров, плахи, всегда востребованы на изготовление мундштуков, фигурок, багета и других поделок. Эти изящные вещи затем трансформировались в традиционные русские крепкие напитки. Мастера прятались у меня с бутылочкой-другой вина. В общем, вполне уютная жизнь…

Наступила весна 78-го. Динамичная жизнь между столярно-подвальным ремеслом, рискованными вылазками на «Галёрку», подпольной пластиночной деятельностью на негласных толкучках и угарной расслабухой в «Поганке», никак не предполагали общественную значимость, семейный уют и карьерный рост. Требовались какие-то перемены, тянуло к интересной работе, достойным легальным доходам. В кругу мастеров-собутыльников эти вопросы неоднократно поднимались. Не только я один маялся, и однажды мастер старшей группы, здоровяк Витя сказал:

— Я вот думаю: пойти учиться на официанта. Жратва, заработки, интересные люди — всяко лучше, чем с малолетками мудохаться.

Тогда я задумался, может, и мне попробовать новую профессию. Общепит в советское время всегда считался местом, где люди живут сытно и «нос в табаке» с одной стороны. С другой — слово «халдей» носило презрительно-негативный оттенок в пролетарских массах. Ну, этические нюансы меня как-то мало волновали. Помните: рыба ищет, где глубже, человек, где лучше.

Я стал наводить справки и выяснил, что кулинарное училище № 1 объявляет приём на двухгодичные курсы официантов по усиленной программе обучения в рамках подготовки к Олимпиаде-80. Профессионально-техническое училище по названию и техникум по сути, находилось в здании «Серой лошади», о котором я упоминал ранее. В двух шагах от моей любимой тётушки, рядом с улицей моего детства, Смолячковой. Из документов требовался аттестат о среднем образовании, характеристика и медицинская справка. Я поделился планами с главным инженером и пообещал пузырь за хорошую характеристику. Юрий Иванович хмыкнул и обронил:

— Пузырь — это хорошо! Но характеристику напиши сам, секретарша перепечатает, а я поставлю штамп и распишусь за директора. Старайся!

Постарался. Сочинил такое резюме, что оставалось только гадать, отчего я до сих пор не герой социалистического труда или народный депутат. Прочитав моё сочинение, Юра согнулся пополам и, отсмеявшись, произнёс:

— Я и не подозревал, что рядом с нами ходят такие люди! Зачем тебе в официанты, в писатели иди!

— Сам виноват, что такой кадр просмотрел. Готовь характеристику, а после работы я отвезу тебя в одно злачное место.

Вечером мы прокатились в «Поганку» и крепко надрались. Бумага уже лежала в кармане. Пора было подавать документы. Я в очередной раз взял расчёт и уже навсегда покинул родные стены училища краснодеревщиков. Теперь мой путь лежал в «Серую лошадь», а если официально, то в дом № 45 на проспекте Карла Маркса — ЛСКУ № 1. В приёмной комиссии, прочитав документы и узнав, что я сам до недавнего прошлого мастер производственного обучения, сразу включили в списки. Пазл собрался! Я был принят в группу официантов и зачислен приказом от 1 сентября 1978 года.

ИГРЫ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ

В этой главе хочу вернуться к главной составляющей моей хроники — движению меломанов. В конце семидесятых «винильщики» перестали крутиться на «Галёре». Большая часть любителей рока, как западного, так и стран восточного содружества, собирались по вторникам в секции филофонистов на углу Лермонтовского и Римского-Корсакова.

Альтернативные места сборищ официально никто не разрешал, но они существовали и, подчиняясь неведомому механизму, постоянно мигрировали, возникали то в одном месте, то в другом. Например, в ДК им. Крупской — «Крупе», там в первый и последний раз я встретил двойной альбом Bee-Gees «Odessa», в обложке из пурпурного искусственного бархата. Такие вещи не забываются! Могу назвать ещё несколько точек, но будет ли это интересно читателю? Остановлюсь на главных.

«Труба» приказала долго жить после нескольких милицейских облав, очередная толкучка возникла за железнодорожной платформой Ульянка, по ветке Ленинград — Калище. Вот представьте себе большое поле, на нём пасётся наш брат коллекционер. Большинство давно друг с другом знакомы. Специфические разговоры могут быть непонятны простому смертному.

— Чем богат?

— «Демократы» да «юги» (югославские переиздания, котировавшиеся в треть цены от подлинников).

— А список есть? Дай взглянуть.

Чел доставал картонку с написанным от руки списком.

— Дай посмотреть это и это.

Извлекался альбом, который лениво рассматривал не только интересующийся, но и все, кто оказался рядом.

— Сколько просишь за это?

— Четвертной.

— Ты чего, обалдел! Диск-то запилен! На второй дорожке два «дерибаса», вот здесь царапина. Разворот порван. Супера нет.

— Ха, будто не знаешь, — «юги» без супера печатают. Щелчки не слышны, игла не скачет…

— Ладно, посмотри на обмен.

Тут извлекались залежи из второго портфеля. После разглядываний и расспросов происходил обмен, зачастую с доплатой по договорённости. С фирменным винилом происходило примерно тоже самое, но прайсы были выше, а запечатанные новинки вообще обмену не подлежали и

продавались по шестьдесят-шестьдесят пять рублей за альбом. Хочешь — покупай, не хочешь — нет! Опытные меломаны аккуратно извлекали каждый виниловый кругляш и рассматривали на предмет дефектов, искривлений, затем брали двумя руками и встряхивали его особым образом, проверяя упругость шеллачной массы. Попадались альбомы, в основном, американского производства, с варварски обрезанными или проколотыми углами. Все знали — это «скидка» магазина, и ценник на такой товар будет невысок.

— Менты!!! — Раздавался хлесткий, как удар бича, выкрик.

Толпа мгновенно рассыпалась, и люди, увлекаемые страхом, бежали по полю, куда глаза глядят. Чувство стадности и адреналин мешали сосредоточится, ноги не подчинялись воле и жили своей жизнью, зачастую унося владельца в ловко расставленные ментовские сети. Сержанты милиции двигались цепью, хватали испуганных граждан и сопровождали в автобус. Наберут человек двадцать пять-тридцать и уезжают в своё отделение составлять протоколы. Те же, кто избежал пленения, с опаской возвращались на место, подымая с земли брошенные трофеи — плакаты, какие-то шмотки, винил и другой мусор. Вот так и жили!

Милицейские позже усовершенствовали систему задержания, привлекая к захвату служебно-розыскных собак. Тут не забалуешь: друг человека не всегда друг! Такие фокусы наблюдались, когда барахолка перебралась в лесной массив за платформой «Пост Ковалёво» (это уже за Ржевкой). И там достали, демоны!

Другое дело «Галёра». Тут система проявляла гибкость. Центр города, рядом гостиница «Европейская» — сфера интересов не только МВД, но и Комитета. В семидесятые и позже ни для кого не было секретом, что на пятачке у Гостиного Двора пасутся не только валютчики, фарцовщики, спекулянты всех мастей, кидалы и доморощенные бандюки, но и существует развитая сеть стукачей (помните, как я поплатился коллекцией благодаря подобному деятелю). Даже в среде меломанов долгое время крутился офицер по фамилии Морозов, опер из уголовного розыска. Его все знали. Он действительно разбирался в роке и увлекался коллекционированием винила но, в силу сволочных особенностей характера, легко мог из приятеля трансформироваться в ревностного служителя закона и элементарно прихватить человека, с которым только что мило общался. Гораздо позже знакомые поведали, что лицемера выперли из органов, и он промышлял у Апраксина Двора, но уже как обычный барыга.

Время, когда я прятал пластинки под пальто, прошло. Теперь я приезжал на «точку» с пустыми руками, пустым кошельком, зато обогащённый опытом и правилами «галёрной» жизни. Те несколько лет, вплоть до 1983-го года, что я топтался на знаменитой толкучке, — материал для отдельной книги. Сам механизм тайной торговой жизни никогда не освещался, а если становился предметом гласности, то лишь в редких телевизионных репортажах и гневных статьях на страницах газет.

Принцип любого рынка: на спрос всегда найдётся предложение. Свои питерские покупатели здесь не маячили. Главным финансовым стержнем являлись толпы желающих из других регионов (понятно, что не из Москвы, там свои традиции, родившиеся задолго до нашей «Галёры»). Люди искали джинсы, футболки, кроссовки, куртки, зонтики, сигареты, жевательную резинку и многое другое, что формировалось повальным дефицитом. В мегаполис, да ещё с выходом в море, иностранцы везли всё. Приторговывали не только туристы, но и студенты-иностранцы, офицеры других государств (те, что здесь учились, не удивляйтесь). Не стоит также забывать о наших гражданах, имевших возможность выезжать за границу. Ручейки из шмоток и ширпотреба стекались в центр — товар ждал своего покупателя.

Я занимался перепродажей или «передвижкой». Принцип простой: на пятаке стояли обладатели разного дефицита, но это не значит, что всё молниеносно раскупалось, часто требовался посредник. Нужно было выловить из толпы «купца», обговорить сам предмет торга, нахвалить, сойтись в цене и только после этого отвести покупателя в условное место и предъявить желаемое, заодно подстраховав продавца от всяких внештатных ситуаций. Я узнавал у знакомых продавцов их ценник, размер (если речь об одежде), договаривался о проценте, затем кидался на розыски. Когда покупатель находился, я подводил его к барыге, и мы втроём шли за шмоткой. Чаще всего продавали, конечно, джинсы.

Редкие владельцы автомобилей держали свой товар в багажнике, основная масса прятала у швейцаров или гардеробщиков «Метрополя», при этом бывшие кэгэбэшники охотно нам помогали за пару-тройку рублей. Другой вариант: шли или ехали по адресу. «Купец» рассматривал вещь, примерял прямо на месте, затем рассчитывался со мной. Мне оставалось передать установленную сумму владельцу, а куш положить в карман. Вроде просто. Вы же понимаете, наша деятельность — секрет Полишинеля. Местные менты, районное ОБХСС и КГБ прекрасно знали о спекулятивных турбуленциях

в центре города трёх революций. Противостояние блюстителей порядка и «бойцов невидимого фронта» не прекращалось ни днем, ни ночью. Милицейские патрули из 27-го отдела, опекавшие территорию Гостиного Двора, возникали внезапно и тащили «спикулей» в переулок Крылова.

Помню, как разговаривал по телефону из будки прямо на «пятачке», а подмышкой держал блок кишинёвского «Мальборо». Открылась дверь, протиснулся сержант, подмигнул мне, мягко вытащил пакет с сигаретами и растворился в толпе. Я опешил, но не стал догонять нахала и качать права — себе дороже.

Могли просто остановить и проверить документы, затем пригласить в отделение. По пути маршрут мог внезапно измениться, если в ментовский «спецкарман» залетало три рубля. После чего уже бывший владелец трёх рублей шёл в одну сторону, а брюки с красными кантиками — в другую. Как просто! Но бывали серьёзные прихваты, тут взяткой не отделаешься. Тогда действовал сценарий, описанный выше: суд за административное нарушение, штраф, сообщение на место работы.

Многие годы я надевал на «Галёру» костюм и обязательный галстук, за что от «коллег по торговому цеху» получил прозвище «Профессор». Некоторые принимали меня за переодетого сотрудника, шёпотом делились своими подозрениями с ярко выраженными спекулянтами, те мне подмигивали, тогда начинался мини-спектакль. Я подходил и жутким голосом вопрошал:

— Гражданин, что это вы здесь делаете? Фарцовкой занимаетесь или спекуляцией? Лицо мне ваше знакомо! Очень похоже на ориентировку по тройному убийству! Пройдёмте в милицию!

Перепуганный барыга дёргался, но когда все начинали ржать, смущённо жался, понимая, что это розыгрыш. Однажды я стал свидетелем, как приезжий провинциал метался по «пятаку», явно кого-то разыскивая. Мой «камуфляж» похоже, ввёл его в заблуждение. Он обратился.

— Простите, Вы не видели здесь такого парня… — Затем описал мне местного кидалу.

— Нет, не видел, а что случилось?

— Понимаете, я хотел купить джинсы, человек обещал помочь и направил в отдел, а сам пропал. Деньги тоже!

— Сочувствую, а чего деньги даёшь постороннему? Тут и обмануть могут!

— Да, нет — не давал, а положил в конверт. Думаете, "напарил", а так убедительно говорил. Подожду, вдруг придёт!?

— Ну, жди. В следующий раз будь осторожней.

Паренёк потолкался и ушёл. Я об этом фокусе знал, как и самого кидалу, который через несколько дней, как ни в чём ни бывало, придёт за новой жертвой. Тем, кто тёрся здесь постоянно, подобная сомнительная репутация не нужна. О трюке с исчезновением денег слышали многие. Желающего приобрести дефицит, приводили в отдел универмага и объясняли, что товар лежит в «синей секции» за стеной, куда вход простым смертным заказан. И, чтобы его получить, требуется деньги положить в конверт, на котором посредник поставит особый знак, тогда заведующий секции будет уверен, что нужная сумма в конверте и вынесет в обмен, скажем, джинсы или другой дефицит. В тот момент, когда ничего не подозревающий лох передавал конверт на «подпись», он подменялся и возвращался клон, но уже с «куклой». Несчастный тыркался по отделам, не находил никакой «синей секции» и пополнял когорту обманутых доверчивых граждан.

На «Галёре» гораздо чаще втюхивали «самопал». Обман? Да! Но, кто из обычных людей знал, как выглядят подлинные джинсы или куртка «Аляска». Кто из заторканных жизнью и дефицитом советских граждан представлял, каким должен быть оверлок, деним (грубая, плотная ткань саржевого переплетения) или двойной шов. Да, простят меня те покупатели, которые несколько десятков лет назад покупали концентрированный ароматизатор для белья, джинсы всех фасонов и размеров, футболки с надписями, вязаные шапочки и много чего ещё, что уже я и сам не припомню. Вот вам случай: я где-то отхватил самопальную куртку-аляску. Стояла зима, мороз ниже двадцати. Подкатывает залётный гражданин и спрашивает, не продаю ли я курточку. В мои планы это не входило, но отказывать как-то неприлично, и я намеренно брякнул запредельную стоимость — четыреста рублей. Этот лопух с радостью согласился. Правда, в итоге мне пришлось поймать такси, из машины передать куртку, затем съездить домой и переодеться. Поражает не то, что покупателя не остановили дешёвая прохудившаяся подкладка, засаленные рукава и воротник, а его свирепая целеустремлённость. Но попадались и вовсе уникумы.

Ещё пример: катался я тогда к Володе Ильюшину, который жил в нескольких остановках от центра. Володя — натура деятельная, приторговывал всем: джинсами, как самопальными, так и оригинальными; футболками, кроссовками и прочим ширпотребом. Привёз я клиента и вынес ему самый, что ни наесть настоящий «Wrangler» за двести двадцать рублей (как сейчас помню). Купец долго вертел штаны в руках и со вздохом

вернул.

— Какие-то подозрительные твои джинсы. На самодельные смахивают, а другие есть?

— Конечно. Жди, сейчас вынесу.

Я сбегал к Володе и захватил кондовый самострок. Чем там пропитывали дешёвую ткань, не знаю, штанины были твёрдые и в руках стояли. Краска индиго тоже хороша — отменный тёмно-синий цвет! Эту особенность я часто использовал при демонстрации товара — тёр материю концом спички, которая тут же синела в подтверждение, якобы, подлинности.

— Вот последний экземпляр, но цена дороже.

Улыбка озарила лицо неизвестного поклонника ковбойских штанов.

— Вот это то, что надо! Беру!

Он исчез навсегда, но из памяти такое не выкинешь. После первой стирки беднягу ждало разочарование, но это случится потом, а в тот миг сбылась мечта идиота — счастье, вот оно! Самопал, форево!

После «трудового дня», желающие согреться шли с «Галёры» в ближайшую рюмочную. Это была крошечная кафеюшка под рестораном «Метрополь», среди своих прозванная «Щель». Это кафе на углу Ракова и Садовой. Коктейль из ста грамм шампанского и столько же коньяка за рубль пятьдесят, конфетка, — вот скромное воздаяние за потрёпанные нервы спекулянта. Пару раз повторить, перекур, и все разбежались по домам, чтобы на следующий день вновь не спеша прогуливаться вдоль Невского проспекта, зорко вглядываясь в лица прохожих…

ВСЕ В ОФИЦИАНТЫ!

Ленинградское кулинарное училище № 1 — заведение продвинутое. Несколько групп официантов готовили к обслуживанию Олимпийских игр 1980-го года. Поэтому существовал серьёзный отбор и повышенные требования. Учащиеся, люди, в основном, взрослые, некоторые семейные. Но обязательно все комсомольцы и даже члены партии. Коммунистом был Вадик Алиев, с которым мы вместе работали много лет и дружили до самой его смерти. Вадик автоматически становился старостой группы, а я, как бывший мастер (характеристика-то какая!), его заместителем.

Группу разбили на две части по изучению иностранных языков. Французский отсутствовал, пришлось изучать самый распространённый английский. Это было совсем неплохо, так как помогало ориентироваться в моём музыкальном хобби.

В начале декабря началась практика. Нас прикрепили к профессионалам, и процесс по овладению уникальной, по своим особенностям, профессии в условиях застоя пошёл. Моё ученичество в ресторане «Невский» начиналось с черновой работы: собирать и отвозить в прачечную грязные скатерти и салфетки, помогать носить продукты в кладовую, стоять на подхвате во время обслуживания туристов. Но потом пришло время заниматься непосредственно своей профессией — работать в зале с посетителями.

Круглый поднос, главное орудие труда, назывался «тазик». Во время наплыва туристов, работы было невпроворот. На сленге это называлось «катать туриков». Обслуживать гостей — изнурительная работа. Требовалось застелить скатерти, сервировать столы, расставить закуску, разложить хлеб и выставить напитки. Затем врывалась голодная и возбуждённая толпа. Закуска сметалась молниеносно, мы тут же убирали грязную посуду, подавали супы, затем основное блюдо (второе), десерт, кофе и т. д. На одного официанта приходилось от пяти до десяти столов. Заметьте, за стандартным ресторанным столом усаживалось шесть персон (для удобства работы столы обычно сдвигались). И, ничего, приноровился. Спустя некоторое время легко носил на подносе по двадцать тарелок со вторым, а это около пятнадцати килограммов! Туристы питались по безналу, но прок с них всё равно был: часть нетронутых блюд уносили на кухню, часть съедали сами. А вечером при свободной торговле холодный или горячий цех возвращали блюда при заказе из зала. За это уже брались «живые деньги». Подобным премудростям нас

обучали наставники — профи из халдейской среды, проработавшие в общепите много лет. Не особо брезгливые, а таких почти не было (особенность профессии), забирали домой масло, сахар или чего посущественней. Пищи оставалось много, хватало и нам, и уборщицам, и мойщицам посуды.

Завтрак, обед и ужин для «туриков» были прелюдией к главному действу — свободной торговле. Перекрытие зала происходило вечером, после того, как последний турист покидал ресторан. В семь вечера заново сервированные столы ждали своих посетителей. Столы разбивались на «пайки», на одного официанта, то есть десятка два посадочных мест. «Пайки» в свою очередь обслуживались одним либо двумя халдеями, такая работа называлась «на бергах» (этимологию этого слова я так и не понял). В повседневной практике вдвоём работать получалось сподручней.

Пока я был учеником, ключ от кассы оставался у старшего, и все расчёты с посетителями производил он. В самом конце смены, когда убиралась посуда, а галстук-бабочка прятался в карман, наставник делился выручкой на своё усмотрение. Это могло быть пять рублей и больше.

Учился я хорошо, как-то незаметно выбился в отличники. Товароведение, кулинария, организация, английский язык были интересны, легко воспринимались и занимали нужное место в мозговых извилинах. Через полгода мне доверили ключ, а с ним исполнения множества неписаных правил и профессиональных хитростей.

Их было немало, но к ним требовалась ещё и голова. В такой коррумпированной и гнилой системе, как общепит работать честно и добросовестно не представлялось возможным. Проще было поменять профессию, чем плыть против течения. Заниматься анализом не собираюсь, это давно уже сделано и исследовано. Моя задача рассказать о механизме и своём месте в нём.

Почему официант в просторечие звался «халдей», «гарсон», «кроила» и другими прозвищами, носящими негативный оттенок. Да потому, что все знали, — эти воруют! Но в глубине души, ненавидя рестораны и кафе, обыватели (про состоятельное сословие и говорить нечего) тянулись туда. Здесь можно хорошо поесть, отдохнуть, снять стресс ежедневной рутины, серого совдеповского существования и всё такое. Вообще-то, так было всегда, но в семидесятые образ теневика-кутилы, барыги-марамоя в первую очередь приходил на ум и ассоциировался с ресторанными завсегдатаями. А раз так: то какой купец — таков и холоп! Он украл у других, я украду у него, вот главный постулат

огромной армии официантов. Так было, но философствовать на подобные темы никто не собирался, принял правила игры — вперёд на танки!

Вот несколько классических способов, которые брали на вооружение любезные работники в бабочках.

Краёжка. Например, пришли четыре человека отдохнуть и заказывают икру чёрную, ассорти рыбное, ассорти мясное, бифштексы, водки бутылочку и остальное по мелочи. Заказ принят, пошла работа. Официант пробивает по кассе три порции икры и четыре порции масла. В холодном цеху повар, понимающе кивнув, выложит в креманку три порции общим весом и украсит четырьмя розочками из масла. Тоже с мясным и рыбным заказом. На большом блюде грамотно разложенное ассорти из трёх порций выглядит монументально и не вызывает подозрений. Бифштексы днём оставили туристы, а вечером повар их разогрел и заново положил гарнир. Водка переливается в красивый графин, но без пятидесяти грамм. Система работала на халдея: никогда не видел в прейскуранте выход продукта в граммах. Водку долгое время обязаны были подавать в графинах. Вот и посчитайте, если интересно, подставив любую цену в блюдо.

Обсчёт. Тут всё просто, зависит от того, насколько официант хороший психолог, как он обслуживал посетителя и в каком этот гость состоянии. Бывали случаи, когда пьяный «в сосиску» клиент рассчитывался дважды, и никому не приходило в голову его остановить — совесть халдей оставляет дома. Модно было доставать редкие по тем временам карманные калькуляторы, предварительно забив в память пару-тройку рублей и небрежно предъявить итог, хотя правила категорически требовали выписывать счёт. Я не хочу морочить читателю голову нюансами, и так всё понятно.

Левак. Рестораны высшей категории имели право делать двадцатипятипроцентную надбавку. Если бутылка водки в магазине стоила пять рублей сорок копеек, то за столиком — уже восемь шестьдесят. Этим пользовались, принося на свой страх и риск алкоголь. Опасно, потому как подобные манипуляции прерогатива буфетчиков, а эта каста финансово ответственных людей, веса и прав у них побольше. Вот овощное ассорти из купленных через дорогу помидоров, огурцов и зелени, это почти узаконенное действо. Холодный цех на подобное закрывал глаза, во-первых, каждый халдей засылал им в конце смены от одного до трёх рублей, а во-вторых, там хватало и своих хитростей.

На этом пока остановимся. Спешу успокоить читателя, нынче

общепит перешёл в частные руки. Описанные здесь фокусы не практикуются и караются очень жёстко. Стимул современного официанта — достойная зарплата и узаконенные чаевые.

В конце смены ученики наблюдали и мотали на ус, как производились денежные расчёты в сложном ресторанном хозяйстве. Сперва приходил кассир и снимал контрольную ленту, после чего выручка сдавалась, причём всегда округлялась в пользу ответственного лица. Из того, что оставалось, отчислялось метрдотелю, поварам, мойщицам посуды и уборщице. Возвращался «черный нал» буфетчику — то, что не пробивалось чеком и бралось под запись. После чего выпивалось энное количество алкоголя, и рабочий день можно считать законченным. Домой возвращался за полночь. Следующая смена через день.

Практика чередовалась с занятиями, где трудовые навыки закреплялись теоретическим массивом: изучалось оборудование, торговое вычисление, психология, экономика и даже советское право. Мы сдружились с Вадиком Алиевым и на практике старались работать в паре, удачно дополняя друг друга. Некоторое время я испытывал неприязнь к одному своему однокурснику, Диме Николаеву. Мне казалось, что этот крепкий парень держит себя заносчиво. Сначала мы были в контрах, но как-то вдруг сошлись на почве музыки, а затем завязалась дружба.

Новая профессия — это новые связи и знакомства, не всегда желаемые, но очень познавательные. Однажды мы в паре с официанткой Татьяной работали на третьем этаже в так называемом «Петровском». Как правило, третий этаж не задействован под обслуживание туристов. Там отдыхали обычные, а иногда и не совсем, посетители. Помню, как в тот день засуетилась и забегала Татьяна. Женщина уже в годах, работала в системе давно, цену себе знала. Но тут, как подменили. Я поинтересовался.

— Так, Вадим, будь готов. Сейчас придёт Фека, делай всё, что скажу, и никакой инициативы.

— Это какой Фека? Тот самый? Ни фига себе!

— Тот самый, держи нос по ветру. Это тебе не начальство обслуживать, тут можно здорово пострадать.

Фека — питерский авторитет Владимир Феоктистов. Времена бандитов ещё не наступили, оттого подобные личности были окутаны дымкой романтико-криминальных слухов. Почтительно-уважительное отношение, замешанное на глубоко спрятанном страхе, обязывало проявлять максимум уважения. Оттого наставница подчеркнула разницу между кормёжкой директора с

замами, на которую меня часто привлекали и сегодняшним особым случаем. Раболепие перед барином сидит в генах правильных халдеев, оно нивелировалось во времена застоя, но никуда не пропало. Тогда всё прошло хорошо — легенда криминального мира оказался обыкновенным человеком без хамства и унизительного превосходства. В другой раз кто-то из команды авторитета не поладил с Димой Николаевым, хотя потасовки не было, официанта просто слегка стукнули по локтевому сгибу. Итог — у приятеля на долгое время рука потеряла чувствительность.

Летом 1979-го года меня перевели в ресторан «Аустерия», расположенный на территории Петропавловской крепости. Тут всё история. Например, торговые залы «Аустерии» переоборудовали в бывшем жилом доме офицеров лейб-гвардии Стрелкового полка. Заведение являлось филиалом «Невского», находилось немного в стороне от экскурсионных трасс, но было не менее посещаемо — сердце Питера всё-таки! Запомнился визит Зиновия Гердта, народный артист попал в перерыв и своим неповторимым голосом стал уговаривать меня пропустить отобедать. Пришлось договариваться с кухней и администрацией, чтобы не ставить в неловкое положение замечательного человека.

В "Аустерии" я прошёл боевое крещение самыми большими халдейскими напастями: контрольной закупкой и сбежавшими посетителями. И в том, и в другом случае вопросы разрешили традиционным способом — старший написал какую-то объяснительную (с ученика-то какой спрос!) и дал денег (из моего кошелька). Недостачу в семьдесят шесть рублей от скрывшихся халявщиков уже докладывали оба, подобное в нашей профессии — дело обыденное. Вечером нажрались и уже за полночь перебрались на другой берег Невы в лодке, курсирующей в поисках то ли невской корюшки, то ли лёгких денег. Получилось романтично, но вынуждено, так как старинные ворота Иоанновского равелина на ночь закрывались, поэтому попасть с Заячьего острова в город решили по воде.

Несмотря на занятость в связи с учёбой и работой, музыка прочно, как и раньше занимала своё место в моей жизни. С осени семьдесят девятого, как я уже писал, толкучка стала прятаться за платформой Пост Ковалёва. Место было выбрано удобное — двести метров от железной дороги, и открывалась большая поляна, спрятанная от посторонних глаз. Ездили по выходным. Меломаны сталкивались ещё в электричке и заочно обсуждали новости, цены и прочие рабочие вопросы. Укромное место провоцировало не только на пластиночные манипуляции,

но располагало к бутылочке-другой винца, а там можно и в картишки перекинуться. Например, в «секу» по гривеннику. По осени меломаны часто привозили домой лесные трофеи: грибы и ягоды. И, всё бы хорошо, но сами понимаете, несанкционированные сборища у власти, как бельмо в глазу. Начались облавы, позже подключили клуб служебного собаководства. Хитрым ментам не было нужды спускать собак и гоняться по лесу за нарушителями, в мегафон просто предлагали разойтись и вернуться домой. Пару раз мы попадались на эту удочку: сотрудники элементарно встречали нас у платформы и сажали в автобусы. Некоторые умудрялись сбежать от коварных милиционеров и уехать тайком от греха подальше.

Однажды загребли и меня. Отвезли в линейный отдел Октябрьской железной дороги на Финляндский вокзал. Шумная толпа сидела в «обезьяннике» и сетовала на горькую меломанскую долю. Вызывали по одному, обыскивали и составляли протокол. Вот тут мне как-то неожиданно повезло, хотя сам факт задержания никак не назовёшь радостным событием. У меня нашли журналы «Наш современник», где печатался роман Валентина Пикуля «У последней черты». У инспектора загорелись глаза. Знали о скандальной публикации не все, никто в то время рекламой литературы не занимался. Мент оказался из грамотных, начитанный, значит. Он долго рассматривал затасканные обложки (слово «бестселлер» не употреблялось) и неожиданно предложил:

— Слушай, дай почитать, люблю Пикуля. — Увидев, как я изменился лицом, поспешил заверить. — Не волнуйся, верну.

— Да, я бы с радостью, но журналы не мои. Надо отдавать владельцу.

Издания знаменитого земляка всегда были в дефиците, а эта вещь и подавно. Я лихорадочно думал, как бы не попасть ещё на литературу, ведь возвращать журналы приятелю действительно необходимо.

— Понимаю, в общем, давай сделаем так: даёшь журналы, а я тебя не видел, — он вытащил из стопки рапорт милицейского наряда и отложил в сторону, — меня не интересуют твои пластинки, не попадайся больше, и все дела. А журнальчики дай, пожалуйста.

Куда мне было деться — отдал. Приличный мент оказался, вернул через месяц, а я, в свою очередь, владельцу. На толкучку ездил ещё не раз и облавы переживал, как-то всё обходилось, говорят, снаряд в одну воронку дважды не падает!

Незадолго до экзаменов прошёл общегородской конкурс

«Лучший по профессии», я занял тогда третье место (где-то грамота даже лежит). После такого шага к вершинам халдейского мастерства, мастер и классный руководитель в одном лице отозвала меня в сторону.

— Вадим, от нашей группы ты — кандидат на красный аттестат. Готовься к экзаменам и не подведи меня.

— Постараюсь, Надежда Владимировна.

И не подвёл, споткнулся только на кулинарии. Тут предмет отдельного разговора. В течении двух лет обучения проводились практические поварские курсы. Скажем, прошли тему, занесли в конспекты, а затем идём в лабораторию и сдаём зачёт. Одеваем халаты, колпаки и готовим из заданных продуктов, например, закуску, супы или второе — у каждого своё. Перед дегустацией рассказываем, как и что состряпали, даём кулинарную характеристику блюда. Добавлю, государство оплачивало продуктовые наборы. В конце занятий учащиеся с мастером не без аппетита поглощали результаты своего труда. От таких практик к основной профессии добавлялось довольно сносное владение поварскими навыками — в работе подспорье и дома пригодится.

На экзамене попалась сложная тема — каши, а вот их я почти не знал. Чего-то мямлил, в итоге опозорился. Что делать? Надежда договорилась с преподавателем, сделали исключение, разрешили пересдачу. Попался нужный билет, всё прошло как по маслу.

Вместе со свидетельствами официантов нам вручали синее удостоверение курсов повышения квалификации специальной подготовки работников для обслуживания контингентов Олимпийских игр. Затем распределение, банкет, пьянка и всё такое, что обычно происходит после экзаменов.

На страну неумолимо надвигался великий спортивный праздник Олимпиада-80. Наш выпуск стали распределять по крупным пищевым точкам, задействованным на обслуживание столь эпохального события. Меня приписали к ресторану при гостинице «Спутник». Убогие номера и вспомогательные помещения, построенные в конце шестидесятых под общежитие, требовали ремонта и доработки. Что и сделали, зал ресторана полностью перестроили накануне Игр. Пока я оформлял санитарную книжку, ездил в ателье на примерку новой формы, заведение как раз запустили. 2 июня 1980-го года меня приняли официантом пятого разряда.

Началась пахота по шестнадцать часов в день. Туристы: завтрак, обед, ужин. Перекрытие. Свободная торговля. Привычно, понятно и бездушно-конвейерно. Утешением могла служить

высокая зарплата — свыше трёхсот рублей. Однажды пришла Халитова (мой мастер по училищу). Я заказал ей кофе и стал ждать. Надежда Владимировна хитро сощурилась и спросила:

— Вадим, как ты смотришь на то, чтобы пойти учиться?

— Не задумывался.

— У меня к тебе предложение. Хочешь поступить в торговый институт? Я дам тебе прекрасную рекомендацию, у тебя пятый разряд, свидетельство с отличием. Подашь документы на вечерний, а днём будешь работать метрдотелем. Ты понимаешь?

Она многозначительно посмотрела на меня, и тут до меня дошло — нужны деньги! Дальновидная женщина готовила кадры. Молодец, как не уважать человека, работающего на перспективу.

— Ой, Вы знаете, Надежда Владимировна, я не смогу: семья, ребёнок. Мне скоро уже тридцать лет, какая учёба? Нет, не потяну!

— Не торопись, подумай, ты же толковый парень. Я Алиеву хотела предложить, но это не его стезя.

— Хорошо, подумаю. Новую группу набираете? — Переключился со щекотливой темы. — Теперь набор, видимо, проще. Олимпиаду не застанут…

В тоже день я позвонил Вадику Алиеву.

— Слушай, Халитова тебе ничего не предлагала по работе?

— Нет, а что?

Я рассказал лучшему «бергашнику» о визите мастерицы, не забыв отметить её многозначительный намёк на взятку.

— А ты чего, согласился!?

— Не, не хочу, сколько можно учиться? Я отказался. Шесть лет в институте, к сорока годам должность зама какой-нибудь кафешки. Ответственность. Нет, точно откажусь.

— Правильно, но с «тазиком» бегать — тоже не дело. Хочу поступить на курсы барменов. Можно вместе.

На том и порешили. Спустя много лет особо не жалею, что упустил шанс подняться по общепитовской карьерной лестнице. Да и события следующих двух лет показали, пойди я даже учиться, карьера скорее всего бы не задалась.

Накануне открытия Олимпиады, Димка Николаев ночевал у меня. Утром была моя смена, но работать очень не хотелось, и мы приняли решение «отмазаться». Решался вопрос очень просто: требовалось позвонить старшему смены, а ещё лучше, приехать и просто дать денег на лапу. Ребята подменят, да и выгодно, ведь моя пайка кому-то достанется, а лишних денег не бывает!

Когда подъезжали к «Спутнику», вид пустого города как-то даже пугал. На углу стоял ларек. Продавали заморский сок «Марли», сигареты «Марльборо» и ряд дефицитных продуктов. Я

сунул метрдотелю трёшку и стал свободен. Мы поехали на «Галёру», но и там нас встретило удручающее безлюдье, всё вымерло! Как известно, тогда большая часть населения была запугана и сидела дома, остальной неблагонадёжный люд просто выдавили за пределы города. Нам оставалось встретить праздник в лучших отечественных традициях — крепко выпить. И ноги понесли нас в «Метрополь». Там были все свои, часть халдеев, вообще, нашего выпуска, оттого никакой краёжки и обмана. По неписаным правилам давали пять рублей сверху с каждой персоны, и гуляй — не хочу.

Вообще, путешествие по ресторанам и гостиницам города — дело увлекательное. Мы ещё не успели пресытиться профессией и разгульной жизнью кабаков. Питаться в пирожковой или закусочной уже как-то не к лицу. Гораздо престижней уверенно пройти мимо бдительного швейцара в «Европейскую» или «Асторию» на шведский стол, а поужинать в ресторане гостиницы «Прибалтийская» или «Пулковская» (её, кстати, тоже строили к Олимпиаде, но уже финские специалисты). Да мало ли злачных мест в огромном городе, главное, чувствовать себя чуть-чуть выше остальных. В общем, сибаритство на советский манер.

Ближе к вечеру сытые и пьяные мы вывалились из «Метрополя». На улице потрёпанный мужик с отёчным лицом хроника попросил добавить немного денег, чтобы купить «пузырь». Димка полез за деньгами, и тут лицо человека показалось мне знакомым. Сейчас бы не вспомнил, а тогда узнал! Да это же тот урод, что подставил меня в конце шестидесятых, по его милости конфисковали мою первую коллекцию! Это была наша вторая встреча. Первая произошла намного раньше, ещё в подвале клуба филофонистов на Ждановской набережной. В тот раз он сам подошёл ко мне и стал каяться. Я потащил стукача во двор, чтобы хорошенько всыпать, но маленький человек жалобно просил прощения и уверял, что менты его заставили. Я смягчился, но решающим фактором стала простава нескольких бутылок портвейна. Тут же, на лестничной площадке, я и ещё несколько клубных пацанов уничтожили гнусное советское пойло. Этого хватило, чтобы кулаки больше не чесались, пластинок всё равно не вернёшь (какой там был оригинальный альбом The Doors «Waiting For The Sun», эх…).

И вот новая встреча с опустившимся стукачом. Я ничего не сказал и лишь позже поведал Димке о необычном просителе. Дима возмутился и попенял мне, что промолчал. Зная вес его кулаков, человечку мало бы не показалось. Николаев тоже раньше занимался боксом, но дошёл до кандидата и был подготовлен

гораздо лучше меня. В нашей разгульной жизни, в пропитанных винными парами и человеческими пороками заведениях, кулаки не последний аргумент в разрешении постоянных конфликтов. Кабак и хорошая драка всегда идут рядом. Я вспоминал Димкины сшибки, когда спустя много лет организовывал его поминки. В 1992 году Николаев разбился на своей машине при этом, унеся жизнь моего хорошего знакомого.

Хочу вспомнить ещё одного человека, с которым мы дружили вплоть до 1995-го года, пока он не пропал без вести. Звали его Володя Хорев, но в повседневной жизни к нему приклеилось имя Вацек. Володя самостоятельно выучил польский язык, причём владел им в совершенстве. Это делало доступным общение с многочисленными туристами, а также с особым контингентом — польскими офицерами, учившимися в Ленинграде. Поляки скупали у наших фарцовщиков валюту. Это был опасный бизнес, но прибыльный. Валюта не шмотки, легко спрятать и незаметно передать. Вот цифры: приобретая доллары из расчёта два рубля пятьдесят копеек (а то и меньше) за бакс, отечественный спекулянт легко продавал их полякам уже за три рубля пятьдесят копеек (а то и больше). Любой иностранный гость имел право поменять доллары по смехотворному государственному курсу, примерно за шестьдесят копеек. Но кто же не соблазнится, когда любезный барыга-валютчик даст тебе в четыре раза больше. Иностранцу хорошо, менты его не тронут, а любезный меняла тоже не лыком шит, знает правила игры, главное, какой ему светит срок по 88-й статье. Поэтому и в лапы ОБХСС старается не попадаться. Вацек был из таких. Он не гнушался продажей шмоток, любил музыку, был порядочным человеком и компанейским парнем. Хорев жил на Литейном, рядом с «пятаком», это облегчало работу с клиентами. Как-то незаметно мы стали деловыми партнёрами, а затем друзьями.

Тот июль запомнился не только Олимпийскими Играми, но и уходом из жизни Владимира Высоцкого. Когда я узнал о его смерти, то сразу вспомнил, как на «Ленфильме» столкнулся с артистом в столовой (богема там пила кофе на балконе, отдельно от работяг). Подобострастно глядя в глаза Владимира, я попросил автограф.

— Не сейчас…, - прохрипела устало «звезда авторской песни», он отстранил меня в сторону и двинулся по своим делам.

В молодости я распевал его тексты, но кумиром не считал — чересчур большая разница между его песнями и рок-музыкой. Каждый год, в канун дня рождения артиста, когда начинается истерия вокруг его имени, мне становиться скучно.

Проработал в «Спутнике» я недолго, через три месяца

перевёлся в ресторан «Невские берега». На этот раз смена места работы обусловлена конкретными обстоятельствами: первое — удручающая обстановка в «Спутнике»; второе — воссоединение с Вадиком Алиевым. Про гостиничный кабак скажу так: бесконечные драки, увечные люди, постоянные наряды милиции: все это действовало на нервы и сильно доставало. Свои спецслужбы не справлялись, гопота творила, что хотела, залитые кровью мраморные полы до сих пор стоят перед глазами. Халдеям тоже доставалось. Начались увольнения. Не знаю, нормализовалась ли обстановка после моего ухода, одно могу сказать точно — дурная слава долго преследовала заведение, и все закончилось убийством директора в девяностых. Но это другая история.

Всё устаканилось, как только мы с Вадиком оказались в одной смене и шло гладко, пока он не заболел. Мне пришлось работать с новым напарником. Засада ждала в новогоднюю смену. В праздники ресторан работал по предварительным заказам. Заказанные столики распределяются между сменой официантов, которым «повезло» поддерживать массовое гуляние.

Поясню, обслуживать оплаченные столы халдеям невыгодно, живые деньги появляются только при дозаказе. Ограничено поле деятельности, поэтому остаётся встретить со всеми бой курантов, а затем носиться, как угорелому, чтобы успеть собрать посуду и поменять блюда. Правда, и тут была лазейка: свои гости. Когда столы резервируют друзья или добрые знакомые, финансовые вопросы дополнительного вознаграждения решаются заранее.

1981-й год встречала смена, прореженная чуть-ли не вдвое. Гостей тьма — обслуги кот наплакал! Прежде, чем впустить гостей, директор ресторана решил проверить готовность столов. Прошёлся по залу, посмотрел состояние скатертей, сервировку, выставленные холодные закуски, затем стал заглядывать в серванты — рабочие места официантов. Подошёл и к моим «пайкам». Каково же было наше удивление, когда он открыл дверцы шкафчика и под запасными салфетками обнаружил спрятанные бутылки. Водка, коньяк, шампанское и ещё запечатанная коробка с миндалём. Налицо был «левак» — жуткий прокол в работе.

— Ваше место? — Ледяным голосом вопросил шеф.

— Место моё, но остальное — нет!

— Понятно, — изрёк директор и повернулся к метрдотелю, — лишнее убери, а этого красавца ко мне в кабинет после праздников!

Процессия проследовала дальше, администратор Юра повернулся и показал мне кулак. Я кинулся разыскивать

напарника. Вот, сволочь, меня не предупредил и как подставил! Грехов у официанта много, но первая заповедь: нарушаешь — не попадайся! Система наказаний проста, по пальцам пересчитать. За мелочь можно загреметь в грузчики на пару недель. Ежели чего посерьёзней — прогрессивная шкала расчётов в рублёвом эквиваленте, реже — взятки «борзыми щенками», а уже когда совсем плохо, можно загреметь под статью. Последний вариант в моей практике не встречался, тогда, как всего остального было в избытке.

Напарник извинялся, но негодовал, отчего он должен брать всю вину на себя. В итоге, кое-как удалось загладить конфликт, но «чёрную метку» я уже получил. И когда проверка, то ли случайная, то ли намеренная, выявила традиционные грехи, пришлось писать заявление «по собственному» и уходить. Очень жаль, не успел начать работу, а тут такое пятно. Спустя время договорился о работе в своём первом ресторане — «Невском», но буквально за день до моего оформления туда приказом по тресту поставили нового директора, а он оказался прежним начальником «Невских берегов». Вот ведь, не повезло, понятно, что мне и туда путь заказан. Требовалось подыскать работу по профилю, а это оказалось делом непростым, свободного времени вдруг стало много, я стал пропадать у Гостиного Двора, по музыкальным толкучкам, а вечера частенько коротал в «Поганке».

ОТ ТЮРЬМЫ И СУМЫ…

1 сентября 1981-го года я отправил сына в первый класс. По случаю праздника надел белую рубашку и костюм. Вечером двинул в клуб филофонистов на углу Лермонтовского и Римского-Корсакова. Клуб закрывался около восьми вечера. Толпа меломанов выплёскивалась во двор-колодец, а затем на проспект через проходную парадную. Вот тут нас и ждала засада в виде нескольких милицейских нарядов. Они выхватывали из шумной оравы отдельных граждан и без церемоний сажали в машину. Хвать — и меня упаковали! Кто-то начал возмущаться, кто-то поносить ментов. Через полчаса доставили в отделение и стали оформлять. На мою беду, я вечно таскал с собой паспорт, оттого без осложнений оформили моё задержание. Спросите, за что? За то самое! Нарушение общественного порядка: торговля и спекуляция в общественном месте. Сколько я ни доказывал, что для этого у нас имеется помещение клуба, узаконенное властями, бесполезно. Менты гнули своё — жильцы дома возмущены шумом во дворе и торговлей с рук. Подобный беспредел напоминал компанию за показатели по работе с жалобами населения. Я и несколько меломанов ночевали в 1-м отделе Адмиралтейского

района, что на улице Якубовича. Когда меня принимали, дежурный удивлённо посмотрел на мой благообразный внешний вид и поинтересовался:

— А этого тоже в «обезьянник»?

Утром с первым заседанием районного суда, мне вкатали штраф пятьдесят рублей, выписали квитанцию и отпустили. Кстати, и в этот раз судьей была женщина, неуловимо похожая на даму из Куйбышевского суда, что когда-то отправила мою коллекцию в расход. Сейчас я не хныкал и не пытался доказать, что ничего не нарушал, а лишь выходил из помещения клуба, где на законных основаниях менялся пластинками. Весь опыт подобных конфликтов с властью приучил безропотно принять наказание, опустив голову. Никого не интересует: прав ты или нет, не повезло сейчас; зато в другой раз, когда ты провинишься по-крупному, тебя могут и вовсе не заметить. Штраф-то я оплатил немедленно, а пластинки получил лишь спустя пару недель, — как мне объяснили, могут же и менты послушать зарубежный рок.

Этот инцидент стал ещё одним звеном в цепи неприятностей, начавшихся с увольнения из ресторана «Невские берега». Но то, что случилось спустя год, неприятностью никак не назовёшь, скорей трагедией. Тут придётся вернуться назад, в 1979-й год. Володя Шустер учился вместе с моими однополчанами в институте Культуры. Тогда я и познакомился с ним. Шустер изредка появлялся на «пятаке» у Гостиного Двора чем-то приторговывал и что-то покупал. Естественно, мы пересекались, типа: «Привет, как дела?». В тот памятный день состоялся необычный разговор.

— Слушай, тебе феномин не нужен?

— А это что за зверь?

— Я думал, ты знаешь. Это лекарство такое, транквилизатор. Спортсмены используют, женщины, чтоб похудеть. Ещё говорят, табельное средство у пограничников и подводников от усталости и сна.

— Подожди, наркотик что-ли?

— Да, какой наркотик! Говорю: не для кайфа, а от усталости, работоспособность повышает. Возьми, попробуй, в упаковке один грамм, концентрация сумасшедшая. Употреби спичечную головку… Или съешь, или сделай укол.

— Ну, давай, рискну здоровьем. А сколько стоит?

— Не обеднеешь — рубль за грамм!

На том и порешили. Низкая цена, уверения, что порошок — не наркотик, меня успокоили. Тут можно прибавить устоявшуюся привычку к перепродаже и любопытство. Наркоманом я не был, если не считать редких случаев «пыхнуть косячок». Так,

баловство. В тот же день я глотнул этой гадости, не спал ночь, ходил как заведённый, аппетит пропал. Настроение было отличное, развязался язык и хотелось без умолку разговаривать. Никаких ломок и отходняков, не считая, что сжёг себе слизистую рта.

Испытав «продукт», я приступил к его реализации. Объектом моего интереса стала одноклассница Таня Кацман, та не скрывала своего увлечения наркотой, угощала ребят «косячками», «колёсами». В остальном — обычная советская студентка. Училась хорошо, в кабаке работала прилично. Больше не скажешь!

Моё предложение сперва не вызвало энтузиазма у продвинутой дамы.

— Мне не надо, спрошу. Вот если бы анашу принёс или чего покрепче?

Прошло время, однажды Таня заказала десять грамм, где-то среди её круга приверженцев опасных привычек что-то срослось, и процесс пошёл. Я связывался с Шустером и брал на реализацию расфасованные пакетики. Затем, ещё и ещё. Хорошая, а, главное, лёгкая прибыль окончательно притупила сдерживающие начала. Скоро всё-таки выяснилось: фенамином в аптеках не торгуют, и занятие это попахивает криминалом. Как любой барыга, я сопоставлял риск с размером прибыли, и здесь не возникало веских аргументов за то, чтобы немедленно завязать с подобным бизнесом. Здравый смысл был затёрт в дальний угол сознания, балом правила алчность.

Со временем я стал приходить к Шустеру домой, зачастую свёрток мне передавала его жена — третий человек в бизнесе. А ещё позже выяснилось, что производит порошок какой-то химик, кандидат наук. Я бы не сказал, что перепродажа «фена» сделала меня богачом. Нет. Конечно, это был дополнительный ресурс, подпитывавший меня и семью в то время, когда я оставался без работы. Чтобы не стать тунеядцем, мне пришлось «подвеситься» в дом культуры гардеробщиком, номинально я там числился, а зарплату получал кто-то другой. Очень удобно — ментам до тебя дела нет, а ты «крутишь свою поганку» до поры до времени.

В 1980-м году Кацман познакомила меня со своим мужем, Грязновым Алексеем. Тот закончил медицинский и в «нашем» вопросе разбирался, как никто другой. Преступная группа была сформирована, процесс набирал обороты. Но к середине 82-го стал давать сбои. Я не знал, что происходит, лишь сразу почувствовал, как денежный ручей внезапно пересох. Последняя партия фенамина не желала возвращаться в виде полновесных советских рублей. Я начал нервничать, а со

мной замандражировал и Шустер, которому я оставался должен большую часть барыша.

Я стал напрягать и торопить Грязнова, тот отделывался обещаниями, а время шло. Однажды Грязнов признался, что клиенты употребляют «фен», как вспомогательное средство, что делает их очень опасными. «Нарики» не возвращают долг, и у него уже случались столкновения, на него кидались с топором, угрожали. Я был поражён.

— Но ты же врач, Лёша, дай психам успокоительное, как-то решай свои вопросы. Мне надо рассчитываться с поставщиком, проблемы не нужны никому.

— Да, конечно! Проблемы не нужны никому, ни моей Татьяне, ни моему ребёнку…

Я не обратил внимание на странный тон подельника. Дальнейшие события показали, что Алексея загнали в угол, и он сделал выбор. Ночью, незадолго до ноябрьских праздников, в моей квартире раздался тревожный звонок. Я, естественно, спал, причём после пьянки и особо не разбирался, кто там прётся в час ночи. Распахнул дверь, а на пороге стоят несколько человек.

— Яловецкий Вадим Викторович? Отдел по борьбе с наркотиками. Вы подозреваетесь в распространении наркотических веществ. Вот ордер на обыск.

Сотрудник предъявил сначала служебное удостоверение, затем прокурорскую бумагу. Я впустил четырёх посторонних, двое оказались дружинниками и заодно свидетелями, затем начался обыск. Всё, как обычно показывают по телевизору и в кино. Очень знакомо, только, здесь ты уже участник, подозреваемый, и оттого муторно и страшно.

Отчего надо врываться ночью? Зачем тревожить соседей, а родным и близким лихорадочно глотать успокоительное? А я отвечу: попал в стальные шестерёнки государственной машины, так и не ропщи. Ночью удобно: подозреваемый спит, сильнее пресс власти и эффект внезапности, легче потрошить человечка и т. д.

Менты уверенно полезли на антресоли и сразу извлекли пакетик с анашой. Подозвали понятых. Я промямлил: квартира-то мол коммунальная, вовсе не моё. Да, кого это интересует: поймали рыбу — на кукан её, чтоб не сорвалась. Всё разыграли, как по нотам. Закончили с бумагами и велели одеться.

Везли через весь город в 54-е отделение милиции Красносельского РУВД. Там всё и выяснилось. Грязнов решил все проблемы одним махом — пришёл в ментовку по месту прописки и написал явку с повинной. В качестве вещественных доказательств преподнёс блюстителям закона почти сто

грамм фенамина. Ай, да молодец! Менты возликовали — такой подарок перед праздниками! Они немедленно возбудили уголовное дело. Остались пустяки: разговорить соучастников, подбить крепкую доказательную базу, передать дело в суд и поставить себе жирую «палку» в отчётности. А там и премия, глядишь.

В тот же день меня доставили в спецотдел где-то на Садовой. Алексей Михайлович Грязнов знал много, накануне дал полный расклад по всей нашей деятельности. Оказывается, он видел и описал Шустера, а меня представил главным негодяем, который два года терроризировал его и жену, требуя реализовать фенамин. Следователь выложил мне откровения Грязнова и поставил перед выбором: первый вариант — моё чистосердечное признание, подписка до суда, который, естественно, учтёт раскаяние «заблудшей овечки» и, возможно, назначит условный срок. Второй вариант описывать не стану, догадаетесь сами. Я сдался быстро, без боя. Поведал всё, что творил на зыбкой ниве наркоторговли, не забыв вывести на чистую воду врача-оборотня. Подписал протокол, меня отпустили, взяв подписку о невыезде. Явку на очередной допрос назначили после праздников.

Оглушённый случившимся, я возвращался домой. Такси переехало через новый, только что открытый, Кантемировский мост. Может, и, вправду, условный? Эх, дурак! Чего не жилось спокойно, занимался бы своими пластинками да приторговывал потихоньку шмотками…

Пока шло следствие, драма выглядела как-то абстрактно. Не то, чтобы всё хорошо, но, с другой стороны, я на свободе, мотаюсь на «Галёру», посещаю Пост Ковалёво, ем и пью в своё удовольствие, а нечастые вызовы к следователю — чуть-ли не приятельские посиделки. После смерти генсека Брежнева появилась надежда на благополучный исход. Знакомые хлопали меня по плечу: жди амнистии, твоё дело пустяковое. Время шло, и подавленность, усиленная неопределённостью ближайшего будущего, выматывала вконец. Постоянное похмелье усиливало нервозное состояние. Однажды меня посетила идея кинуться в бега. Но, взвесив все за и против, я отмёл авантюру: не по моему характеру прятаться и постоянно бояться быть пойманным. В конце концов смирился: будь, что будет! За содеянное надо держать ответ. Весной наше дело забрал Большой дом, вёл его уже старший следователь 3-го отдела, подполковник милиции Иванов. Опытного зека такой оборот бы насторожил, но я, естественно, не придал переменам значения.

В середине апреля начался суд. Слегка необычно смотреть на

собственный процесс не со скамьи подсудимых, а со стороны. Как будто это не меня судят, а кого-то другого, и моя скромная особа здесь случайно, из любопытства. Дело оказалось не слишком большим, всего три тома. Семь обвиняемых: четверо в СИЗО, остальные пока на свободе. От адвоката я отказался, во-первых, жалко денег, а во-вторых, по-наивности казалось всё и так ясно, зачем мне защитник.

Я видел в перерывах, как вечно поддатый председатель суда, народный судья В. И. Бухалов (фамилия говорящая, правда?), возвращался из комнаты отдыха вновь помолодевшим, а потом начинал засыпать на заседаниях, — рутина! Но уголовное дело № 1-528 потихоньку двигалось к финалу.

Я курил на лестничной площадке суда, когда ко мне подрулил благообразный пожилой мужчина.

— Здравствуйте, Вадим Викторович. Позвольте представиться: Дубниченко Илья Львович, адвокат. Я защищаю вашего приятеля Шустера. И вот о чём мне бы хотелось с вами поговорить.

И он обстоятельно стал доказывать мне, как я был неправ, отказавшись от защиты. Что это только навредит в судебных слушаниях и прениях сторон. И что лишних расходов никаких не надо, поскольку он уже ведёт Шустера. И ему меня жалко, оттого он искренне хочет мне помочь. И, ведь, убедил, краснобай! Зря что-ли свой хлеб ест? Я согласился.

Спустя несколько лет Дубниченко пообещал реальную помощь из Москвы и попросил у моей жены немалую сумму, которую та собирала на кооперативную квартиру со своей зарплаты. Деньги ушли в песок, а юрист лишь развёл руками. Я вспомнил тот разговор на заплёванной лестнице и пожалел, что повёлся на уговоры адвоката. Умудрённый опытом защитник, скорее всего, искренне хотел мне помочь, но тогда ни он, ни я не знали, что процессу был придан особый статус. Указание шло из Москвы в свете усиления борьбы с криминалом, затеянной генсеком Андроповым. Вот отчего уголовное дело было истребовано из района и передано на Литейный. Человек, который спустя много лет поведал мне эти подробности, добавил, что старший следователь получил очередную звёздочку, а сотрудники центрального аппарата, приложившие руку к блестяще проведённому расследованию, денежные премии.

Дело неизбежно двигалось к финалу. Наконец, все присутствующие в зале суда услышали точку зрения государственного обвинителя. Гневную речь клеймившего нашу преступную группировку я почти не воспринимал, ждал, сколько попросит прокурор. И он, сука, потребовал одиннадцать лет!

Клац! В голове щёлкнуло реле самосохранения: как же так? Все ждали 226-ю статью УК — сбыт сильнодействующих веществ, до 3-х лет лишения свободы. Но когда прокурорский чин подвёл нас под 224-ю, а здесь уже сроки от 6-ти до 15-ти, повеяло холодом. Следак, а потом и адвокат сладко пели, что с подписки можно получить «ниже низшего предела». И, вообще, кто сказал, что «фенамин — наркотик»? Следствие ссылалось на закрытые ведомственные документы, где все прописано в специальном перечне. Естественно, никто не собирался это подтверждать! Всё понимаю: виноват — надо ответить! Но почему такой запредельно большой срок? За те девяносто два с половиной грамма фенамина, что выдал Грязнов? Или за мифические кило триста шестьдесят три, что навешали на меня лишь со слов свидетелей (ни один из них срок не получил)? Ладно, проехали. Я вновь испытал боль от ощущения несправедливости и горько пожалел о чистосердечном признании, и что вовремя не «сделал ноги». А тогда была пустота и слабая надежда, если прокурор просит один срок, то, обычно, всегда дают меньше.

Я позвонил тётушке и попрощался с ней. До суда я умалчивал криминальную историю, до последнего момента рассчитывая на послабления. И тут я скороговоркой выпалил жуткую перспективу своей жизни на ближайшие годы. Затем извинялся и обещал обо всём написать. На том конце провода растерянная пожилая женщина ничего не понимала и без конца переспрашивала у меня, что случилось. А я уже не мог говорить, в горле стоял ком…

Копию обвинительного заключения мне вручили в конце апреля, а приговор зачитали 21 июня 1983 года. В семь часов вечера прозвучали отлитые из свинца страшные цифры — одиннадцать лет колонии усиленного режима с конфискацией имущества! Спасибо, самый гуманный Смольнинский народный суд города Ленинграда! Остальным участникам тоже отвесили немало. Грязнову, который всё это затеял, — девять, Шустеру — одиннадцать, Касман — шесть (к ней суд проявил снисхождение из-за маленького ребёнка), талантливому химику-практику тоже шесть, а жене Шустера — условный срок. В мгновенье ока я из подсудимого превратился в осуждённого и, уже в новом статусе, растерянно озирался, сжимая в руках баул с вещами…

ЧАСТЬ 2. ПЯТНА НА СОЛНЦЕ

КРЕСТЫ, ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Из пустоты материализовался, неприметный доселе, конвой и вежливо попросил проследовать по назначению. Меня и подельницу Касман посадили в милицейский газик и доставили в отделение. Три дня нас держали в районном ИВС, затем перевезли в учреждение ИЗ-45/1, более известное в народе, как «Кресты». Знаменитая на всю Россию тюрьма встречала своих новых обитателей безразличием и специфическим запахом, устоявшимся за более чем девяностолетнюю историю своего существования. Вновь прибывших зеков пропустили через бездушный конвейер шмона. Хорошо помню, как снял с запястья свои часы, которые снова надел лишь спустя много лет. Затем отстойник, где новички ожидали распределения по камерам. Жуткое место, я вам доложу! Никогда раньше не встречал такого количества клопов. Кровососы жили в так называемой «шубе», рельефной штукатурке, покрывавшей всю поверхность помещения. Клопы лезли отовсюду и даже пикировали с потолка. Правда, потом был душ, обработанное прожаркой постельное белье и, наконец, сложный маршрут по гулким лестницам и переходам «Крестов» к месту временного обитания.

Я начал свой тюремный срок в одной из камер (говорили, что их ровно тысяча) «осуждёнки», так называли второй корпус в форме креста. В «хате» (камере), размером восемь квадратов, рассчитанных на шесть персон, находилось почему-то аж двенадцать человек. Мне ещё повезло, гораздо позже узнал, что в середине девяностых «Кресты» были забиты под завязку до двадцати человек в каждой «хате». Все обитатели первоходки, поэтому всяких «прописок» с избиениями, развода по «мастям» и прочих страшилок не было. Правила простые: все «дачки» (продуктовые посылки) складываются в общий котёл. Если вновь прибывший «опущенный», следовало обозначиться и жить отдельно, у параши. Курево у каждого своё, просить не принято, но клянчили постоянно. Я терпел попрошаек пару недель, а затем отдал свой «Беломор» в «общак» и объявил, что бросаю курить. И, ведь, не курил весь срок!

Из немногих развлечений — книги тюремной библиотеки, на отдельных экземплярах стояли довоенные штампы. Также самодельные карты «стиры» или шахматы, изготовленные из хлеба. Все образцы тюремного творчества под запретом, при очередном шмоне они изымались, но потом появлялись вновь. Самое большое богатство после сигарет чай. Варили его

примитивным способом, жгли под кружкой кусок одеяла. А чтобы меньше воняло держали огонь у забранного решёткой окошка.

Каждый день выводили на часовые прогулки в тюремные дворики по форме секторов. Главные радости — завтрак, обед и ужин. Питаться приходилось ложкой с обрезанной ручкой, что не очень удобно, а других приборов не выдавали. Тюремная прислуга, «шныри», заводили в камеры электрический кабель и давали электробритвы (никаких ручных бритвенных станков и других приспособлений). Обычно, в тот же день, — баня и смена белья. В редких случаях выхода за пределы камеры, я с интересом разглядывал старинные лестницы и стены мрачного заведения. Главное, это особый запах, я его помню до сих пор. Раскормленные лица контролёров, иначе, «дубаков» или «цириков», приходилось видеть гораздо чаще. Кроме основных обязанностей надзиратели решали собственные коммерческие интересы. По ночам они предлагали за деньги курево, чай, продукты с воли, а за очень большие — алкоголь и наркоту. Но это под большим секретом и только проверенным, хотя про махинации знали все, от сторожевого бобика до начальника изолятора.

Однажды нарисовался адвокат Дубниченко. После дежурных вопросов: как, типа, живётся, сожалений о излишне суровом приговоре, я написал под его диктовку кассационную жалобу. Больше я адвоката не видел. Кассация пошла гулять по инстанциям, мне оставалось только ждать.

В «хате» шли нескончаемые разговоры о своих и чужих грехах, бабах, жратве и других сложностях бытия в огромном каменном общежитии ленинградских «Крестов». Однажды я стал рассказывать сокамерникам содержание французского фильма «Искатели приключений» с Аленом Делоном в главной роли. Мужикам понравилось, пришлось чуть ли не каждый вечер баловать их разными историями. Позже я узнал, что подобные рассказчики имеются во всех тюрьмах и существовали с незапамятных времён. На блатном языке такой способ развлекать публику называется «тискать рОманы», с ударением на первом слоге.

В свою очередь соседи учили меня делать татуировки, рисовать я умел, а с этим ремеслом был знаком только по книгам. В замкнутых стенах набор для нанесения наколок прост: сажа от кусочка резины, разведённая в моче; две или три иголки, особо связанных между собой. На бумаге таким инструментом не потренируешься, пришлось испытать на собственной руке. Забегая вперёд скажу, что полученный опыт не понадобился, нашлись специалисты покруче, а вот рисовать

эскизы наколок приходилось. Собственные безобразия на руке и пальцах я удалил, как только освободился.

В сентябре вызвали на этап. В автозаке провезли буквально несколько сотен метров до Финляндского вокзала, там я впервые попал в другое средство для перевозки спецконтингента — «столыпинский вагон». Старший конвоя, принимавший нас, зачитал обязанности осуждённых, и началась погрузка.

Лёжа на полке трясущегося вагона, я перебирал в памяти последние восемь месяцев на свободе и вспоминал, как пристрастился ходить на «Катран». Место для подпольных сборищ любителей азартных игр располагалось на первом этаже напротив Некрасовского (Мальцевского) рынка. Это была огромная комната в коммуналке у замученного безденежьем и алкогольной зависимостью хозяина лет тридцати. Мы собирались своей компанией и впрягались на всю ночь в карточную карусель. Игра называлась «три листика» (более распространённое название «сека»). Если главная цель собравшихся была пощекотать нервы и заработать по возможности, то у меня к этим порокам примешивалось желание забыться, отвлечься от дамоклова меча правосудия. Мы платили хозяину по три рубля с носа, а победитель мог от себя добавить премию. Незадолго до моего суда на «Катране» появился новый игрок. Определённо, непростой. Вскоре выяснилось: это профессиональный катала. Но психология игрока такова, что, даже зная о подвохе, он бросается в бой и остаётся без денег! Ловкача пытались подловить, но безуспешно.

Никто не знал, куда мы едем и зачем, лишь в дороге кто-то из солдатиков поделился: путь держим на Выборг. От Питера до этого административного центра около ста тридцати километров километров, но наш спецвагон добирался туда почти сутки. То к одному составу прицепят, то к другому. Конвой раздал сухой паёк: хлеб да консервы, а воду разливали из чайника в подставленные кружки. Смысл подобных переброс состоял в том, чтобы отделить осуждённых, подавших кассационные жалобы. Видать, были на то инструкции: ждать рассмотрения в городском суде приходиться по нескольку месяцев, вот пусть зеки и коротают время в тихом Выборге.

Учреждение ИЗ-45/3 не шло в никакое сравнение со «старшим братом» на берегу Невы. Здесь были деревянные полы. Электрические лампочки свисали с потолка, а не прятались в недоступных нишах, забранных решётками. Это давало обитателям возможность использовать самодельные кипятильники из бритвенных лезвий и спичек. В «хатах» народу, как положено по штатному расписанию, шесть, от силы, семь

человек. Разрешены шахматы и, наконец, питание отличается в лучшую сторону. Контролёры почти все женщины. Говорили, что некоторое время назад тут находилась женская тюрьма (даже в бане за нами надзирала равнодушная ко всему немолодая дама). В тамошних стенах, если можно так выразиться к «специальному заведению», чувствовалась какая-то уютность и спокойствие. Видимо, мне так казалось на контрасте с «Крестами».

Расслабленная обстановка да избыток свободного времени располагали к творчеству. Сперва я изготовил отражающий экран. Читать было достаточно неудобно, темно. Склеил несколько листов, а последний из фольги от чайной упаковки. Ставлю этот экран за голову, отражённый свет падает на страницы! То, что надо, глаза не болят!

Я всегда уважительно относился к хлебу, но не предполагал насколько широко его можно использовать, помимо прямого назначения. Недаром говорят: хлеб — всему голова! Из столь необходимого продукта мы делали клей и брагу. Из хлебного мякиша получался прекрасный материал для различных поделок.

Затем были карты, сокамерники клеили небольшие заготовки, я их разрисовывал. После чего на «стирах» затачивались края рубашки, и второй атрибут уркагана готов. Вы спросите, а какой первый? Вот варианты названий: мочегон, пержик, заточка, приблуда, пика — далеко не полный список синонимов ножа. Таковым в камере являлся супинатор из обуви, острый как бритва и тщательно прятавшийся от обысков. Обыски, процедура привычная, как для зека, так и для цыриков. А задачи разные: им — найти, нам — спрятать.

В картишки бились на верхних шконках, так легче мгновенно убрать компромат, если в замочной скважине раздастся характерное клацанье. Любили преферанс — он сложный, умный и оттого интересный. Ставкой служили спички (по ним считали отжимания), папиросы и другие мелочи. И никакой игры «на интерес»: деньги, одежду или чего похуже.

Самый необычный «урок труда» преподнёс один умелец, когда стал мастерить гитару. С трудом верится, но, представьте себе, было! Из деревянного пола вырезали тонкие рейки, основу каркаса акустической деки, дальше он обклеивался газетами. Гриф наш «кулибин», как и положено, смастерил из дерева. На колки пошли гвозди, извлеченные из половых досок. И, наконец, струнами послужили капроновые нити из носков. Даже лады прочертил. Изделие играло и радовало нас до первого большого шмона — такое чудо от контролёров не спрячешь.

В канун ноябрьских праздников настояли брагу в

замаскированном полиэтиленовом пакете. Организовали «шикарный» стол и тихо пели под аккомпанемент уникального инструмента. С непривычки обитатели камеры прилично закосели, но всё обошлось, и такое яркое событие ничем не омрачилось.

Чтобы вам, уважаемые читатели, не показалась наша жизнь сказкой, расскажу о тёмных сторонах тюремного жития. Иногда по ночам раздавались жуткие вопли из соседних камер или глухие удары и стоны из коридора. Что там происходило, оставалось только догадываться. Подобные звуки чаще приходилось слышать в «Крестах», но там вопли несчастных гасятся огромным пространством пяти ярусов, сходящихся в центре, от купола до пола. Однажды и мне пришлось испытать на себе свойства резиновой дубинки. Во время обыска нашли карты с моими рисунками голых девиц (дамы разных мастей, понятно) и остальной части карточных персонажей, изображённых исключительно в виде распятых, покалеченных фигур в милицейских погонах. Вот это обстоятельство очень покоробило одного из немногих мужчин-контролёров. Хлоп палкой по почкам! Я орал громко, как учили (если терпишь молча, это очень злит «воспитателей»). Но обошлось без карцера.

Однажды в камеру привели новенького, заторканного персонажа из азиатской республики. Он представился и уверенно поведал о разбойной статье. Приняли его, как и любого бродягу, — накормили, определили место на койке. А ночью нам просигналили из другой камеры и запустили «коня». В маляве рекомендовали прочитать обвинительное заключение нового сокамерника. Позже продублировали указание голосом: неизвестный настоятельно просил решить вопрос немедленно. Когда новичка чуть ли не силой заставили достать приговор, то ахнули: несколько эпизодов изнасилования маленьких девочек в извращенной форме! Один или два со смертельным исходом.

— Ах, ты, сука! Ты же всех «оформшмачил»! Штопорило (разбойник) говоришь? — Взвился первым, самый авторитетный из сокамерников, бандюган, имевший по молодости ходку.

— Марш в «стойло», там твоё место по жизни.

Хрясь человечку в морду. Больше пачкаться об него никто не стал. На следующий день во время прогулки у нас поинтересовались отбросом и одобрили действия. До этапа насильник мыл полы в камере, питался отдельно и спал в обнимку с унитазом. Судьба подобных уродов на зоне незавидна, за такие дела быть ему «петухом» до конца срока. В таких случаях негодяй держит ответ не только перед законом, но уже и перед осуждёнными. А, точнее сказать, перед народом. Ибо таких

тварей любое общество всячески презирает.

В конце ноября пришло долгожданное определение городского суда. Мне и моим подельникам снизили количество сбытого фенамина и… оставили приговор без изменения! Особое дело, особый контроль, особые меры! Наступила определённость и, несмотря на результат, облегчение — скоро на зону, конец тюремным стенам. В начале декабря сформировали этап, и вновь встреча с уже знакомым столыпинским вагоном. Прощай, выборгская «крытка»! Прошло очень много лет, прежде чем я вновь увидел стены кассационной тюрьмы, но уже снаружи.

ФОРНОСОВО

От платформы Новолисино, что в Тосненском районе, нас доставили в колонию усиленного режима. Учреждение УС20/4 находилось в посёлке Форносово и находилось на балансе МВД с января 1983-го года. Другими словами: совсем новая зона без традиций, устоявшихся порядков и своих особенностей.

Конвой сдал спецконтингент и пакеты с личными делами новым хозяевам. Толпа жадно взирающих, обалдевших от большого пространства, новобранцев тревожно колыхалась и ждала дальнейших действий. Вышли конвоиры: дежурный офицер (ДПНК) и бригадир. Они сопроводили в баню, где после стрижки и помывки нам выдали новенькую зековскую форму. Далее карантин, изучение правил и распорядка ИТК. Перед распределением с нами знакомился сам начальник колонии. В кабинет заходили по одному, здесь, помимо хозяина, находились начальники отрядов и старший нарядчик. Осуждённый должен представиться: назвать имя, фамилию, статью, срок и его начало. На столе лежало моё личное дело, пожилой человек в полковничьих погонах заглядывал туда и задавал специфические вопросы:

— Ну, мил человек, кем ты будешь? Какой масти?

— «Мужик», гражданин начальник.

— Это хорошо, значит, работать не отказываешься? Как жить думаешь, что умеешь?

— Отбывать срок буду без нарушений, хочу досрочно освободиться и вернуться к семье.

— «Досрочно», говоришь, это ещё заслужить надо! Так что умеешь, чем занимался на свободе?

— Последнее время работал официантом, а по первому образованию столяр. Учился в школе с художественным уклоном, умею рисовать, писать красками, чертить.

Хозяин обрадовано взглянул, обратился к старшему нарядчику:

— У нас кто-нибудь занимается оформлением зоны, стенгазетой?

— Пока нет, гражданин полковник.

— Вот и хорошо, — он повернулся к одному из отрядников в звании старшего лейтенанта, — Гаровников, бери к себе и проверь в деле. Если гражданин владеет ремеслом, определяй в хозблок. Осуждённый, сможешь по уму расписать лозунги, оформить витрину под стенгазету?

— Так точно, — по военному отрапортовал я, чуть не

подпрыгнув от плохо скрываемой радости.

— Давай, братец, старайся. Иди и пригласи следующего.

Это совсем не начальственное «братец» и перспектива, как, когда-то в армии вновь стать «блатным», значительно подняли настроение, а с ней веру в человечество. Доказывать способность к художественному ремеслу пришлось недолго, и так всё понятно: стал бы я рисковать положением и «гнать фуфло» начальнику колонии в присутствии стольких свидетелей. Не Остап Бендер, всё-таки! В общем, определили в банно-прачечный комплекс и выделили крохотную комнату под мастерскую. Такой должности в штатном расписании учреждения, конечно-же, не было, потому официально я числился в бригаде, и получалось, что остальные за меня отрабатывали.

Началось с ремонта, я белил потолок, красил стены, сколачивал длинный стол, отмачивал в растворителе кисти, в общем, благоустраивал рабочее место. Приятное занятие, скажу я вам, после безделья в тюремных стенах. Краски, плакатные перья, бумагу закупала бухгалтерия, оставалось оправдать доверие и зачёркивать прошедшие дни. А их оставалось всего три тысячи восемьсот сорок пять.

Погружение в лагерную жизнь сильно напоминало подзабытые и уже далёкие армейские будни, регламентированные правилами внутреннего распорядка, а именно: хождение строем, ежедневные проверки, осмотр внешнего вида и прочие премудрости коллективного бытия. Вот только носок сапога зеки при прохождении на плацу не тянут и честь не отдают, нет у них пока этой чести. Формальности, к которым быстро привыкаешь, встраиваются в подкорку и жить не мешают. Просто надо три тысячи восемьсот сорок пять дней вставать в 6-00, делать обязательную зарядку, ходить на завтрак, обед, ужин, проверки, само собой, на работу и в 22–00 слышать по трансляции: «Граждане осуждённые, в учреждении объявляется отбой!».

Форносовские «посиделки» несли массу сюрпризов, а, особенно, в первое время. Начну с того, что все четыре подельника оказались вместе. Вообще-то, ведомственная инструкция предписывает разбрасывать осуждённых, проходящих по одному уголовному делу, в разные исправительные учреждения. Но вышло так. И людям, не испытывающим, мягко говоря, обоюдные симпатии, пришлось коротать срок вместе. Стерпелись и даже при необходимости общались.

Я ближе всех сошёлся с нашим талантливым фармацевтом — Алексеем Алексеевичем Химиченко. Если остальных торговцев «белой смертью» я хорошо знал, то с этим персонажем познакомился на месте. Слегка рассеянный человек от науки,

прирождённый химик-практик, мне нравился. Постарше меня на десять лет, из другого социального слоя, из другой жизни, далёкой от моих приключений. За время наших долгих дискуссий я много узнал о химии, уж очень занимательно Алексей рассказывал о своём главном ремесле. С пафосом заверял, что ни в одном справочнике фенамин не упоминается, как наркотик, оттого легко согласился подработать и оказался в такой неприятной истории. Лёша со временем попал на должность парикмахера и пробыл там до отъезда на стройки народного хозяйства, что зовётся у зеков "химия". Забавно.

Остальные подельники также заняли хорошие должности: Шустер, по образованию дирижёр народных музыкальных коллективов, занял место в клубе, собрал хор, также организовал духовой оркестр. Грязнов, врач-терапевт, естественно, прописался в санчасти. Над нами подтрунивали мужики: мол, наркоторговцы по жизни блатные, всюду пристроятся…

Другой сюрприз — родительские дни! Казалось бы, совершенно не приемлемые за колючей проволокой встречи родных с заключёнными именно на территории колонии. В сопровождении контролёров и офицеров жидкая кучка испуганных гражданских ходила в отряды, столовую. Добропорядочные граждане осматривали помещения и общались с непутёвыми родственниками в зековских робах. Вскоре демократические десанты прекратились, видать, кто-то настучал. Доброго начальника заменили на исполнительного. И, как следствие, помимо строительства клуба и промышленной зоны, работящие люди стали делать разметку под «локалки» — мини-зоны, как дополнительные меры предосторожности перед двухэтажными зданиями отрядов.

Третье потрясение — торговля книгами. В учреждение приезжала книжная лавка. Доблестные книготорговцы в одночасье делали план по продажам. Издания были сплошь дорогие, в основном, — подарочные тяжёлые фолианты по живописи, архитектуре, графике и прикладному искусству. Красочные путеводители по музеям притягивали взгляд, просились в заскорузлые пальцы и манили той другой жизнью. Раскупалось всё, главный посыл к приобретению прятался в простой форме расчёта. Деньги просто списывались с лицевых счетов осуждённых, оттого были эфемерны и теряли всякую значимость. Малую часть книг удавалось передать родственникам на свободу, остальные становились закладом в азартных играх или затаскивались, а затем выбрасывались.

В то время работы было много, и дешёвые рабочие руки требовались повсеместно. Работающему осуждённому

начислялось пятьдесят процентов от заработка, вторая половина — государству. Ну, это понятно: возвращался долг за кормёжку, ночлег, охрану, расходы на следствия, суд, отчисления по исполнительному листу и много чего ещё. Оттого власть не приветствовала отказчиков, иначе, «блатных». Когда приходил новый этап, изредка находился кто-то, заявлявший отказ от зоны: мол, работать не буду, порядки администрации не поддерживаю. На «красных» зонах, а форносовская колония создавалось именно такой, ворам и прочим несознательным было не место. Администрация спешила отправить «кадры», портившие отчётность, в другие места содержания.

Первоначально, недостроенная промзона могла обеспечить работой от силы человек триста-четыреста, примерно столько и насчитывалось за колючей проволокой. Но через год кирпичные стены обрели законченный вид. Привезли станки, оборудование и закипела жизнь. Основное производство состояло из сборки и пайки телевизионных плат. Мы собирали комплектующие для завода Козицкого, выпускавшего в то время весьма популярные телевизоры «Радуга». Часть помещений предназначалось для вспомогательных работ: слесарный цех, авторемонтный бокс, мастерские для пошива сумок и обуви. На промку для меня вход до поры был заказан, и все новости я узнавал от самих ребят из нашей бригады или если ЧП какое, то от начальства на ежедневных проверках.

Да, у меня и самого работы было невпроворот: лагерная газета, молнии, роспись стендов с правилами ИТК, плакаты с противоречивыми лозунгами. Например, как вам нравится знаменитая фраза: «На свободу с чистой совестью!», то есть, пока отбываешь срок, твоя совесть не чиста, а как за ворота, ты белый и пушистый. Ну, а мне-то что, замполит приказал — я исполнил.

Появились халтуры. Несмотря на категорический запрет, наколки хотелось многим. Мне тащили какие-то дилетантские наброски: кинжалы, обмотанные колючей проволокой; розы с капающей кровью, церковные купола и прочий зековский антураж, подхваченный со слов или когда-то увиденный. Моя задача: довести фантазии до ума, сделать правильный рисунок с чёткими контурами. Я также оформлял лагерникам поздравительные открытки или исполнял большие карандашные рисунки с маленьких фоток — работа очень утомительная, перерисовывать приходилось по сетке и, даже при очень большом старании, получившийся портрет не всегда оказывался похож на оригинал.

За работу платили натурой. Приносили, в первую очередь, чай, сигареты, конфеты или другую мелочь, необходимую в

повседневной жизни. Универсальное средство платежа гуляло по зоне в пятидесяти или ста граммовых чайных пачках (контейнерах). Священнодействие по завариванию чифира — процедура, приравненная к ритуалу и обязательная для исполнения в любое время суток. Я долго привыкал к густой, почти чёрной жидкости, которую следовало пить по очереди, передавая соседу полулитровую банку со священным напитком. Первое время тошнило, затем привык, как привыкает бедолага за решёткой ко всему, выпадающему из привычной вольной жизни.

Я привык и к трупам людей, наложивших на себя руки, так и не справившихся с тяготами жёстких правил бытия, не сумевших адаптироваться в новой жизни. Я привык к периодическим жестоким дракам и побоищам из-за мелочных споров или поведения не по понятиям. Ко многому привык и многое усвоил. Человек хоть и существо высшего порядка, но, по сути, всё равно скотина, оттого поддаётся дрессировке и очень хорошо усваивает то, что от него требуется. А тех, кто не поддаётся, пытается бороться с Системой, просто ломают об колено.

Летом 1984-го года, уже после работы, когда у осуждённых по расписанию свободное время, я играл в волейбол. Тут меня вызвали в административный корпус. Прибежал к дежурному и доложился, ДПНК рявкнул, чтобы я немедленно и с вещами прибыл на вахту, в комнату краткосрочных свиданий. Во, дела! Куда-же это меня? В помещении уже собралось около десяти человек, все держали баулы с вещами и казались растерянными. «Этап»: пронеслось тревожное слово. Да, это был этап, через час подогнали автозак, дальше привычная уже процедура переклички и инструктажа караула.

Ночью я заново вдохнул запах «Крестов». Ломал голову, зачем? Пересмотр дела, доследование, что-то с родственниками? Я мысленно перебирал варианты и не находил ответа. Прошёл год срока, на зоне притёрся, пара благодарностей в личном деле, тогда что? Оказывается, я понадобился, как свидетель по делу о злоупотреблениях служебным положением, мошенничеству и растратой государственных средств. Звучало внушительно, но я-то с какого здесь боку? Всё прояснилось, когда меня дёрнули к следователю. Тут всплыла тема с фиктивной работой гардеробщиком (напомню, не денег ради, а для штампа в паспорте). Вот ведь, хитросплетение какое: судьбе было угодно отправить меня за решётку на одиннадцать лет, а вдогонку приплести и этот косяк.

Следователь подробно расспросил, кто устроил блат, получал ли я деньги по ведомости? Я как на духу отвечал, глядя в глаза менту. Мол, устроил знакомый, зовут так и так, но он уехал на

ПМЖ в Германию. Денег не получал, начальника отдела кадров видел однажды, когда увольнялся за месяц до приговора по своему делу, в ведомости не расписывался.

Милицейский чин вздохнул, не глядя на меня, бросил:

— Складно, Вадим Викторович, складно рассказываешь. Да, я другого и не ждал, ты своё уже получил и по этому делу проходишь лишь как свидетель. Да, и не один ты. Судить будут начальника отдела кадров, чтобы не обкрадывал государство! — Он посмотрел на меня и добавил. — Подтвердишь всё на суде и вернёшься к месту отбытия наказания. У меня к тебе претензий нет.

Он закурил и вызвал конвоира. Я вернулся в камеру, где, кроме меня, парился ещё один транзитный пассажир, но тому грозил пересуд и новый срок за какие-то грехи. Остальные соседи — не нюхавшие зоны малолетки, ждавшие этап. Затем возили на улицу Тобольскую, в районный суд. Присутствие в зале суда ограничилось несколькими минутами, зато в помещении временного содержания ждал сюрприз. Там я столкнулся с Лёней Майоровым, старинный приятель моему появлению был не так удивлён. И, понятно, ведь он единственный, кто ходил со мной на приговор и как-то поддерживал в те мрачные дни.

Мы разговорились, оказывается Лёня крепко «принял на грудь», что-то не поделил с женой и отдубасил её, а затем стал гонять соседей — классический пример беспримерной пьяной глупости, которой славится русский народ. У Лёньки уже была «ходка» по молодости, он не понаслышке знал зековский быт. Сейчас ждал, когда его отконвоируют в зал заседаний и решат дальнейшую судьбу.

Мы стали рассказывать друг другу о своём житьё-бытьё. Молоденький милиционер внимательно прислушивался к нашему разговору. Заметив такое внимание, я решил разыграть мента, — скучно, да и чего мне сейчас-то терять. Я подмигнул собеседнику и начал издалека.

— У нас тут такое ЧП было, не слышал?

— Нет…

— Ну, ты даёшь, кореш, слушай! Недавно подогнали с десяток пассажиров по статье за каннибализм. Пока те торчали в карантине, успели покусать отрядника и бугра. Ясный перец, закрыли их в БУР. — Лёня начал незаметно трястись от смеха, а у конвоира округлились глаза.

— Если бы только этим ограничилось. Ты представь, эти уроды-людоеды открыли камеру, набросились на цирика и сожрали!

— Так уж и сожрали? — Прервал меня Ленька.

— Представь себе. Но, и это не всё! Они вырвались на зону, а локалок нет, и давай рыскать по отрядам. Глаза красные горят, морды в крови измазаны, рычат и почти не говорят по-человечьи. Мы им орем: своих не трогайте, мы на тюремной диете, оттого невкусные. А вот менты — сладкие, их домашними пирожками откармливают.

— Вот это да! И чего дальше-то, ещё кого съели?

— А то! Выгнали их из отряда, а тут ДПНК с нарядом идёт выяснять, что случилось. А людоеды накинулись стаей. Офицера вмиг порешили и давай зубами рвать! Остальные дубаки убежали, завалить зверюг нечем, оружия в зоне не положено.

— И что?

— Вызывали спецназ, кое-как скрутили. Говорят, в «дурку» отправили…

Тут сержант не выдержал и вмешался.

— Чего-то ты не то несёшь, парень. Где такое видано, чтобы несколько людоедов беспредельничали?

— Начальник, ты что, новостей не смотришь? По телеку недавно показывали!

Тут он, конечно, мог меня подловить: в советское время жуткими новостями наш народ не баловали. Перестройка была ещё впереди, и демократический ветерок пока не дул. Мент испуганно поглядел на нас, покачал головой, поверил-таки, прикол удался! Попробуй сейчас, кого удиви, а тогда люди не были закалены тотальными бомбардировками сознания; а сейчас, чем страшнее новость, тем взахлёб она подаётся. А я, получается, развеялся и прокатился в город. Смена декораций, это маленькая отдушина в однообразном тюремном бытие.

В «Крестах» я провёл ещё месяца два. Про меня, видимо, забыли, а это уже нарушение инструкций ГУИНа. Осуждённый должен отбывать наказание в местах, определённых судом. В моём случае «крытка» стала дополнительным прессом. Тогда же я пережил открытое противостояние с одним блатным, натравившим на меня сокамерников. Если коротко, то увидел дешёвый ворюган на моей робе нитки от споротого «косяка». И попытался «кинуть предъяву», склоняя на свою сторону дурачков, не нюхавших зоны.

Тут придётся пояснить: «косяк» — это не только проступок на нынешнем новоязе. Так назывался нашивной лоскут материи, на котором белой краской написана должность зека или участие в самодеятельных организациях зоны. Они назывались секциями и организовывались в учреждениях с целью привлечь осуждённых к общественно-полезной работе. Самая ненавистная у «блатных» — СПП (секция правопорядка). В такие подбирались

стукачи, карьеристы из бывших чиновников, держиморды из военных или откровенные лизоблюды и трусы. Они следили за порядком, докладывали о нарушениях, постукивали «куму» в оперчасть и на «красных» зонах являлись основной силой, на которую опиралась администрация.

С другими «козлячьими» формированиями попроще. Носить «косяки» нейтральных секций, не задевающих напрямую честь и достоинство зоновского сообщества, не возбранялось. Я числился председателем СКМР — секции культурно-массовой работы. Не то чтобы я рвался туда, но был назначен по определению своих обязанностей, как художник зоны. В личном деле этот факт отмечен и мог в будущем повлиять на решение о моём условно досрочном освобождении (УДО). Были ещё какие-то общественные надстройки, но запомнились лишь спортивная и санитарная.

Яркое воспоминание о той «командировке» в «Кресты» оставил побег, взбудораживший не только администрацию тюрьмы, но и, в первую очередь, самих зеков. Ночью камеру разбудили и начался внеплановый шмон. Обыски повторились ещё несколько раз. На прогулку на следующий день не выводили. И лишь спустя время выяснилось, что территорию «Крестов» покинули двое осуждённых. Хитрость их плана заключалась в нестандартном подходе к «рывку» на свободу. Никто не рыл подкоп, не брал заложников. Народные умельцы склеили и раскрасили корочки адвокатских удостоверений. Переоделись поприличнее, как-то оторвались по дороге на прогулку и прошли через несколько проходных, уверенно предъявляя самодельные ксивы. За точность изложения не ручаюсь, но то, что подобный случай имел место, подтвердят многие.

На моей памяти сохранилась история ещё одного побега, но уже из автозака. Тогда подследственные аккуратно выломали пол и, пока машина стояла на светофоре, покинули душное пространство. Поймали. В личном деле каждого из подобных активистов появилась особая отметка «склонен к побегу», а учётную карточку пересекала по диагонали жирная красная полоса. Моя карточка весь срок осталась девственно чистой. Хватило ума не испытывать судьбу, хотя возможность уйти в бега имелась.

Наконец-то я вздохнул полной грудью чистый воздух «родной» колонии. Вернули меня уже с осенними дождями и слякотью. Вынужденная «командировка» принесла не только радость от смены впечатлений, а также огорчение. Моё место художника зоны оказалось занято. Мастерская, с любовью

приведённая в порядок, имела скотский вид: краски, наполовину использованные, незакрыты; отмытые в керосине кисти разбросаны и засохли. Маленький транзисторный приёмник, приобретённый за два контейнера чая и спрятанный от дотошных контролёров, бесследно исчез. Трафареты и бумага испорчены. Руководил этим безобразием долговязый каторжанин, который был весьма далёк от художественного ремесла. Возможно, в младших классах школы он имел по рисованию «четвёрку», но не больше.

Я был понижен и остался в отряде на должности дневального, но при этом занимался привычным делом — художеством. Расписывал стены в ленинской комнате, выпускал стенгазету, писал молнии, какие-то лозунги, подписывал зековские бирки, что носились на правой стороне груди, также наносил через трафарет надписи на повязки и многое другое. Мне выделили каптёрку, где образовался маленький кружок «умелые руки». Когда в отряде было всё спокойно, я выводил на бумаге эскизы тату, другой зек переносил рисунок на кожу, а третий ровнял напильником заготовку ножа-выкидухи. Все при деле, срок идёт: родная, жди, папа, с мамой не горюй!

НЛО

Есть хотелось постоянно. Несмотря на запрет, мы прятали под одежду и выносили тайком из столовой куски хлеба. Вернулась бригада в отряд и перед разводом на работу успевают сидельцы чифирнуть с ломтем черняги, густо намазанным маргарином или джемом. Это, если осталось с выписки. Если нет — не беда, хлеб и так пожевать в радость! Зоновский продуктовый ларёк гостеприимно распахивал свои двери раз в месяц. На двадцать пять рублей с лицевого счета производилась отоварка или выписка по скупому, но необходимому перечню продуктов и предметов первой необходимости. Из еды: белый хлеб, конфеты, сырки, конечно-же, чай и ещё чего по мелочи. Остальное: курево, тетрадки, ручки, мыло, зубной порошок (паста запрещена).

Для удобства сидельцы объединялись в так называемые «семьи» (не подумайте плохого): несколько человек в складчину затоваривались продуктами и в течение месяца методично их уничтожали. Ритуал поглощения пищи проходил по вечерам, после работы. В проёме между шконками накрывался газетой табурет, на нём раскладывалась нехитрая снедь, заваривался чай. Помимо ларёчного набора, в ход шли передачи из дома, сухой торт, например. В отрядах водились дефициты (кофе, твердокопченая колбаса и т. д.). Понятно, приобретённые за наличные через контролёров или мастеров. Ну, а если очень надо, то можно втихаря бухнуть винца или чего покрепче — были бы денежки. На сытый желудок интересно посмотреть цветной телевизор. Бывали интересные истории, которые за колючей проволокой приобретали особый смысл. Однажды в международной панораме показывали какой-то сюжет, снятый в Нью-Йорке. Неожиданно бывший хозяйственник взволнованно воскликнул:

— Братцы, так я там был два года назад, вот в этом кафе. Смотрите! — У ответственного работника перехватило дыхание, и он благоговейно глядя в экран, почти шёпотом закончил: — Господи, да вот же и я!

В ящике мелькнула фигура, похожая на проштрафившегося сидельца. С волною андроповских чисток в нашу колонию прибыло мотать срок немало бывших директоров, начальников всех мастей, старших офицеров (помнится, даже адмирал) и прочих государственных людишек. По первости выделялись они на фоне работяг плохо замаскированными начальственными манерами и слегка потускневшей вальяжной внешностью,

свойственной людям, не знавшим забот. Статьи, как на подбор: взятка или хищение в особо крупных размерах. Начальство их примечало, люди занимали на зоне должности старшин отрядов, нарядчиков, бригадиров. Из прошлой жизни они приносили с собой массу интересной информации и презрительную уверенность, подкреплённую невидимыми денежными ресурсами.

Иногда, к моей радости, в телевизоре появлялись музыкальные передачи и редкие ролики зарубежных исполнителей. А, вообще, каждую свободную минуту я предавался чтению газет и журналов. В этом плане никто не ограничивал, начальство поощряло зеков подписываться на продукцию СМИ. Я нашёл в своей записной книжке тех лет подписной список 1986-го года. Представьте, ни много ни мало на сто тридцать три рубля: шестнадцать журналов и три газеты! Туда зачем-то затесались «Трезвость и культура», «Политическое самообразование». Ну, ладно, это ещё понять можно, а, скажите на милость, зачем хроническому пьянице и хулигану Боре Кузьмичёву понадобилось медицинское издание «Акушерство и гинекология». Когда я робко поинтересовался у «изысканного интеллектуала» об его интересе, тот удивился моему непониманию и пояснил:

— А вдруг бабы голые попадутся!

— А что, ты без картинки с «Дунькой Кулаковой» не дружишь?

Бывший сантехник, получивший шесть лет за убийство жены, нисколько не обидевшись, ответил:

— Так, когда есть картинки, оно сподручней…

Чтение периодики существенно скрашивало лагерный быт. Но была ещё и самодеятельность. Как много лет назад, я вновь пел, правда, в лагерном хоре. Ещё немного поиграл в ансамбле, пока не появился Федя Столяров и взял это дело в свои профессиональные руки. Гитарист из первого состава «Феникса», Федя сделал карьеру музыканта сначала в «Аргонавтах» с Розенбаумом, затем успешно выступал в своей группе «Дилижанс». Но споткнулся по жизни и загремел на зону за какие-то аферы со страховкой автотранспорта. Мы много болтали о музыке, вспоминали начало карьеры в "Фениксе". Под его влиянием я снова взялся за тексты песен. Со временем Федя сколотил крепкую команду, ему подогнали с воли инструменты, и праздничные концерты уже не обходились без его выступлений с обязательной композицией «Волки» на стихи В. Солоухина:

«Мы — волки,
И нас по сравненью с собаками мало.

Под грохот двустволки
Год от году нас убывало.
Мы, как на расстреле,
На землю ложились без стона.
Но мы уцелели,
Хотя и живём вне закона».

Спустя много лет, когда я наблюдал по телевизору передачи с политическими комментариями Столярова, вспоминались выступления этого незаурядного музыканта, его проекты по возвращению. Планировалось назвать новую группу «Ва-банк». Но имя, увы, оказалось занятым московским исполнителем. Помню нашу встречу после освобождения и прослушивание будущего альбома в ленинградском рок-клубе.

Отряд выходил из столовой и строился после завтрака. На улице темно, холодно и уныло. То ли март, то ли февраль 1987-го года. По утрам настроение не самое лучшее, оттого каждый уходит в себя, на трёп нет никакого желания. И вдруг кто-то из толпы выкрикнул:

— Смотрите, что за хрень!? НЛО, что-ли? — Рука изумлённого сидельца указывала в даль.

В предрассветной полосе оранжевого небесного окоёма хаотично металось несколько беззвучных силуэтов. Традиционная форма летающих тарелок была размыта и ирреальна. Объекты бессистемно двигались на приличном расстоянии от колонии, а затем по очереди исчезли. Взбудораженная толпа загалдела.

— Становись, — скомандовал бригадир, — сеанс окончен, шагом марш!

— Сколько о них слышал, а вижу впервые, — высказался кто-то, — не иначе, что-то случится! — Затем мрачно пошутил, — инопланетяне нас искали, да видать промахнулись.

В тот год действительно произошло немало событий, существенно повлиявших на мою дальнейшую судьбу. На следующий день, когда люди выполняли производственный план на промзоне, в помещение отряда нагрянул войсковой наряд с обыском. Старший — ДПНК капитан Леднёв. Днём на втором этаже казармы тихо: дневальный, несколько пацанов с ночной смены, да я — зоновский мазила. Пока шмонали, раздался телефонный звонок: искали ДПНК. После разговора Леднёв задумался, пошарил глазами и увидев меня, бросил:

— Яловецкий, пошли со мной!

— Что случилось, гражданин капитан?

— На промке зек вздёрнулся, поможешь.

Мы прошли через КП на промзону, к строящемуся зданию гаража. У входа в подвал курили контролёр и мастер из вольных. Спустились в подвал: бедолага висел на арматурной проволоке и слегка доставал пол ногами — расстояние до потолка было небольшое.

— Покойников не боишься? Давай снимай!

— Но, гражданин капитан.

— Выполняй, осуждённый! Сегодня он — завтра ты!

От таких слов меня передёрнуло, вот ведь, сволочь! Цириков не приглашает, мараться не их дело. Пришлось вытаскивать труп из железной петли. Потом уже на плащ-палатке вчетвером вынесли тело на свет. Прибежал кум из оперчасти, стал ругаться: зачем трогали жмурика, протокол ещё не составлен.

Подавленный увиденным, я вернулся в отряд. Но ещё больше задели слова Леднёва. Бог шельму метит! Спустя некоторое время капитан перевёлся на должность начальника отряда и через год спалился на взятке. Сумма была серьёзной, завели уголовное дело и дали капитану срок. Покатил он на ментовскую зону в Нижний Тагил. Вот так служивый, следи за речью: «сегодня он — завтра ты»!

Летом я подрался. Повод пустяковый: из-за места перед телевизором. Повторяли сериал «Противостояние», многие его не видели, я в том числе, хотя до того читал роман Юлиана Семёнова в «Огоньке». Фильм начинался после ужина, но места занимали заранее и своеобразно — клали на табуретку свой головной убор (у зека он обязательно подписан, не перепутаешь). Летняя шапчонка с козырьком при мне, а зимняя шапка сторожит место для хозяина.

Вернулись с ужина, стали потихоньку рассаживаться, но моё место оказалось занятым. Шапка валялась на полу, а рядом цинично восседал малолетка. Малолетки — это молоденькие ребята, получившие срок до исполнения совершеннолетия. После восемнадцати их переводят на «взросляк». Колонии для малолетних преступников — жуткое испытание для пацанов. Постоянные побои, чудовищные понятия, о которых распространяться не буду, и жёсткий режим, калечат пацанов. Оттого они «подымаются» на взрослую зону, готовые вцепиться в горло по любому пустяку. Неокрепшая психика, настрой на отстаивание своих извращённых принципов превращает их в безжалостных волков. Вот с таким гадёнышем мне и пришлось иметь дело.

Когда тридцатишестилетний очкарик схлестнулся с пацаном, привыкшим все вопросы решать кулаками или заточкой, скоротечный мордобой длился не больше минуты. Нас растащили

как раз, когда в ленинскую комнату на шум заглянул начальник отряда старший лейтенант Константин Гаровников. Сказать по правде: я ничего не помнил, — адреналин зашкалил. Говорят, что в таких случаях память выключается.

На вечерней проверке я прятался в задних рядах и постоянно вытирал кровь, сочившуюся из пробитой губы. Сильно болела грудь, похоже, славный юноша мне что-то повредил внутри. С отрядником у меня сложились очень хорошие отношения. Перед отбоем он заглянул ко мне в каптёрку.

— Вадим, замять драку не удастся. Вынужден объявить тебе взыскание. Выбирай: могу лишить тебя краткосрочного свидания или выписки.

— Спасибо, Константин Викторович, лучше останусь без выписки, — и добавил, — мне не привыкать.

— То есть? — удивился старлей, — у тебя же до сих пор не было взысканий. И, вообще, нашёл с кем связываться. Сколько тебе и сколько малолетке!

Про выписку вырвалось случайно, в смысле, что не привыкать. Пользуясь возможностью подрабатывать художественным ремеслом и немного подкармливаться, я с некоторых пор начал продавать своё право на дополнительное питание. Делалось это так: человек давал мне список, я по нему выбирал в ларьке продукты и вручал покупателю. Тот в письме или на свиданке просил родных передать на воле деньги моей жене. Подобный шахер-махер по ту сторону колонии по цене рос в два раза, то есть отоварка оборачивалась уже пятидесятью рублями. Помочь семье — дело благое, а что таким нестандартным способам, так то вопрос совести и желания. Ведь списывать деньги с лицевого счета в пользу семьи было тогда запрещено. Какие порядки сейчас? Не знаю.

Очень болела грудь, пришлось записаться в санчасть. Женщина-врач осмотрела меня, послушала сердце и кликнула из закутка, именуемым ординаторской, «любимого» подельника — Грязнова. Лёша щупал меня, приставлял стетоскоп к сердцу. Затем лепилы негромко советовались.

— Вадим, надо сделать рентген. У нас нет аппарата, можно записать тебя на этап в Газа, — подельник уставился на меня. — Возможно, у тебя трещина или ребро сломано. В опасной близости с сердечной сумкой. Ну, что — записывать?

Областная больница имени Ф. П. Газа обслуживала весь северо-запад. В тюремное лечебное учреждение стекались сидельцы со многих зон и режимов. Особое больничное заведение строилось одновременно с «Крестами» по проекту архитектора Бенуа в 1881-м году и было уменьшенной копией «старшего

брата». Когда меня привезли туда, сходство сразу бросилось в глаза. Но запах другой, и сама атмосфера если не дышит спокойствием, то уж точно лишена тревоги. Здесь людей лечат, а не прессуют. Возможно, сказывалось соседство Александро-Невской Лавры и оно неведомым образом влияло на излечение телесных недугов, а, возможно, и душ.

Наше отделение находилось на четвёртом этаже, в крыле, образованным архитектурным крестом. Это длинный коридор с палатами по правую сторону от входа. Вход отгорожен от лестничного круга тюремной дверью с «кормушкой». Связь с медицинским персоналом только через эту дверь. Из развлечений лишь книги, газеты да радио. Плюсы: одноярусные койки и хорошее питание. Зеки передавали друг-другу ключ от ванной комнаты — давно забытой роскоши, ходили на процедуры, принимали лекарства и с удовольствием ежедневно спускались в тюремный двор на прогулку.

Эпохальное событие произошло в тот момент, когда я помогал составлять жалобу одному сидельцу с особого режима. Тогда разделения по режимам не проводилось: все больные одинаковы. Правильно, с точки зрения медицинской этики, и довольно интересно на бытовом уровне. Каторжане, имевшие за плечами несколько ходок, закалённые на пересылках и по-настоящему исповедующие тюремные понятия, делились воспоминаниями и опытом. Не давили, не навязывали свою волю, вели скромно и с достоинством. Они называли нас, первоходок, «братишками» и, если чего просили, никому в голову не приходило отказать заслуженному сидельцу, — срок в тюрьме положено уважать. С оговоркой, если статья правильная.

В тот момент в коридоре зашумели, в палату заглянул сосед и всех ошарашил:

— Братцы, скачуха! К Седьмому ноябрю Горбатый, объявил!

На человеческом языке это означало, что главой государства Горбачёвым объявлена амнистия к годовщине 70-летия Великой Октябрьской революции. Через день принесли газеты с Указом. Амнистия в жизни зека событие волнующее. Но, обычно попадают под раздачу немногие: ветераны, старики, малолетки и беременные женщины по лёгким статьям. Я помню амнистию по случаю смерти Леонида Ильича, и что? Получил на всю катушку с довеском! Но тут случай был особый!

Смысл эпохального указа от 18.06.1987 г. состоял в следующем. Если отсидел треть срока по приговору, если не имеешь нарушений и участвуешь в общественной жизни, как говорится, твердо встал на путь исправления, тогда тебе половинят оставшийся срок. То есть, сокращают

дальнейшее наказание вдвое! Я попадал под указ! Вооружившись карандашом и бумагой, стал вычислять, что мне светит. Ошеломляюще: больше трех лет! Извечная зековская привычка «нарезать круги» с заложенными за спину руками, — это про меня. Я бесконечно долго бороздил больничный коридор, наматывая километры и лихорадочно обдумывая будущую жизнь. Но ещё предстоит вернуться на зону, писать заявление, снимать взыскание и надеяться на милость властей — не ровён час, администрация учреждения завернёт, не пропустит. Я с нетерпением ждал выписки. Славу Богу, ничего серьёзного со здоровьем! Спустя месяц я, наконец, возвратился в Форносово.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Зона волновалась, многие ждали своей дальнейшей судьбы. Указ был непростой и доставил руководству колонии немало хлопот. Но его требовалось исполнять, а сроки поставили сжатые. Кажется, три месяца от даты амнистии.

Мой отрядник, Константин Гаровников, получил капитана и перевёлся на промзону в административно-производственный корпус. Я уже писал о нормальных человеческих отношениях офицера пенитенциарной системы и рядового зека, явление это частое и вполне закономерное. В конце концов, первоходки — не потерянные люди, в основной своей массе сохраняющие нормальные человеческие качества и мечтающие вернуться к вольной жизни. Условия несвободы накладывают отпечаток на оступившихся, но редко захватывают и превращают их в потенциальных рецидивистов. Сотрудники учреждений в своей работе опираются на профессиональные знания и навыки бывших инженеров, руководителей, специалистов. По большому счёту, и сам начальник также проводит срок службы за колючей проволокой вместе с подчинённым. Что им делить при условии обоюдовыгодного сотрудничества?

Короче, Гаровников потянул меня за собой. Я был оформлен дневальным штаба производства или, на местном языке, — шнырём. На третьем этаже выделили помещение под техническую библиотеку и поставили меня, типа, главным. Новые обязанности здорово захватили. Во-первых, я проводил время не в отрядной каптёрке, а среди офицеров системы исполнения наказаний и вольнонаёмных, среди которых были и женщины. Во-вторых, я носил повязку с надписью: «Дневальный штаба», заменяющую пропуск для прохода через внутренний пост на территорию промзоны. В-третьих, я обретал независимость и теперь вправе распоряжаться своим временем. Кроме того, по договорённости со старшим нарядчиком я не выходил на вечерние проверки, меня отмечали на рабочем месте. Картина напоминала мне далёкие деньки армейской блатной жизни при штабе полка.

Для начала я сделал в помещении косметический ремонт, затем заказал у слесарей металлические стеллажи и покрасил их. Далее загрузил полки нормативными актами, технологическими картами, сборниками ГОСТ и прочим хламом. Повесил на дверь табличку: «Техническая библиотека. Ответственный к-н Гаровников». Поставил себе стол, врезал замок и стал кайфовать.

Незадолго до моего перевода земляк Сережа Каплуновский научил меня переплетать книги. Надо сказать, что навык весьма

полезный, особенно в то время. К 1987-му году в стране объявили перестройку, и на страницы газет, журналов и книг выплеснулось огромное количество публикаций, сдерживаемых до того цензурой. Прежде всего, это коснулось запрещённых произведений русских и зарубежных писателей. Стал меняться взгляд на политическую историю Советского Союза. Набирала обороты бандитско-криминальная тема, эротика и т. д. Большинство читало периодику взахлёб. Огромное количество выписываемых изданий СМИ скапливалось по мере возрастающего интереса. Но хранить большой объём журналов стало невозможно, оттого пытливые читатели вырывали страницы с самыми интересными материалами, а это требовало какого-то оформления. Вот тут и стал всех выручать сначала Каплуновский, а затем втянулся и я. Изготовление конволютов (сборник различных печатных материалов) и реставрация книг превратились не только в интересное занятие, но и в неплохой бизнес. Но об этом позже. А пока в начальной стадии моей деятельности на новом рабочем месте пришлось овладеть ещё одной профессией — машинистки. То есть, работать на пишущей машинке, печатая служебные бумаги от приказов до сводных таблиц производственных планов.

Возможно, в штатном расписании учреждения и была должность машинистки, но зачем тратить бюджетные деньги, когда из пестрой массы осуждённых всегда можно выбрать человечка для подобных обязанностей. До меня стучал по клавишам другой зек, но он ушёл на «химию», и место по совместительству перешло мне. Единственная сложность — постоянная правка ошибок, вечно возникавших от невнимательности и быстрой работы. Приходилось держать под рукой лезвие и мазилку, с их помощью удалять опечатки, а в отдельных случаях элементарно перепечатывать всё заново. Вот бы в то время компьютер с вордовской программой и принтер…

Между тем комиссия по исполнению «Указа ПВС СССР от 18.06.87 г.» работала в полном режиме. На то время в колонии уже насчитывалось порядка восьмисот человек, из них треть попадала под сокращения сроков. В середине августа рассмотрели и моё заявление. На основании характеристики и поощрений в личном деле комиссия не нашла оснований отказать осуждённому Яловецкому В.В. Постановлением от 15.08.87 г. оставшийся срок был сокращён на три года шесть месяцев и два дня! Вот он, момент истины, пусть не по признанию суда, а волевым решением сверху, но справедливость коснулась меня и подельников. Как я должен относиться после этого к всеми ругаемому Михаилу Сергеевичу

Горбачёву? Конечно-же, как к спасителю, царю-батюшке, скостившему срок на три с половиной года. Он совершил благое дело для десятков тысяч сидельцев нашей страны. За что ему низкий поклон.

Первое, что я сделал когда вернулся в отряд, это схватил ручку и стал лихорадочно высчитывать срок для подачи заявления на УДО. Получалось — февраль 1989-го, и при таком раскладе сидеть оставалось всего полтора года. Правда, с нашей зоны отправляли на условно-досрочное с большим скрипом. На «химию» — запросто, а вот по УДО освобождались считанные единицы. Мог ли я знать, что до заветной даты произойдёт непредвиденное событие, неожиданным образом повлиявшее на дальнейший исход моей «командировки».

В день, когда комиссия закончила свою работу, на вечерней проверке были объявлены результаты амнистии в нашей отдельно взятой колонии. Хозяин с трибуны выразил уверенность «от лица администрации и себя лично в том, что осуждённые, ставшие на путь исправления, оценят проявленную к ним заботу государства. Приложат все силы к скорейшему возвращению в общество…». Подобные пожелания казённые люди произносят почти постоянно, чаще всего на политинформациях. Мели Емеля — твоя неделя! С нас не убудет.

Заиграл оркестр, серые колышущиеся массы осуждённых решительно двинулись в казармы. В отрядах началось традиционное чефиропитие под скудный дополнительный паёк. Кто-то выпил чего покрепче. Завязались разговоры — «тёрки».

— И чего, блин, такая непруха. И косяками обвешался, и пахал за двоих, — сокрушался невзрачный мужичок, не прошедший по каким-то причинам комиссию. — Суки, чего им ещё надо?!

По тону и виду сидельца стало ясно, что тот принял алкоголь. Стенания, подогретые некачественным портвейном, действовали на нервы. В разговор вмешался зек из его же бригады, как раз успешно прошедший процедуру снижения срока.

— Оттого, что статья у тебя, Коля, неправильная.

— Это, в каком смысле? — напрягся мужичок.

— Так ведь, ты — насильник, спец по «мохнатым сейфам». Был бы пункт «изнасилование крупного рогатого скота» — точно комиссию бы прошёл! Или, на крайняк, «угон космического корабля», — этих тоже не задерживают!

Казарма огласилась безудержным смехом. Не до веселья было только объекту насмешки. Оскорбленный Коля подался вперёд и, сжав кулаки, процедил:

— Не тебе, мерин трелёвочный, языком молоть. Вспомни, за

что жену отоварил? У соседа небось, прибор круче, не чета твоему…

И фраза, брошенная наугад просто так, лишь для того, чтобы не уронить своё достоинство, попала в точку.

— Что ты сказал, сблёвок морковный?!

— А что слышал! Фильтруй базар, мохнорылый! Враз на место поставлю!

— Да, я тебе…

Мгновенье, и два разъярённых мужика кинулись друг на друга. Драка получилась знатной. Затем последовал штрафной изолятор. Зачинщику срочно завернули действие амнистии. Вот и пошутил, умник! Следил бы за словами и радовался снижению срока! Здесь тюрьма, а не беззаботные кухонные посиделки.

Зона хоть и напоминает армию, но разнится пестротой спецконтингента, разбросу по возрасту и задачами, стоящими перед осуждёнными. А какие колоритные фигуры встречались среди массы уголовников, растворённых в разношёрстном коллективе. Условно его можно поделить на четыре части: бытовики, вояки, хозяйственники и криминальный элемент. Политических я не встречал, если верить набирающим силу средствам массовой информации, узники воли были раскиданы по психушкам или лагерям, подальше от больших городов.

Бытовики — самая массовая формация, как правило, жертвы алкоголя, собственной глупости и малодушия. У меня завязались хорошие отношения с двумя душегубами Игорем Густовым и Лешей Блиновым. Первый подрался на улице, в запале схватил булыжник и треснул обидчика по башке. Второй по пьянке разбил табуретку о голову вредной супруги. Две души отправились на небо, а виновники в Форносово с одинаковыми сроками в шесть лет. Простые, средне статические граждане искренне сокрушались о случившемся и несли свой крест до конца. В установленный законом срок оба отправились на стройки народного хозяйства, вышли на волю. Блинов по переписке познакомился с пожилой дамой, на свободе сошёлся с ней и женился. Я помню эту свадьбу, поскольку был на ней свидетелем в 90-м году. Несколько лет мы поддерживали приятельские отношения. У меня создалось впечатление, что люди счастливы, и всё плохое позади. А вот «Густик» долго не мог определиться в новых условиях. Я помог ему с работой и пристроил в кафе, где Игорёк сошёлся с буфетчицей. У них завязались отношения, затем появился ребёнок. Но что-то не срослось, девушка взбрыкнула и неожиданно для всех уехала на ПМЖ в Америку, естественно, забрав ребёнка. Игорь запил и в

пьяном угаре повесился.

Вояки, бывшие военнослужащие, в подавляющем большинстве, кадровые офицеры советской армии. Мне запомнился Лёня Гурский. Красавец мужчина атлетического сложения, не пропускавший ни дня без тренажёров. В привычной для себя жизни он командовал полком, но вместе с начальником штаба майором Працюком погрел руки на государственном имуществе, замечу — довольно распространённое преступление в военной среде. У администрации колонии если не дружеское отношение к людям, носившим погоны, то очень лояльное. Властный, жёсткий Гурский, прирождённый командир, немедленно занял должность старшины отряда, а его подельник стал председателем секции правопорядка колонии. Бывшие старшие офицеры в непростой для себя лагерной жизни нашли себя по роду деятельности и легко адаптировались к новым должностям. Я общался с ними часто, ведь был в одном отряде, подчинялся старшине и его помощнику. Иногда конфликтовали, но это ничего. Сейчас бы с удовольствием пожал Гурскому руку.

Другой сиделец из славной когорты вооруженных сил подполковник Черпаков. Этот деятель служил на хозяйственной должности в одном учреждении, известном всем ленинградцам. Фигурой и лицом своим напоминал вредного персонажа из мультика «Тайна третьей планеты» по имени Глот. Полный антипод полковнику Гурскому, товарищ Черпаков оставил далеко позади культуриста-старшину по размаху деяний в области хищений и взяток. Тучного, одутловатого, с красным лицом подполковника зеки любили подразнить. Больной человек заводился и вступал в перебранку с острословами. К пущему удовольствию окружающих он грозился призвать насмешников к ответу и разобраться со всеми по очереди. Получалось не убедительно и очень забавно: никто хапугу не жалел. Жалость не лучший помощник за колючей проволокой!

О хозяйственниках я уже писал. Умные и вполне достойные люди, подчинявшиеся на воле неписаным законам чиновничьего бытия. Андроповская чистка многих выдернула из насиженных мест. Статья 93 прим. УК РСФСР, предусматривала высшую меру. Кто не попал под расстрел, рассеялись по зонам нашей необъятной родины.

Наконец, главная составляющая российского криминального мира: многочисленные разбойники, грабители, наркоторговцы, спекулянты, воры, мошенники, кидалы и прочая нечисть. Зачастую по телевизору показывали репортажи о громких уголовных делах. Например, вся зона посмотрела резонансное

дело продавцов комиссионного магазина «Апраксин Двор». А через месяц-другой персонажи криминальных сюжетов прибыли к нам отбывать срок, существенно отредактировав официальную версию следствия и телевизионного комментатора.

Мне довелось общаться с уникальным человеком — Савелием Щедринским. Сава ведал в колонии подпиской и распределением корреспонденции. Мешки с периодикой по описи раскладывались на увесистые пачки, затем я и другие «почтальоны» забирали желанный груз и несли в отряд, где по своим спискам выкладывали на койки осуждённых. Пришёл усталый зек с работы в казарму, а под подушкой лежат свежие журналы, газеты, да ещё и письмо из дому, — праздник!

Так вот, появляясь в каптёрке у Щедринского, общаясь с немолодым, энергичным, дёрганным человеком, я не подозревал, что имею дело с подпольным питерским миллионером. Всё прояснилось, когда в одном из толстых журналов был опубликован судебный очерк «Фаберже просит защиты». Это было уникальное дело об изготовлении и сбыте фальшивых изделий Карла Фаберже, где одну из ключевых ролей занимал наш Сава. Жадный и тщеславный Щедринский не тяготился подобной известностью и с гордостью заявлял, что масштабы деятельности от его союза с главным фигурантом Монастырским даже приуменьшили. В подробности, естественно, не вдавался, но не скрывал, как после отсидки купит яхту и махнёт куда подальше. Из-за склочного характера теневого богача не любили, но уважали. Это вам не мелочь тырить по карманам — масштаб!

Я искал музыкальных единомышленников. Окружавшие меня люди оказались далеки от глубокого погружения в чужую музыкальную культуру: «по барабану твой рок, братишка, главное, чтобы хавка была и начальник не прессовал». Восполнять пробелы о жизни и деятельности любимых исполнителей я мог лишь из скудных заметок в газете «Смена» журналиста Михаила Садчикова и «Рок-энциклопедии» Сергея Кастальского, молодёжного издания «Ровесник». Позже, в 1989-м году появилось переводная энциклопедия в журнале «В мире книг». С началом перестройки рок-движение переставало быть запретной темой — ограничения на западный музон окончательно сняли. Это радовало и вселяло надежду. По телеку стали мелькать клипы и фрагменты выступлений музыкальных групп. Какие-то новости я получал из писем знакомых, но ни слова о деятельности общества коллекционеров и нелегальных тусовках.

Однажды в клубе, где я был на репетиции ансамбля Феди Столярова, зазвучала запись очень знакомой группы. Точно, ранее не слышанной. Я кинулся к магнитофону и стал наводить

справки. Оказалось, на воле была сделана копия с выпущенного в СССР лицензионного альбома британской группы «The Moody Blues». Диск «The Other Sides Of Life» издала наша Мелодия в 1988 году. Я был в тот момент счастлив. Ещё до моей подсидки в стране стали выходить лицензии «Юрайя Хип», «Мэнфред Мэнн», «Битлз», «Аббы» и ряд других, моментально становившихся дефицитом. Мы, коллекционеры, относились к этому снисходительно: никакая лицензия не могла сравниться с оригиналом по качеству полиграфии и, в первую очередь, виниловой основы, от которой зависела чистота звучания. Главное, что процесс легализации пошёл, рок стал выходить из тени.

Всё-таки я познакомился с человеком, знавшим рок и даже игравшим в самодеятельной группе. Это был Володя Дранкин — «Дракон». Какое-то время он вёл партию бас-гитары в колонистском ВИА, немало переслушал настоящего рока и вынашивал планы продолжить карьеру музыканта после отбытия срока. Дракон принадлежал к формации, из которой в недалёком будущем появились реальные братки, именуемые в народе «бандитами». Володя работал в швейной мастерской — швейке. По возможности я спускался из штаба производства в их помещение на перекур. Показывал Володе свои тексты, мы болтали о музыке и сплетничали. По освобождению не раз встречались. Я бывал у него дома на Московском проспекте, он приезжал ко мне на работу. Музыка отошла на второй план, каждый устраивал свою жизнь, затем мы потерялись. Ходили слухи, что Дракон в какой-то группировке, затем якобы тянул новый срок.

Слесаря, за пару пачек чая, изготовили универсальный пресс по моим наброскам. Реставрацию книг и изготовление конвалютов поставили на поток. Моему набору приспособлений и расходных материалов могла позавидовать любая переплётная мастерская. Острые, как бритва, ножи-косяки; клей резиновый, клей ПВА, суровые нитки, почтовая бумага, картон, коленкор и разноцветная искусственная кожа. Гаровников, да, и не только он, старались, чтобы не было простоев.

Офицеры, прослышав про мои навыки, тащили в техническую библиотеку массу книг, журналов, вырванных страниц и прочей макулатуры. Брать с них деньги нельзя, а вот чаёк или какую-нибудь мелочь — запросто. Что-то я, конечно, делал и для своих, кому задаром в счёт будущих услуг, кому за тот же чай. Большую часть «платёжного средства» я обращал в деньги и, по описанному ранее способу, отправлял в семью. Подлинные купюры тоже попадали в руки, я их прятал в тайнике. А ведь сколько раз

контролёры обыскивали библиотеку, нутром чувствуя, что этот резвый деятель чего-то прячет. Фиг вам, ребята! Ничего не нашли! Опытный зек всегда найдёт укромное местечко от чужих глаз.

У меня появилась ещё одна тайна — телефон с выходом на город. В небольшой комнатке, примыкавшей к приёмной начальства, я работал на печатной машинке. Там же висел распределительный щиток с шинами коммутации АЗС. Мне было достаточно снять навесной замочек со шкафчика и перебросить контакт телефона в кабинете главного инженера с местной на городскую линию. Оставалось проникнуть в скромные апартаменты майора Тарасенко, где на рабочем столе стоял телефонный аппарат, набрать код города и выходить на связь.

Будучи дневальным штаба, мне приходилось иногда исполнять прямые обязанности шныря — мыть коридор с лестничной площадкой. Делать я мог это только в вечернее время, когда начальство уходило с работы. И вот именно тогда я, побросав в коридоре ведро и швабру, прошмыгивал в заветную каморку, далее в кабинет.

Зоновские «специалисты» изготовили мне ключик, после чего отпереть дверной замок не составляло труда. В кабинете я вальяжно рассаживался в кресле и звонил жене, друзьям, а также родственникам узкого круга осуждённых, посвящённых в мою тайну. В кабинете стоял большой цветной телевизор, и было бы глупо не воспользоваться возможностью его включить. Для конспирации задёргивал шторы, чтобы с улицы не видели отсветов в окне. Так что, первые выпуски легендарного «Взгляда», молчановские «До и после полуночи» и другие яркие новаторские программы смотрел, не отрывая глаз. На каком-то этапе я расслабился и совсем потерял страх. Но, на то и щука в реке, чтоб карась не дремал! То, что должно было случится — произошло. Во время очередного сеанса в одном из кабинетов кто-то снял трубку, и меня услышали! Грубый голос приказал немедленно отключиться, что я и без подсказки сделал молниеносно. Кинулся в закуток, лихорадочно перебросил контакты и закрыл на ключ замок щитка. В коридоре раздались шаги, в дверь загрохотали. Когда я отомкнул дверь, то увидел на пороге ДПНК капитана Дробязко.

— Это ты болтал по телефону?

— Нет, гражданин капитан, я тут документы перепечатывал, срочно просили на завтра.

— Ладно, топай в отряд, завтра разберёмся!

Я, как побитая собака, поплёлся в отряд, прекрасно понимая, что моя самодеятельность с рук не сойдёт. Не ахти какой

проступок, но, если дежурный доложит о происшествии начальству, меня на тёплом месте не оставят. Не оправдал доверие, подставил Гаровникова и усложнил себе жизнь.

Взысканий не было, меня просто перевели в рабочую бригаду — вход в техническую библиотеку стал заказан. В одночасье я из блатных превратился в рядового зека. И никого не интересовали прежние добродетели: умение печатать на машинке, переплетать книги и заслуги на художественном поприще. Гаровников, возможно, и сожалел, я ловил его укоризненные взгляды, но начальник сделать ничего не мог: больно нежелательной фигурой я стал. Дёрнули в оперчасть, допросили. Кум понимающе кивал, когда я отбрехивался от обвинений в незаконных телефонных разговорах. Не виноват — и всё! Мой случай особый, выпадающий из списка традиционных нарушений режима. Таких, как драки, пьянство или владение запрещёнными предметами. Пока что убрали провинившегося подальше от соблазнов. Но начальству подвернулся случай поквитаться со мной, и об этом чуть позже.

В бригаде я занимался распайкой плат. На тот момент у меня уже был аттестат монтажника радиоаппаратуры и приборов. С отличием. Это моя четвёртая специальность, полученная уже в стенах колонии. А третья профессия, о которой я как-то забыл упомянуть, — бармен. Получил я её в вечерней группе при училище № 131 на следующий год после памятного олимпийского выпуска. Особо напрягаться не пришлось, ведь программа очень похожа, лишь новая дисциплина — техническое приготовление коктейлей, да ряд особенностей ремесла буфетчика. Сейчас можно с гордостью заявить, что я закончил четыре технических колледжа (в советское время название ПТУ звучало как-то убого), и являюсь специалистом широкого профиля. Аж, гордость берёт!

Нет худа без добра — свободного времени стало гораздо больше. Я с головой окунулся в чтение. Особенно зацепили два трагических произведения Разгона и Жигулина. Автобиографическая проза обоих посвящена сталинским репрессиям. Писатель, критик и правозащитник Лев Разгон провёл в лагерях семнадцать лет. Поэт и прозаик Анатолий Жигулин попал под «молотки» в 1950-м и отсидел четыре года. В первом случае выпускник педагогического института, член партии, некоторое время работавший в НКВД, стал классической жертвой политических репрессий. А вот Жигулин ещё в школе примкнул к «Коммунистической партии молодёжи» — подпольной организации, целью которой молодые люди видели борьбу за возврат советского государства к «ленинским

принципам».

Мне было, что сравнивать в каторжной, организованной на вымирание жизни заключённых ГУЛАГа и нынешним существованием сидельцев не самого плохого периода горбачёвского правления. Читая о чудовищных испытаниях и беспределе тех лет, ловил себя на мысли, как хорошо, что не загремел за решётку в то время. Внезапно вспомнил своего деда и его фотографию пятидесятых в форме капитана МВД. Дед воевал в гражданскую в составе конной армии Будённого, служил в НКВД на Украине. В 1938-м был арестован и, к счастью, через полгода реабилитирован за отсутствием состава преступления. В конце войны служил комендантом какого-то немецкого города. Дед сильно сдал после закрытого доклада Хрущёва в феврале 1956-го. Слухи о разоблачении культа личности распространились быстро и обсуждались в партийных ячейках страны. Коммунист со стажем свыше тридцати лет, дед не мог не знать о тех событиях. Он сгорел за полтора года — инфаркт.

Я помню, как меня, испуганного и притихшего, подводили к кушетке, на которой лежал человек с восковым лицом, а рядом — кислородная подушка, как символ приближающейся неотвратимой развязки. Его слабое прикосновение к моей голове и беззвучные слова. Что он мне тогда пытался передать, я никогда не узнаю, как не узнаю, участвовал ли он в репрессиях или нет… Может, я несу тюремный крест не только за свои грехи? Подобные мысли роились в голове, не давая покоя. Я пообещал себе выяснить у тётушки, родной сестры деда, все подробности его непростой биографии. Увы, не успел: в том же году не стало моей любимицы, незабвенной Яловецкой Марии Моисеевны. Судьба уберегла от позора за меня и мать, и бабушку с дядей: все они оставили этот мир незадолго до моего падения. Что это, неужели, промысел Божий?

Через месяц повторилась история четырёхлетней давности: вновь вызов в комнату свиданий, вновь группа настороженных зеков. Затем из отряда принесли наши баулы. Прошло несколько часов бесконечного курения и томительного ожидания, все начали волноваться: что происходит? Во внутренний дворик собралось начальство и что-то обсуждало. Лагерь жил своей жизнью, от решётки предзонника контролёры отгоняли любопытных зеков, никто ничего не мог понять. Когда въехал автозак, стало ясно — этап!

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЕВРОПЫ В АЗИЮ

Нас построили. Вышел замполит и скороговоркой выпалил:

— Граждане осуждённые, вас переводят в другую колонию. Просьба соблюдать спокойствие и не препятствовать действиям службы сопровождения во время этапа, — он повернулся к начальнику караула, — командуйте, капитан!

Дальше уже всё знакомо: инструктаж, погрузка, движение в сторону города, а там по ночным улицам к грузовой платформе одного из питерских вокзалов. Бесконечный этап через пол-России, растянулся на неделю. От нечего делать достал тетрадь и стал записывать:

«Уже унеслось пол-России назад,
А наш спецвагон всё в пути.
Усталость и скука на лицах солдат,
Такую им службу нести.

За сутки три раза сведут в туалет,
Паёк: хлеб, тушёнка да сахар.
Ажурность решёток, заманчивый свет,
Никто здесь не охал, не ахал.

Не мылись шесть дней, говорю:
Не беда, кому-то ведь это нужно.
И в камере тесной себя не корю,
Ведь этот вояж мной заслужен

Спасибо инструкции — можно читать,
Другое стоит под запретом -
Курить одному, не шуметь, не играть,
А надо писать мне об этом?

Пусть тот обыватель, что злобно шипит
И требует зековской крови,
Узнает, как кружка о зубы стучит
Под грозные крики конвоя

В расчёте на шесть человек купе,
Но едут одиннадцать лиц.
И катит по нашей несчастной земле
Этап из таких колесниц.

В вагоне особом, где спецконтингент
Под грохот колёс задремал,
Я жизни неведомой робкий студент,
Науку страдать познавал…»

Столыпинский вагон двигался по российским просторам целенаправленно, оставляя позади транзитные тюрьмы, смены караула и долгие стоянки в ожидании попутного состава. Я сразу обратил внимание, что десятка два сидельцев явно выпадали из категории твёрдо вставших на путь исправления. Другими словами, создавалось впечатление, что с форносовсого ИТУ усиленного режима, специально собрали всех нарушителей режима. Балласт, портивший показатели колонии в деле перевоспитания оступившихся граждан.

Дорога, длиной более четырёх тысяч километров, закончилась в городе Рубцовске Алтайского края. На новом месте состоялась процедура знакомства с администрацией. И, первое, что мы узнали о новой колонии, — она «красная». Как и много лет назад доклад начальнику колонии, ответы на вопросы, распределение по отрядам. Несколько особо ретивых заявили отказ от зоны. Этих равнодушно отправили в ШИЗО, такие случаи бывают и не являются чем-то особым. «Гнёт пальцы», значит, считает себя воровской мастью и это личное дело сидельца. Сначала помаринуют смутьяна на «кичмане», затем оказией попадёт на «черную» зону.

Рубцовск, город, исторически сложившийся и получивший развитие во время Великой Отечественной войны на базе предприятий, эвакуированных из европейской части России. Промышленность представлена несколькими крупными объектами, среди которых сталелитейный завод. К нему примыкали четыре колонии: полный спектр режимов, от общего до особого. Наш «усилок», учреждение УБ 14/5, не чета форносовскому «санаторию». Тут традиции, идущие от сталинского ГУЛАГа. И народ особый — сибиряки. Немногословные, основательные и суровые.

Тут я сделаю неожиданное отступление. Спустя четыре года ко мне за барную стойку взгромоздился сильно нетрезвый гражданин. Я обомлел: передо мной, слегка покачиваясь, сидел майор Воронцов — зоновский кум или по-уставному «заместитель начальника по оперативной работе». Опер был сильно нетрезв. Я намекнул посетителю, что, возможно, ему хватит. Майор долго всматривался в меня и чётко произнёс:

— Наливай! — И после пьяной паузы. — Зону топтал?

— Был такой грех.

— Не в Форносово ли? Твоя фамилия — Яблонский? Валера?

— Нет, мама по другому звала.

— Понял, не хочешь говорить — не надо. Наливай! — Привычно скомандовал майор.

После полтинника коньяка, кум продолжал домогаться:

— Точно, Яблонский, я ведь помню…

— Нет, начальник, Яловецкий я. Тот самый, которого администрация выслала к чёрту на куличики. Вспомнили? Я на промке в производственном корпусе дневалил, книги переплетал, на машинке печатал.

— Ну, да, точно. Был такой. Значит, откинулся, сколько же прошло, года четыре или пять? — Затем продолжил. — Этап помню. Спецэтап! Приказом чистили зоны, готовилась реформа. Мусор распихивали по дальнякам. Тебе понятно? Кому нужен такой работяга? Ведь ты-же крутился среди вольняшек, много знал. По телефону болтал, непорядок. Убрали подальше, сам же виноват. Какие обиды?

Вот и ответы на все вопросы. То, о чём я догадывался, подтвердилось и, вот, нашло объяснение со слов надзирателя. Я налил служивому ещё, затем выяснилось, что попёрли офицера на досрочный отдых за какие-то грехи. Уж, не сомневаюсь, у такого сорта людей, грехов всегда в избытке.

В далёком Рубцовске я попал в столярный цех сталелитейного завода. Этому способствовало личное дело и собеседование при распределении. Мои навыки по дереву вновь стали востребованы. Впрочем, как и художественные. Плюс общественная нагрузка председателя СКМР. Надо было зарабатывать право на условно-досрочное освобождение. А до этой даты оставалось восемь месяцев.

Лето 1988-го выдалось жаркое, но не влажное, как у нас под Ленинградом. Здесь юг Алтайского края, до границы с Казахстаном несколько десятков километров, а ниже бескрайние степи. Резко-континентальный климат питерским пришёлся по душе. Одноэтажная казарма была старая, но ухоженная усилиями обитателей. Такие удобства цивилизации, как горячая вода и туалет в помещении отсутствовали. Стандартная локалка, где по утрам под транслируемую музыку делали зарядку. Завтрак состоял из супа и пшеничного хлеба, нам объяснили: здесь так принято. Непривычный уклад понравился. Развод на работу: карточки, перекличка и движение километра за полтора по огороженному коридору на промзону, где высилась мрачная громада завода. Тут никаких сравнений с игрушечной форносовской ИТК — всё монументально, внушительно и

масштабно.

В столярке хороший станочный парк. Бригадир, быстро разобравшись, что я волоку в деле и со станками запросто, утвердил меня в должности столяра и закрывал мне наряды, как опытному работнику. Это семьдесят-восемьдесят рублей чистыми на лицевой счёт. На обед ходили в заводскую столовую через доменный цех, где в дыму и грохоте метались чёрные фигурки. По цеху важно двигались огромные ковши с раскаленным металлом и в нужном месте опрокидывались, изливаясь оранжево-малиновыми струями. По лестницам и переходам я попадал в формовку, здесь чумазые зеки выполняли свою каторжную работу: ворочали опоки, гремя цепями подъёмников, выдёргивали из земельной формы отливки, катали тележки с заготовками, что-то орали. Грязь, чад — , в общем, ад какой-то! Позже я выяснил, что на таком производстве осуждённые здоровья, конечно, не прибавляют, зато кладут на лицевые счета по триста рублей в месяц.

Мне же приходилось работать с сибирской лиственницей — тяжёлой древесиной, не поддающейся гниению и тонущей в воде. Для меня, надо сказать, материал непривычный, у нас в Европе больше сосна да ель. Здесь, конечно, и эти породы водились и использовались. Например, для изготовления гробов. Вот, чего никогда не собирал, так это «деревянные бушлаты»! Искусству меня учил старый дедок, владевший столярным ремеслом в совершенстве, не любивший станков и предпочитающий всё делать вручную. Сидеть тому оставалось чуть-чуть. У него имелись шаблоны из алюминия, с помощью которых дед легко размечал непростую форму шестиугольного изделия, узкого в ногах и расширяющегося к изголовью. Если домина совсем простая — то для сидельцев, а обитая кумачом — вольным жмурикам. Заказы шли постоянно, увозил гробы один и тот же шоферюга, иногда подкидывавший за работу чай или сигареты. По освобождению вредный старичок-гробоваятель забрал с собой или отдал кому-то бесценные шаблоны.

Основная работа: распил дерева, затем обработка на рейсмусе, а дальше под заказ изготовление шпунтованной половой доски, вагонки, бруса и массы других нужных деревянных полуфабрикатов. Нас задействовали на разгрузку древесины, тогда вручную укладывали тяжеленые доски в сушилку. Иногда совсем не везло: всю бригаду кидали на вагоны с цементом, лучше не вспоминать.

Радость ждала на втором этаже в бане, где можно было, наконец, смыть грязь и налёт заводской копоти. Баня с парилкой и душевая оказались знатные. Не одно поколение зеков

пользовалось и благодарило неизвестных братков, что создали это чудо. Вот только пива не хватало…

Возвращались в лагерь под музыку. Здесь эта традиция, работать под аккомпанемент, очень сильна. Трансляция постоянно взбадривала народ чудовищными российскими шлягерами типа «Жёлтые тюльпаны» безголосой девочки по фамилии Порывай или жалостливой песенкой «Белые розы» от сироток из «Ласкового мая». По мне, лучше что-нибудь из мозгодробящих боевиков «Led Zeppelin», чтоб встряхнуть романтичных малолеток по ту сторону колючки и показать алтайским аборигенам настоящий драйв. Да, кому она тут нужна, моя музыка. Здесь люди замкнутые, суровые, бесконечно наивные и очень жестокие. Алтайский зек умеет, не перебивая слушать, не сваливаться в склоки, он далек от европейской вальяжности и не поддерживает «умных тёрок» (разговоров). Сибирские корни дают себя знать и накладывают отпечаток на образ жизни. Старая арестантская заповедь «не верь, не бойся, не проси», получившая вторую жизнь благодаря Солженицыну и Шаламову, — кредо местного спецконтингента. Вот несколько историй, на мой взгляд, подтверждающих вышесказанное.

Два зека что-то не поделили. Ни криков, ни угроз, хватания за грудки или жёсткой сшибки.

— Забухни, чучело стрёмное!

— Да, пошёл ты на… Козёл!

— Всё сказал?

— Всё!

— Ладно…

Тихо поговорили и разошлись. Вечером один из них достал пронесённую с промзоны заточку, подошёл к обидчику и обыденно, словно делал это каждый день, воткнул стальной стержень тому в живот. Мужик, что днём неосторожно послал туда, куда на зоне посылать не следует, да ещё и припечатал словом «козёл», завалился на пол. Побелевшими губами успел сказать:

— С меня должок, с-с-сука…

Владелец заточки не спеша направился в курилку, на ходу бросив дневальному:

— Зови мусоров.

Войсковой наряд забрал обоих: одного в санчасть, второго в ШИЗО.

А вот случай, когда пришлось поучаствовать мне. С нашим этапом прибыл один забавный пассажир по кличке «Лётчик». Здоровенный краснощёкий дядина под тридцатник, ещё в Форносово начал необычные игры — представлялся командиром

авиалайнера. Клеил на плечи погоны с лычками гражданской авиации, махал руками, семенил ногами, изображая разбег самолёта. Сопровождалось это звуками работающего реактивного двигателя и бессвязными командами: «полный форсаж, шасси убрать, закрылки прочь, выходим на курс» и т. д. Очень колоритный персонаж! Кстати, строки одной песни я посвятил ему:

«Олигофрен не виноват
За свой отсутствующий взгляд,
За скудный ум и кругозор,
За бестолковый разговор…»

«Лётчика» дважды возили в на освидетельствование в больницу Газа. Оба раза он возвращался притихший и бледный после проведённых процедур. Медицина однозначно твердила: психически здоров. После чего парень возвращался в бригаду и нормально работал до следующего рецидива. Когда стало ясно, что «Лётчик» элементарно косит под дурака (а, может, и нет), на него перестали обращать внимание, — в каждой избушке свои погремушки. По приезду в ИТК Рубцовска, «полёты» начались заново, землячок решил испытать свои таланты в новой обстановке. Местные дико косились на «блаженного». Во время очередного спектакля я не выдержал:

— Мужики, не обращайте внимания. «Лётчик» ваньку валяет, — затем к придурку, — ты бы не позорил нас питерских перед алтайской братвой. Не надо!

«Лётчик» насупился и буркнул:

— По мне, так все едины: что питерские, что алтайские. Клал я на тебя и новых друзей с прибором! Тоже мне указчик!

Я дёрнулся, но меня остановил бригадир:

— Осядь, сами разберёмся.

Лихого питерского летуна на следующий день перевели в ночную смену к литейщикам. В ту же ночь наш «Лётчик» превратился в «Лётчицу», а назавтра он уже прописался в закутке у «петухов». Так просто и жестоко в том лагере решали проблемы говорунов, привыкших, что им всё сходит с рук. «Опущенного» больше никто не замечал, да и сам он в новом статусе перестал шалить.

Нехороший осадок оставил другой, не менее показательный случай, характеризующий особенности и обычаи местных сидельцев. Дело было во время завтрака в столовой. За столом обычно рассаживалось десять человек, в тот день скамья оказалась почти пустой: часть бригады отдыхала с ночной, кто-то

выходил в другую смену. Напротив меня сидел барнаульский фраер по 88-й валютной статье. Парень сидел давно, чувствовал себя уверенно. Привычно потянувшись за хлебом, фраер неловко зацепил нарезанную краюху и опрокинул её на пол.

— Вань, — окликнул он крайнего, — принеси с раздачи ещё буханку.

Затем откинул носком сапога валявшиеся под ногами куски. У меня от увиденного потемнело в глазах:

— Да, разве так можно! Ты что делаешь? Это же хлеб, у нас в блокаду за такое убили бы на месте. Подыми!

— Ты чего, братишка, черняга заформшмачена, хавать западло!

— Да, не ешь, но поставь на место, уважать надо…

Чего и как уважать я затруднялся сказать, было бы фальшиво, не по-зековски пафосно, если бы стал взывать к совести и разглагольствовать на тему тяжёлого труда хлебороба, уважения к хлебу, — сиделец и так это должен понимать.

— Тебе надо — подымай! Что смотришь, мерин трелёвочный?

Он много чего хотел сказать, но парня остановил стальной голос со стороны:

— Тебе сказали: «подыми»!

С соседнего стола к нам повернулся человек в возрасте. Воров на «красной» зоне не было. Да и не ходят воры в столовку. Но этот каторжанин вызывал уважение. По уверенному тону, как себя держал, как смотрел и по ряду других признаков, которые осуждённые сразу замечают, видно, — авторитет. Этот просто так ничего не скажет. Барнаульский резанул меня взглядом, наклонился, собрал разбросанные куски и положил на край стола. Я кивнул незнакомцу, инцидент был исчерпан. Не отрывая глаз от мисок, все молча продолжали есть.

Четвёртый эпизод был скорее комичный, хотя таил в себе скрытые риски. По вечерам всё народонаселение собиралось у телевизора смотреть бразильский сериал «Рабыня Изаура». Глянув пару серий, я сразу понял, это драматическое «мыло» явно предназначено другим, но не мне. Пока масса насильников, убийц, воров и грабителей, затаив дыхание, в едином порыве сопереживала несчастной рабыне-квартирантке, я читал «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» Владимира Войновича. Умопомрачительно смешной роман-анекдот был опубликован в журнале «Юность». Зеки втихаря утирали слезы, а я бился в конвульсиях от еле сдерживаемого хохота. Но однажды я потерял контроль и заржал в полный голос на весь барак. В тот момент, не сколько увидел, сколько почувствовал, как несколько десятков пар глаз ненавидяще уставилось на меня. Я развёл руками:

— Мужики, извините! Ну, очень смешной журнал.

Ко мне потеряли интерес и вернулись к судьбе героини Луселии Сантос.

Но перед отбоем подошёл человек и попросил почитать «смешной журнал». Приключения Чонкина пошли гулять по рукам, ближайшие недели то тут, то там раздавался гомерический хохот и реплики типа «ну, даёт мужик, бля…». Так мы смеялись и плакали, провожая 1988-й год. Сериал закончился в феврале. Чонкина, кто хотел — прочитал. А у меня подходил срок подачи заявления на УДО!

СВОБОДА!

Я написал заявление и передал начальнику отряда. Моё ходатайство пошло гулять по инстанциям, оставалось ждать административной комиссии и суда. Надежда на положительный исход была. В личном деле немало благодарностей. Судите сами, какой я хороший: работал добросовестно, вёл секцию СКМР, занимался на новом месте подпиской и распределением корреспонденции, оформлял стенгазету, подписывал нагрудные знаки. Однажды изготовил два подрамника, приклеил к ним влажный ватман. Когда бумага натянулась, написал две картины с вольными пейзажами — закат на фоне моря и речка с ивами, бездонное небо. Повесили красочные символы вольной жизни в спальном помещении, пусть помогают сосредоточится на хорошем.

Ещё в Форносово я читал мужикам несколько лекций. Вместо политинформации рассказывал о семи чудесах света, загадочных рисунках пустыни Наска, читал биографии великих писателей и художников. Не то, чтобы я такой эрудит, просто брал большую советскую энциклопедию или другие источники и записывал небольшие доклады в доступной форме. Вроде нравилось, вместе с остальными внимал и капитан Гаровников. На новом месте всё повторилось — слушали, открыв рот. Так я набирал баллы.

Когда вызвали на административную комиссию, где-то в конце апреля, и зачитали мою характеристику, в глазах присутствовавших стоял вопрос: а что он тут, вообще, делает? Надо-же, какой положительный! Задали несколько ничего не значащих вопросов и дружно утвердили передать ходатайство в городской суд. Выездная сессия намечалась в июне. Опять придётся ждать. Теперь оставалось быть тише воды, ниже травы и всячески избегать инцидентов.

Почему-то всё вспоминалась и не давала покоя история с оборонённым хлебом в столовой. Я никак не мог понять, что я так взвился, в чем глубинный смысл подобного протеста, причём с большим риском для себя. Наконец, вспомнил и осознал. В

ленинградских семьях, переживших блокаду, отношение к хлебу было трепетное, оно внушалось подрастающему поколению с пелёнок. Я родился спустя шесть лет после победы, но усвоил обязательное правило: хлеб надо беречь! А в остальном не сказал бы, что очень уж проникся к далёкой для меня трагедией страны. Послевоенное поколение воспринимало последнюю войну абстрактно, жизнь в сознательном возрасте была уже сытная, город отстроился. Но однажды в восьмом классе нам была задана тема для сочинения «Блокада Ленинграда». Чтобы узнать подробности из первых уст я обратился к моей бабушке и соседке Евгении Дмитриевне. Истории, рассказанные женщинами, повергли меня в шок. Видимо, тогда неосознанно и включился защитный механизм против любого посягательства на жизненные ценности граждан блокадного города.

Бабушка, Наталья Семёновна Сушко, в Гражданскую войну служила в коннице Будённого, являлась делопроизводителем и библиотекарем одновременно. Мне она рассказывала, что по необходимости тоже махала шашкой и палила из винтовки. В армии познакомилась и сошлась с моим дедом. В Великую Отечественную мать отправили в эвакуацию, а бабушка оставалась всю блокаду в городе и работала на Кушелевском хлебозаводе. Выносить хлеб было запрещено, если кто попадался, сразу отправляли в «Кресты», что равноценно расстрелу, — узники были обречены на голодную смерть. Наталья Семёновна в конце рабочей смены съедала хлебные обрезки, распределявшиеся на производстве. Затем шла пешком до Бабурина переулка, где в холодной комнате держала двух куриц — роскошь по блокадным меркам. Пихала два пальца в рот и срыгивала полупереваренную кашицу — этим кормила птиц. Ближе к весне куриц пришлось зарезать, ибо слишком велика вероятность, что квартиру взломают и прибьют всех.

История, рассказанная соседкой, вообще, не укладывалась в рамки нормального восприятия. С её слов, на чёрном рынке в обмен на драгоценности и ценные вещи можно было раздобыть хлеб, масло, яйца, сахар, водку. Евгения Дмитриевна Бусыгина не раз приносила домой котлетки, вполне съедобные и сладковатые на вкус. Она призналась, что для неё не было секретом происхождение подобных полуфабрикатов — человеческое мясо! Не то, чтобы такая жуть обычное дело, но факты, имевшее место быть в страшные зимние месяцы 1941-го блокадного года.

Раз уж я вновь коснулся родственников, то скажу несколько слов о последнем визите к бабушке и дяде. Я не видел их несколько лет, но незадолго до суда решил навестить и покаяться. Квартиру на проспекте Науки мне почему-то открыла

незнакомая женщина. Я объяснил ей, что здесь живут мои родные. Женщина печально посмотрела на меня.

— Умерли они.

— О, Господи, как, почему?!

— А где же ты был внучок и племянничек? Раньше чего не озаботился?

— В командировке, — соврал я, — вот, только приехал.

Женщина подозрительно посмотрела на меня, словно чувствуя, что настоящая «командировка» впереди. Сухо ответила:

— Подробностей не знаю, известно, что дядя разбился на мотоцикле — несчастный случай. Бабушка не выдержала удара, ушла за сыном вскорости…

— А где документы, вещи?

— Всё забрали родственники, — она осторожно закрыла дверь.

Я потрясённый спускался по лестнице, лихорадочно переваривая услышанное. В голове бились крамольные мысли: может, оно и к лучшему, не дожили и избежали позора. За два года до того пришло сообщение о странной смерти матери в больнице одного научно-исследовательского института. Вот ведь, навалилось тогда!

А сейчас я ждал самого важного на тот момент для себя решения местных властей, встретить меня могли только жена и сын, остальные близкие давно лишь взирали с небес. Простите, хочется верить, что свои грехи я искупил шестью годами заключения.

Перед судом начальник отряда сказал:

— Здесь «европейцев» не задерживают. Ты с Ленинграда, туда и вернут. И не потому, что ты такой замечательный, а просто на здешней «химии» можешь набедокурить, а отвечать администрации. Не по нашей ты принадлежности, а так бы с тяжёлой статьёй скорей всего выпихнули на стройки народного хозяйства.

Признаться, я не очень понял капитана, но главное уловил, — отпустят! И, точно, с выездного заседания суда я вышел почти сразу: всё прошло, как по маслу. Но и это ещё не свобода, существовал так называемый прокурорский протест. Если в течение недели администрация не получала бумагу с отводом решения суда, вот тогда точно пакуй вещи!

14 июня 1989-го года на дневной проверке объявили фамилии покидающих зону, затем сбор в клубе, что-то вроде торжественного собрания. Дежурная речь замполита о новой честной жизни, несколько слов самих сидельцев с добрыми пожеланиями остающимся. Через полчаса последний раз прошёл

дверь шлюза, шмона не было и кстати, я прятал на себе двадцать пять рублей, на прощание охранники запросто могли поживиться. Группу освобождающихся отвели в административное помещение, уже не сообщающееся с территорией колонии. Здесь располагались бухгалтерия, архив, кабинеты администрации и прочие вспомогательные подразделения огромного многотысячного хозяйства ИТК. Началась рутина оформления документов. Выдали вещи из камеры хранения (в моём случае ручные часы), затем паспорт, справку об освобождении, направление и в последнюю очередь деньги за работу на зоне: двести девяносто один рубль семьдесят шесть копеек. Всё!

Вот он, последний шаг, и я на свободе, за мной закрылась старая деревянная дверь, а не массивные железные ворота, как показывают в кино. Погода — чудо, ослепительное солнце, ни облачка, жарко. Всё цветёт, зеленеет, колосится, радуется! Безграничное счастье, эйфория — шесть лет вместо одиннадцати.

Пока ещё в зековской робе, но без головного убора (передал кому-то из мужиков), со споротой биркой и в тапочках, я шагнул на пыльную дорогу. Первый маршрут в отделение связи. Там я оформил переадресацию корреспонденции. Затем долго разглядывал виниловые альбомы «Чёрного кофе», «Арии» и ещё каких-то новомодных групп. Усмехнулся, в наше время о таких музыкантах не слышали. Пластинки стояли в витрине киоска «Союзпечати» и стали для меня первой заметной вехой начавшихся перемен.

Я перекинул через плечо увесистую сумку. Когда-то, ещё в Форносово, этот баул сшили ребята со швейки за сто граммов чая. Тяжёлой ноша была оттого, что я не хотел расставаться с большой кипой избранных журналов, единственным сохранившимся собственноручно переплетённым конвалютом, письмами, документами. Тот архив и сейчас пылится на антресолях, руки как-то не подымаются выбросить в макулатуру страницы, потерявшие ценность в наши дни. Озираясь в непривычном открывшемся пространстве, я дотащился до троллейбусной остановки.

Когда я залез в маршрутный троллейбус, на меня никто не обратил внимания. Чего тут удивляться — ещё один сиделец откинулся на свободу, обычное дело. Небольшой промышленный городок был буквально окружен зонами для отсидки.

— Вы не подскажите, где у вас магазин одежды? — Обратился я какой-то пожилой женщине.

— Ваши обычно в комиссионный магазин идут. Это на площади. Выйдешь через четыре остановки, там спросишь, сынок. — Женщина словно ждала моего вопроса, привычно

осматривая ещё одного заморыша.

В комиссионном я подобрал себе новый прикид. Легко влез в брюки 44 размера (до подсидки был 48-й). Зековскую робу аккуратно свернул и выбросил в первое мусорное ведро. На память из лагерных атрибутов оставил лишь бирку да косяк секции культурно-массовой работы. Теперь нужно добраться до вокзала и оформить билет.

В кассе мне равнодушно сообщили — билетов на поезда дальнего следования на сегодня нет. Я вспомнил о направлении и протянул в окошко. Это меняло дело, выдали плацкарт до Москвы и, заметьте, бесплатно, система пока опекала меня.

А после этого в ресторан. В полупустом вокзальном кабаке я увидел несколько ребят, с которыми покидал колонию. Хлопцы с непривычки уже накачались алкоголем и махали мне рукой, приглашая разделить компанию. Есть сильно хотелось, а вот бухать совсем нет. Я отмахнулся: мол, гуляйте без меня.

Три дня пути пролетели быстро. Я рассматривал бесконечные российские пейзажи, чего-то ел в вагоне-ресторане, автоматически отмечая ошибки шустрого халдея. Изучал лица окружающих. И думал, думал о предстоящей встрече с домочадцами. Незадолго до Москвы достал общую тетрадь, куда записывал стихи и тексты песен. Первые строчки ложились легко:

«Оторвана последняя страница
Той летописи, что зовётся срок.
Ещё одна живая единица
Вольётся в человеческий поток…»

Перечитал. Фу, как напыщенно. Черкнул ещё несколько строк и понял — не сейчас. С тех пор больше за поэзию не брался, проза она как-то доступней. Сойдя с поезда в Москве, первое, что я сделал, сунулся в театральную кассу. Из газет и телевизора я, конечно, знал о концерте «Pink Floyd» в Олимпийском. Тогда летом 89-го я надеялся попасть с корабля на бал, но не знал точной даты выступления. Не срослось — кассир удивлённо ответила, что группа уже покинула страну. Последний концерт состоялся 7 июня. Поздно освободили, подумал я, ну не могли на десять дней пораньше! То памятное для меломанов Страны Советов выступление я таки посмотрел в записи, но уже спустя двадцать лет.

На Ленинградском вокзале я вновь услышал об отсутствии билетов, и вновь волшебная бумажка с направлением дала возможность продолжить путешествие к родному городу. До

вечернего поезда болтался по столице, купил мороженое, которое показалось самым вкусным за всю жизнь. Позвонил жене и Володе Хореву(Вацеку).

18 июня 1989-го года рано утром я наконец-то ступил на платформу Московского вокзала города Ленинграда — командировка длиной в шесть лет закончилось. Я всматривался в лица встречающих и, наконец, увидел жену, а рядом высокого молодого человека — сына Андрюшу я в первый момент не признал. Надо было налаживать новую жизнь, а «избалованному» государственной опекой человеку это непросто. Обязательным пунктом являлся визит в отделение милиции, где следовало отметиться, встать на учёт, оформить в паспортном столе прописку и, наконец, в десятидневный срок устроиться на работу.

ЛИХИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

Вопрос с работой решился за пару месяцев до освобождения. Спасибо Вацеку, он подсуетился и договорился с Александром Юрьевичем Шайдаровым. Шайдаров заведовал кустом в Василеостровском тресте общественного питания. Мы были с ним знакомы ещё по тем временам, когда я работал официантом. Этот человек сделал очень большое дело: выслал в адрес администрации колонии письмо с подтверждением моего трудоустройства. Благодарен обоим.

На первых порах пришлось работать поваром в кафе «Ориент», благо и тут опыт имелся. Через пару недель реалии вольной перестроечной жизни решительно постучались в наше заведение. Прямо в зале раздались выстрелы: убили двух человек. Бандитские разборки, что-же ещё. Началась канитель: менты, допросы, подавленные лица сотрудников. А кому понравится? Мне, казалось бы, закалённому кадру, совсем не улыбалось попасть в какую-нибудь передрягу, связанную с переделом собственности. Я тогда и не догадывался, это только цветочки!

В ноябре Шайдаров перевёл меня в чебуречную, за стойку безалкогольного буфета. В городе свирепствовал дефицит продуктов и сопутствующих товаров. Была введена система талонов. Ветераны, помнящие блокаду, пожимали плечами — дожили! Я торговал кофе, мороженым, напитками, куревом и всякой мелочью. Для искушённого человека кофе и сигареты таили некоторые скрытые возможности для дополнительного заработка. Я включился в игру под названием «срубить деньгу, не отходя от кассы». Неписаные правила общепита пока никто не отменял, а должность с материальной ответственностью накладывала на меня некоторые обязательства перед начальством.

В прошлых главах я частично раскрыл секреты теневого бизнеса в пронизанной коррупцией системе общественного питания советской поры. Ситуация и сейчас была похожа, с той разницей, что волна продуктового дефицита и безработицы выплеснулась на улицы и захватила широкие массы населения. Все стали «крутиться»: что-то доставать, перепродавать. Я закупал ворованные коробки сигарет; платил водителю за пару не внесённых в накладную двадцати пяти литровых брикетов мороженого; давал взятку кладовщику за то, чтобы мешок кофе вовремя попал ко мне, а не в другую точку.

В условиях трещавшей по швам экономики мои невинные

действия с продажей левых сигарет или манипуляций с кофе вообще никого не интересовали. Уклад жизни по инерции предопределял честное существование, Советский Союз пока никто не отменял. Но реалии конца восьмидесятых уже толкали людей к не сформировавшимся рыночным отношениям.

Весной 90-го появилось место бармена в малюсеньком кафе от другого куста столовых № 9, ныне благополучно канувшего в лету. Это была уже полноценная работа, причём я сразу скакнул по служебной лестнице в заведующие, хотя формально числился буфетчиком 4-го разряда. Тут тебе и алкоголь, и коктейли, своя музыка и даже новомодный видеомагнитофон. В штате несколько единиц. Работай, но других не забывай и себя, по возможности. Моим сменщиком был Вацек. Пока я чалился, Володя успешно закончил училище и стал буфетчиком, стажировался в баре гостиницы «Ленинград», а затем уже самостоятельно работал во Дворце Молодёжи.

Спустя пару недель после освобождения, я навестил родное общество коллекционеров. В клубе первый человек, встретивший меня у входа, оказался Саша Страхов. Сейчас он является сопредседателем клуба, а в то время входил в правление и контролировал вход. Страхов — бывший мент, навыки, приобретённые на службе и железный характер явно способствовали тому, чтобы следить за порядком и пресекать незаконные действия.

— О, привет! Ты где пропадал? — Первые слова, которые, я услышал, переступив порог клубного помещения.

— Привет, Саша. В длительной командировке.

Интуиция бывшего блюстителя порядка подсказала ему правильный ответ. Он понимающе кивнул и пригласил внутрь. Через полчаса я освоился в коллективе, словно и не было шести лет перерыва. Я курил на улице со знакомыми коллекционерами, узнавал новости, обсуждал цены и слушал музыкальные сплетни. А в следующее посещение уже притащил пласты и включился в привычную клубную тусовку.

Меломаны подсказали, что альтернативные встречи на природе проходят в районе Нижнего Большого Суздальского озера по выходным дням. Это удобно для меня, совсем недалеко от дома. Времена были смутные, но в начале девяностых музыкальные сходки по-прежнему оставались под запретом. Правда, милиция на нас махнула рукой и почти не докучала, ей других забот хватало.

Зато я стал свидетелем, как группа энергичных молодых людей запросто отнимала пластинки у самых безобидных и беззащитных коммерсантов от музыки. Никто не заступался:

каждый сам по себе. Так бандитский беспредел зацепил наше сообщество, далёкое от традиционного бизнеса, но все равно представляющее интерес для отдельных подонков. Примерно к концу 1993-го года последний стихийный рынок питерских коллекционеров прекратил своё существование. Все обмены и продажи вернулись в помещение общества коллекционеров, где происходят и поныне.

Работа в кафе занимала много времени и сил. Снимать остатки товара и вести учёт: это ещё полбеды. Стали заглядывать комиссии из треста — благоприятные акты составлялись после обильных возлияний и продуктовых наборов, а то и мятых купюр. Правила игры остались прежними: воруешь — делись, не воруешь — всё равно делись. Нетрудно догадаться, как покрывались недостачи. Вацек помогал мне на первых порах. Учил уму-разуму, раскрывая специфические особенности руководства. Но скоро он уволился — нашёл другое место.

А летом меня перевели в головное предприятие — кафе «Фрегат». Это известное ленинградцам заведение существовало с начала шестидесятых и славилось «петровской» кухней. Даже с упадом деятельности общепита во времена моей работы в кафе сохранялось несколько фирменных блюд и обязательный квас «Петровский» с хреном. Коллектив уже не состоял из трёх единиц: уборщицы, буфетчицы и заведующего (то есть, меня). Здесь штат был несколько больше, а главными лицами являлись заведующая производством и администратор. Я влился в новую команду, уже подкованный необходимыми знаниями. Начиналась моя деятельность с коктейлей, а позже в баре перешли на чистый розлив. Неожиданно освободилось место сменщика. Требовалось найти замену второму буфетчику, с которым я успел поработать несколько дней. Кандидатура бывшего «бергашника» Вадика Алиева, как-то нарисовалась сама собой. Я ему позвонил, объяснил ситуацию и обозначил цену вопроса.

Дорогой Вадик, бывший староста нашей группы, коллега, с которым мы стёрли не одну пару туфель, обслуживая посетителей сперва в «Невском», затем в «Невских берегах», колебался недолго и был готов внести означенную сумму. Если кто не догадался, поясню: в те времена «хлебные» места распределялись по блату и стоили денег, цифры уточнять не буду. Кроме того, у Алиева был почти обязательный атрибут любого торгаша — собственный автомобиль. «Тачка» большое подспорье в деле бармена: перевозить товар, держать левак, ездить в нужные места к нужным людям. Я же в начале карьеры был безлошадный, без помощи водителя-сменщика трудновато.

По утрам перед входом в кафе собиралась очередь. В 11.00

двери открывались, и толпа вваливалась в заведение. Часть занимала столики, остальные бросались к стойке. Для меня до сих пор загадка, чем так привлекало василеостровскую публику обыкновенное кафе. Могу предположить, что людям элементарно нечем было занять себя: увольнения, дефицит, неопределённость побуждали сограждан убивать время в питейных заведениях. Позже, после Павловской реформы и развала СССР, когда, жрать стало не на что, публики поубавилось. А пока народ тратил небольшие деньги, несопоставимые с сегодняшними и безвольно плыл по течению к будущим политическим и экономическим катаклизмам.

Кафе брало на обслуживание туристические группы — самые доходные для любого общепита мероприятия. Принимали заказы на закрытые вечера (корпоративы) и другие праздничные вечеринки, а, иногда, даже поминки. В тот памятный вечер 22 января 1991-го года меня позвали в бухгалтерию к телефону. Звонил Вадим Алиев. Взволнованным голосом сменщик просил тормознуть кассира до его приезда. Было около девяти часов вечера.

— Ты мне можешь объяснить, что случилось, — удивился я, — проверка, ревизия?

— Хуже — денежная реформа!

— Ну и что?! — Я перехватил настороженный взгляд нашей бухгалтерши. — В чём дело-то?

— Дурак, только, что по «ящику» объявили обмен полтинников и стольников на мелкие купюры.

— Вадим, ну и что с того? Реформ будто не было? Завтра пойдёшь и поменяешь.

— О, Господи! Их изымают из оборота! Ты понимаешь? На все дела три дня, и обменивают не больше тысячи рублей в одни руки. Избавляйся срочно, если у тебя есть купюры по пятьдесят и сто рублей.

Я повесил трубку и кинулся предупреждать администратора и халдеев. Сотрудники занервничали. В тот день кассир и инкассаторы, приехавшие баулить выручку, задержались непривычно долго, — все, кому это было нужно, избавлялись от зелёных и коричневых купюр с портретом Ильича.

Это были цветочки, перестройка забуксовала, но народ ещё ждал перемен и дождался в августе. А пока Вацек пригласил меня прокатиться в Польшу, подзаработать на продаже отечественных товаров. Тема была широко распространена. Мы стали готовиться. Володя имел опыт «челнока». Несколько раз бывал в Югославии и Польше. Мне же ещё предстояло получить загранпаспорт. По фиктивному вызову я пошёл

оформляться в ОВИР. Никогда не забуду тамошних очередей, запись в пять утра; осатаневший людской вал, накатывавшийся на очумелых государевых людишек, быстро приучившихся решать проблемы за вознаграждение с чёрного хода, нежели собачиться с парадного. Да, разве-ж это испытание для закалённого советского барыги? Боялся, что отсидка сделает меня не выездным, но в том, переходном бардаке, все как-то обошлось. Заветный паспорт, в конце концов, был получен.

Дальше по списку закупка товаров: инструменты, фломастеры, сувениры, барахло, десятки единиц всякой мелочёвки. У себя в кабаке я пробил по кассе пять банок чёрной икры, той самой, что в стеклянной конусной таре. В то время подобный деликатес ещё можно было достать, а как сейчас? Да, это обошлось дорого, но в последствии затраты вернулись сторицей.

Нагруженные тяжеленными рюкзаками и неподъемными сумками мы с Володей оказались на Варшавском вокзале. Батюшки, да вся платформа была усеяна подобно нам разношёрстной пёстрой толпой из галдящих баб, нетрезвых мужиков и другого попутного люда с огромными баулами, торбами, тюками. Ехали весело, бухали постоянно, делились советами, ругали погранцов и чеченскую мафию, безжалостно обиравших челночников в Венгрии. Вот только доходы свои никто не освещал, тема эта закрытая, и так ясно, раз мотаются — смысл есть.

На границе наши пограничники заставили всех раздеться и обыскали. Да, так ловко, не хуже лагерных дубаков (может, стажировались там). В тот раз пропустили без помех, и мы на радостях выпили. Поменяли колёсные пары — опять выпили. Когда ночью прибыли в Варшаву, всё было, как в тумане. Мы сдали вещи в багаж. Затем Вацек потащил меня в город. Пока гуляли по ночной польской столице, я пришёл в себя и с интересом разглядывал чужие улицы и дома.

Утренней электричкой двинулись дальше, в Гданьск. Вовка крепко поцапался в поезде с контролёром, а я так ничего не понял из "пшецких" гневных дебатов, какие-то проблемы с билетами. Друг всё-таки отстоял наши права, и мы уже без помех добрались до места. Сняли комнату у местной бабки, угостили её водкой. Затем выяснилось, что та неплохо говорит по-русски. Утром нам предстоял первый рабочий день на тамошнем рынке. Гданьск был необычайно красив. Старинная немецкая готика: здание ратуши, костёл Св. Девы Марии и масса других достопримечательностей.

— Только не ляпни где-нибудь «Данциг», вместо «Гданьска».

Для местных это больной вопрос, — предупредил Вацик, — город морской, объясняться можно на английском, его понимают. Ежели чего, все вопросы ко мне.

Он передал мне список с примерными ценами. И, вот, мы на рынке. Да, это вам не полулегальная питерская барахолка. Масштабное место тянулось на сотни метров в разные стороны. Выбрали стол и разложили товар. Вскоре пошли и покупатели. В первый день сразу разобрали икру и часть вещей. Но что-то умудрились украсть. Один раз даже в наглую взяли набор чертёжных принадлежностей и спокойно пошли дальше, не обращая внимания на наши возмущённые крики. Догонять не стали, пусть подавятся. Кто будет качать права в чужой стране?

На чудовищной жаре простояли весь следующий день. Пробовали взбодриться, но тёплая водка не лезла. В итоге продали почти всё, на дне рюкзаков осталась лишь мелочёвка.

Третий день — отдых. Вацек повёз меня в Сопот, когда вернулись в Гданьск, посетили обменный пункт и избавились от пухлой пачки злотых. Вацек подбил итоги вояжа, совсем неплохо, — по сто восемьдесят баксов «чистого навара» на брата. Погуляли по городу, купили какие-то сувениры. Я, конечно, сунулся в музыкальный магазин, винила увидел много, но всё очень дорого. Проще в родном Питере приобрести. А вот последний альбом британцев Queen «Innuendo» купил, не удержался и ничуть не жалею. Через несколько месяцев Фредди Меркьюри умер, альбом действительно оказался последним прижизненным релизом в дискографии великого певца и, если переводить приобретение в коммерческую плоскость, — сильно подскочил в цене.

Спустя год была предпринята ещё одна попытка подзаработать на непростых челночных маршрутах. На этот раз мы с Вацеком собрались в Будапешт. Увы, этот вояж был обречён. Не задалось с самого начала. Накануне поездки в кафе произошла драка, где я попал под «замес» и заработал фингал под глазом. Чтобы не пугать людей, пришлось одеть тёмные очки. Тело болело, алкоголь не помогал. На границе мой вид не понравился таможенному инспектору в лице милой дамы. Та предложила избавиться от излишка товара или покинуть поезд. Добровольно расставаться с вложенными средствами никто не хотел, и пришлось сойти в Чопе. К нам тут же устремились перекупщики — фиг вам, ребята. Утром доехали до Львова и купили обратные билеты в Санкт-Петербург. Все положительные впечатления остались лишь от нескольких часов прогулки по столице западной Украины. Больше за границу на заработки меня не тянуло. Дел хватало и в родном краю.

Третья попытка пересечь границу намечалась уже в 2000-м году и преследовала собой чисто музыкальный интерес. В том путешествии моим напарником должен быть Николай Чичкевич, он же помог мне с загранпаспортом. И, хотя прошло относительно немного времени, я никак не могу вспомнить причину, остановившую ту поездку. Надо сказать, что Коля давно и успешно мотался в богатые музыкой края. Он привозил из Лондона, Хельсинки, Стокгольма рок-раритеты, от которых дух захватывало. Правда, специализировался Николай только на виниле и, как исключение, — компакт-дисках.

Компакт-диски или попросту «сидюки» прорвались на наш рынок в начале девяностых. Как раз в то время, о котором я веду повествование. В клубе филофонистов поначалу приглядывались к картонным коробкам, в которых сиротливо жались пластмассовые кейсы с радужными кружочками. Мы были воспитаны на виниловых пластинках, а новые музыкальные носители требовали специальных плееров, следовательно, немалых на первых порах средств. Но очевидные преимущества новомодных музыкальных носителей быстро завоёвывали рынок, и ко второй половине девяностых они почти вытеснили винил. В рядах преданных поклонников хорошего звука и традиционных форматов остались считанные единицы.

Тогда я сидел в клубе за одним столом с Олегом Курзиным. Мы познакомились ещё до моей «командировки», а тут неожиданно сошлись. Во-первых, Курзин был барменом старой закалки, по опыту работы давшим мне сто очков вперёд. Во-вторых, Олег любил рок и занимался коллекционированием больше двух десятков лет. Позже, когда выяснилось, что я недавно освободился, Олег признался, что тоже имел проблемы с законом. Его история оказалась гораздо драматичней. Загремев под следствие по 88-й валютной статье, он решил «закосить» под психическое заболевание (довольно распространённая практика ухода от большого срока). Олега Николаевича определили в спецбольницу и так усердно поработали с психикой мнимого больного, что, отмазав его от тюрьмы, существенно повредили здоровье. В среде меломанов Курзин прославился, пожалуй, самой полной коллекцией британцев «Procol Harum» и всем, что так или иначе связано с ними. В начале века последствия лечения сыграли свою роль, у Олега обнаружили рак. Помочь ему уже никто не мог.

ФРЕГАТ

Удивительное обстоятельство, которое трудно объяснить, — за относительно короткий срок кафе посетила масса народа, пересекавшаяся со мной в форносовском учреждении и знакомая по музыкально-галёрным тусовкам из прошлой вольной жизни. Чуть-ли не каждый день я видел из-за стойки знакомые лица. Меня узнавали, завязывались разговоры. Бывшие сидельцы рассказывали о себе, как устроились на свободе, хвалили, — ведь работа бармена была пока престижна. В совковом понимании престижна, не значит почётна и интересна, а успешна в финансовом плане. Кто бы спорил?! Пока не ослабевал поток посетителей, пока инфляция не взяла за горло наших кормильцев, дела обстояли неплохо. Мы с Вадиком Алиевым выкладывались на полную катушку. За плечами халдейская закалка. Общепитовские правила и производственные процессы понятны. Требовалось не так уж много: поддерживать ассортимент алкогольных напитков и наливать по первому требованию. А как же, ведь наша деятельность есть важная составляющая производственных мощностей «Фрегата».

В первый же год работы на меня чуть ли не силком надели хомут председателя профкома. Общественная нагрузка не давала никаких льгот и отнимала массу времени. Зато я был частым гостем в василеостровском тресте столовых и кафе. Связи и знакомства в среде управленческого аппарата сослужили службу во время трестовских ревизий. Проверок было немало, если бы только свои, а то грозная государственная торговая инспекция, рейды ОБХСС, пожарные осмотры, санитарные инспекции, в конце концов, набеги собственного начальства. Искушённому сотруднику понятно, отчего чиновники так любят общепит, достаточно просто пообщаться с упитанными дядьками в очках и благоухающими дамами.

Самые насыщенные по событиям времена наступили в первые месяцы после развала Союза. Толпы посетителей не только питались в кафе, но и, с несвойственной раньше смелостью, вступали с обслуживающим персоналом в коммерческие отношения. Поскольку стойка бара находилась ближе всего к входной двери, то мне или сменщику с порога предлагали поменять валюту, приобрести золотые изделия, столовое серебро, иконы, инструменты и, далее, по нисходящей: книги, шмотки, бижутерию и всякую мелочь. Пройдя мой первый кордон, народ отфутболивался в зал, где с продавцами работали официантки и администратор. В последнюю очередь звали кухонных

и бухгалтерию. И все, без исключения, чего-то приобретали, меняли, примеряли, занимали друг у друга деньжат.

Однажды заглянули моряки с сухогруза и предложили сливочное масло в двадцати пяти килограммовом брикете из запасов судового камбуза. До причальной стенки было рукой подать, через пятнадцать минут я подымался по трапу. Вместе с маслом я приобрёл у матросиков газовый револьвер — пусть будет.

А сколько я прослушал жалоб, исповедей и прочих страстей под бесчисленное количество выпиваемых рюмок и фужеров. Народ метался и путался в непривычных рыночных отношениях. Несуны множились. Людям гораздо сподручней было что-нибудь стащить с хиреющих заводов, фабрик, учреждений, чем разбираться в хитросплетениях новой жизни. Всё продавалось за бесценок, а затем торжественно пропивалось. Для подобных акций барная стойка — идеальное место! Это тебе не портвейн из горла на троих, принятый в обшарпанной парадной. А в кафе всегда уютно, тепло и свободные уши буфетчика рядом. Бармен, хотя и порядочная сволочь, но всегда нальёт и даже выслушает. Это был естественный отбор: расслоение общества на сильных, инициативных, наглых с одной стороны, и слабых, безвольных, не привычных к самоотдаче, растерявшихся граждан, с другой.

Старшим братом, добрым опекуном я был ровно до тех пор, пока не появлялись щедрые «малиновые пиджаки», братва, уголовники и прочие элементы. Тут внимание переключалось, и забулдыги отходили на второй план. Попробуй не угоди или откажи нафаршированным деньгами кичливым и капризным новым хозяевам жизни. А уж когда начинались разборки, я падал под стойку, там ждал, когда стихнут крики, прекратятся удары и звон разбиваемой посуды. Отбой тревоги знаменовался топотом ног, дебоширы спешно покидали кафе. Невесело, скажу вам, когда подымаешься из-за стойки и обозреваешь поле боя: испуганных, помятых и окровавленных людей; разбитую мебель. Глаза режет от едкого угара газового оружия, спасибо, что не боевого. Да я такого беспредела на зоне не видел!

Когда количество драк и погромов выросло до неприличия, в кафе стали дежурить сотрудники милиции. Менты были из сержантского состава, в основном из ППС. Милицейское начальство, стало быть, наша «крыша», изредка мелькала в банкетном зале. Сержанты-же стояли на довольствии, и, надо сказать, частенько отводили беду.

Но, к счастью, к нам захаживали и достойные люди или, как принято сейчас говорить, — медийные лица. Я отлично помню,

как за чашечкой кофе ломала голову над какими-то своими проблемами ныне известная журналистка Ольга Сорокина. Появлялась в зале живущая по соседству начинающая певица Татьяна Буланова. Несколько раз застенчиво подходил к стойке киноактёр Юрий Кузнецов (помните Мухомора из сериала «Улицы разбитых фонарей»). Заказывал сотку водки, залпом осушал, вежливо благодарил и исчезал. Однажды я не выдержал:

— Оказывается, актёры и водочки могут себе позволить!

— Мы тоже люди, — виновато произнёс Юрий Александрович, — спасибо, до свидания.

В другой раз заглянул сатирик Альтов — чашка кофе и коньяк. Его тут же окружили наши официантки и стали кокетничать. Известный артист вежливо поддерживал разговор, но чувствовалось, как человеку хочется побыть одному.

Летом 1993-го прошла приватизация заведения. Коллектив стал именоваться ТОО «Фрегат». Большинство стало пайщиками, в том числе и я. Теперь вместо сержантов из 16-го отделения на входе сидели крепкие ребята, а в торговом зале чаще стали мелькать деловые господа с переносными телефонами, которые мобильными назвать язык не поворачивался, хотя это были они — первые образцы переносных аппаратов со снимающейся трубкой. Громоздкий ящичек небрежно выставлялся на обеденный стол и к развлечению зевак иногда подавал голос, а хозяин небрежно что-то бросал в трубку, поправляя золотую цепуру на шее.

В сентябре, когда президент Ельцин стал разгонять съезд народных депутатов, страну встряхнуло в очередной раз. Но, несмотря ни на что, кафе работало в обычном режиме. Мы слушали новости из Москвы, испуганно таращась на радиоприёмник, из которого диктор с упоением вещал, что пуля из автомата способна пролететь до трёх километров. Как подбирают зевак, подстреленных этими самыми пулями-дурами. Когда всё устаканилось, народ кинулся праздновать победу. В первые дни после расстрела Белого Дома в кафе было не пробиться. Наступил звёздный час «Фрегата». Вадик к тому времени уволился и влился в команду торговцев левым коньяком (об этом расскажу в заключительной главе). Моим сменщиком теперь вновь стал Володя Хорев (Вацик). Такой вот круговорот буфетчиков в рамках замкнутого пространства общепита.

Но скоро ушёл и Володя, а я так и тащился по течению, хотя поступали заманчивые, но авантюрные предложения. Ближе к новому 1994-му году тяга людей к развлечениям упала. Завсегдатаи, благодаря инфляции, сильно потеряли в заработках

и если навещали нас, то всё реже. Чтобы привлечь публику директор нанял музыкальную группу, а затем вышедшего в тираж эстрадного певца. Артистов отличал откровенно халтурный подход к своим обязанностям и желание всенепременно выпить на халяву. Мне это не нравилось — своих нахлебников хватало.

Нахлебники постоянно индексировали свои потребности в строгом соответствии с ростом инфляции. Порядок цифр передавался мне в приватных беседах. С одной стороны, надо было "отстегнуть капусты" директору и ряду лиц, с другой, — выдержать наезды зама, умело вскрывающей негативные стороны моей деятельности. К подобной практике я не привык: раз берёшь, то и не лезь в мой огород! Вот и получалось, что я, как пайщик довольствовался нищенской зарплатой и не получал никаких дивидендов, будучи совладельцем предприятия. А в качестве компенсации милостиво разрешалось (в пределах разумного) использовать приёмы из тайного арсенала бармена с левым коньяком. А почему нельзя работать честно и получать достойную зарплату? Такие вопросы всё чаще не давали мне покоя. Я пару раз осторожно намекнул директору на некоторую несправедливость. И этим предрешил свою дальнейшую деятельность во «Фрегате».

Незадолго до нового года я умудрился не поделить дорогу с трамваем. На скользком диабазе[1] автомобиль кинуло на поворачивающий трамвай. Трамваю-то ничего, он большой, а вот моя «пятёрка» пострадала. Мы встали на перекрёстке, тут же образовалась пробка. Из кабины вылез немолодой облезлый вагоновожатый, привычно окинул взглядом ДТП и буднично произнёс:

— Пузырь мне и «штука» за ремонт.

— Мужик, ты чего, с дуба рухнул?! Да на твоём монстре пара царапин, а мне крыло менять и бампер рихтовать!

— Тогда вызываю ментов, будешь ещё за нарушение графика платить.

Каюсь, во мне сидело грамм сто крепкого алкоголя, и встреча с гаишниками совсем не входила в мои планы. Пришлось припугнуть жадного мужичка, иначе грозило лишение прав. На мне был длинный кожаный плащ и высокая пыжиковая шапка, то есть вид далеко не гопницкий, а непонятно какой.

— А если я тебе сейчас ногу прострелю? — Я полез за отворот пальто. — Не понял, козёл драный?

Ага, стало доходить. Для пущего эффекта я уверенно вытащил газовый револьвер. Трамвайщик шустро запрыгнул в вагон.

— Ладно, ладно. Подай назад.

Мы разъехались: он по маршруту, а я к знакомым кузовщикам на Косую линию. Стресс надо было срочно снимать. Ноги сами понесли во «Фрегат», где, на мою голову, ждало ещё одно нехорошее событие.

В зале народу хватало, за ближним столиком сидел Юра «Сказка», старый знакомый ещё по дискотекам в «Поганке», к тому же, мой коллега — бармен. С ним я несколько раз пересекался по рабочим вопросам. Одним словом, вполне подходящий собеседник и собутыльник. У Юрки имелись «Жигули», уж он то меня всегда поймёт.

Пьяная гулянка в кабаке всегда предполагает раскованность, свободу и веселье. Что и говорить про родные стены — отрывались по полной. Наступил тот момент, когда возникают провалы в памяти, а до того послушные конечности перестают подчиняться. Но то, что произошло за нашим столом, мне запомнилось навсегда. Появились какие-то незнакомые люди, затем ссора, красавец и ловелас Юра нависает над невзрачным хмырём. В следующий миг со всего маха бьёт фужером в шею. Сперва брызнули осколки стекла, затем хлынула кровь из раны. Пострадавший вскочил и захрипел, зажимая салфеткой рассечённую кожу:

— Стоять, я офицер милиции! Вызовите скорую!

Юрку словно корова языком слизнула — он мгновенно исчез. Мент сполз под стол. Девки кинулись на помощь, администратор вызвонил медиков и милицейских. Прибежал растерянный охранник, на тот момент оказавшийся в другом месте. Я подошёл к стойке.

— Ты видел? Ну, что за урод этот «Сказка», вечно ищет на свою жопу приключений, — обратился я к сменщику, — а из-за чего драка, то?

— Думаешь, я понял что-нибудь, сейчас набегут менты, вот тогда и начнутся разборки!

— Тогда забери и спрячь подальше. — Я передал буфетчику кобуру с газовиком.

Дежурный наряд не заставил себя долго ждать. Кто-то из посетителей указал на меня, как участника происшествия. Старший наряда, не раздумывая, уронил меня мордой в пол и надел наручники. Тут за меня вступились официантки и сменщик. «Браслеты» сняли, но приказали никуда не уходить. Пока медики оказывали помощь пострадавшему; пока разбирались, кто начал; пока командир милицейского наряда расспрашивал раненого коллегу; я отрешённо стоял у стойки и думал о несчастливом дне, в котором так неожиданно переплелись сразу два происшествия. На извечный вопрос: «кто

виноват?», тут же нашёлся правильный ответ: алкоголь и сучья жизнь.

Меня и ещё двух свидетелей доставили на набережную лейтенанта Шмидта в 16-й отдел милиции. Свидетелей быстренько допросили и отпустили. А на меня никто не обращал внимания. Я возмутился и начал шуметь. Из дежурки выполз знакомый сержант, ещё недавно охранявший порядок в кафе. Начал успокаивать, но поздно — меня понесло. В русском разговорном есть прекрасный синоним подобного состояния, да вот как-то не принято его употреблять в печати. Наконец, на шум появился человек в штатском с наплечной кобурой:

— Пройдёмте со мной.

На дверях кабинета висела табличка «Оперуполномоченный к-н Вышенков Е. В.»

— Стало быть, вы и есть капитан Вышенков?

— Да. Присаживайтесь, рассказывайте, что у вас там произошло. Вопрос важный, пострадал сотрудник МВД.

— Пригласили за стол, выпили, затем драка. Что ещё?

— Вот и расскажите, кто пригласил, как зовут, адрес?

— Блин, а я откуда знаю? Два часа меня маринуете! Я домой хочу, а вы задерживаете… Сейчас адвокату позвоню! Ваша работа — разбирайтесь, а честных людей-то держать за что?!

Начался отходняк: тут надо либо похмеляться, либо спать. Тяжёлой походкой опер подошёл ко мне и шлёпнул по морде.

— Это ты — честный? Хозяин жизни! В кожаном плащике щеголяешь, понты качаешь. С тобой по-людски, а ты мне тут истерики закатывать!

Я дёрнулся, но взбодрился. Капризничать расхотелось, за плечами зековская школа выживания, зачем провоцировать и злить опера.

— Зря ты так, капитан, зачем сразу в харю бить! Любой подтвердит — я во «Фрегате» три года, как барменом работаю. Меня все знают. Вот пригласили за столик бухнуть, а что за люди, — мне почём знать.

— Я тебя не бил, бармен, а в чувство приводил. Скажи по совести: если твоего напарника или официантку кто обидит, ты не захочешь разобраться? Наказать виновного?

— Захочу и разберусь в силу своих возможностей.

— Вот и я хочу найти твоего знакомца и наказать за коллегу. Он в больнице сейчас лежит, хорошо, что жив, а могло быть и хуже.

— А зачем менту болтаться по кабакам и пить с кем попало?

— Так и у меня встречный вопросик: чего бармену пить с посторонними?

— А вот и нет, товарищ капитан. Вопросик твой не канает. Тут я у себя дома, работа такая, могу, конечно, и не пить, да днём неприятность случилась, вот и решил стресс снять в родных стенах.

— Поделись, что за проблема? Ты мне поможешь — я тебе.

— Вот ведь, сразу видно, опер! Начал убалтывать. Я и не скрываю, парня того звали, вроде, Юра… а что они с вашим не поделили, извини, — не знаю. Помощь мне твоя без надобности, свои проблемы сам разрулю.

Опер был на сутках, время текло медленно, постепенно разговор скатывался на общие темы. Чувства неприязни к менту я не испытывал, скорее наоборот, проникался симпатией — мужик не глупый. Другой вопрос: на своём-ли капитан месте? Он достал из ящика стола початую бутылку водки, налил мне и себе. Выпили.

— Ты человек взрослый, должен понимать: наказать того урода — дело чести. Уголовное дело заведено и то, что мы найдём твоего кореша, не сомневайся. Ладно, ладно, не кореша, посетителя, с которым ты так легкомысленно выпивал. Не вздыхай. Кому сейчас легко, когда вокруг такое творится? Блатата голову подняла, беспредел. Все крутые, все свои права знают… Эх!

— Понимаю, не вчера родился. Вот ты, капитан, называешь меня хозяином жизни. Да о чём речь? Разве дело в плаще? Я этих «новых русских» каждый день наблюдаю. Сделай — подай — принеси! Наши девки угодить им не могут, носятся как угорелые. Видел бы, как избивали официантку за то, что та огрызнулась. Я заступиться боюсь — инвалидом сделают или прибьют на хрен. А ты говоришь — хозяин жизни. Заложник профессии, вот так правильнее будет. Четырнадцать часов на ногах, а кого это касается. Улыбайся, угождай, — такая твоя работа. Вот и квасим, снимаем стресс традиционным русским напитком. Не так?

— Ну, знаешь, Вадим, не я тебе работу выбирал. Наша служба тоже не сахар: столько дерьма приходится перелопачивать. Я вот твою профессию почти не знаю, а наша известна всем. Фильмы, книги, газеты трубят… Куда ни кинь — всюду клин! Ладно, больше не задерживаю. У меня до конца дежурства ещё дела. Протокол только подпиши и свободен. Наши ребята о тебе хорошо отзывались, нос не задираешь, всегда плеснёшь если надо.

— Заходи, капитан, в гости, угощу. Моя смена завтра. Спокойного дежурства…

Бросил взгляд на часы — уже наступило завтра. Через несколько часов мне предстояло выходить на работу. Я прошёл по

гулкому коридору. Дежурный кивнул: мол, проходи, не задерживайся. Я толкнул старую дверь, сделал шаг навстречу мокрому снегу и привычной питерской хмари.

В начале января 1994-го года наш хваткий директор, Круганов Владимир Петрович, предложил мне написать заявление об уходе. Я согласился, но выдвинул свои условия: вернуть проиндексированный пай и заплатить отступного. В качестве альтернативы назвал другой вариант: сохранить долю, но отчислять ежемесячные проценты с оборота. Шеф развеселился и напомнил о бренности всего земного, об опасностях, подстерегающих человека на улице, и прочих напастях в нашем неспокойном мире. Я всё понял и взял расчёт без всяких оговорок. Тогда в очередной раз убедился, как плохо быть букашкой и ползать под кем-то.

Пора было начинать новую жизнь — третью по счёту, без подлых начальников, жадных опекунов, без грязи и криминала. С верой, что лучшие времена ещё впереди.

БУДНИ ПИТЕРСКОГО ИЗВОЗЧИКА

Итак, закончилась моя карьера бармена в василеостровском кафе «Фрегат». Меня элементарно выставили за порог заведения, которое кормило и поило несколько лет. Новая экономическая политика государства обозначила хищные принципы капитализма — массовые сокращения, задержки зарплаты и прочие прелести «демократического государства». Тем, кто привык ничего не делать или подворовывать на работе, — накося выкуси! Хочешь: горбаться за копейки на хозяина, это если нет мозгов и нужного образования. Не хочешь — тогда в качестве альтернативы можно пьянствовать, голодать, нищенствовать. Раньше бы посадили за тунеядство, теперь до тебя никому дела нет. Другие пути-дорожки ведут в казённый дом, а в отдельных случаях и, вовсе, на кладбище. Меня такие перспективы не устраивали, меньше всего хотелось вляпаться во что-нибудь и получить новый срок.

Заняться извозом — такова была первая мысль, посетившая меня. Мне, привыкшему к приличной деньге от чаевых и манипуляций за барной стойкой, требовалось что-то основательное. Ишачили за баранкой многие. Вот и решил: «бомбилой», так «бомбилой». А что я ещё умел? Ну, столярничал когда-то, а кому это сейчас нужно? Художество — не смешите меня. В новой третьей жизни каждое утро я заводил свою «пятёрку» восьмидесятого года и начинал бороздить дороги северной части Санкт-Петербурга. Работа непыльная. Никаких временных рамок, служебных обязанностей, сам себе хозяин. Извоз и прошлую работу за стойкой объединял способ заработка: через принудительную обязанность исполнять чужие желания. Вот подняла руку усталая женщина:

— До метро подкинете?

— Сколько? Хорошо, садитесь.

И я двигаюсь, уже подневольный, несколько километров до метро «Проспект просвещения». А затем вновь нарезаю круги по оживлённым трассам. Я неплохой водитель, у которого за спиной немало лет за рулём, но новичок в профессии. Тогда мне было невдомёк, что опытные бомбилы паркуются на заранее «прикормленных» местах и берегут бензин. А ещё объединяются бывшие таксисты и шоферюги всех мастей в нигде незарегистрированные профсоюзы. И оберегают «прикормленные места» от чужаков. Рынок формируется на конкуренции, какой там, к черту, трудовой энтузиазм. Прописные истины, но от этого не легче. Бомбила должен кормить не только семью, но и

ухаживать за своим «стальным конём». А он, гад, тоже много чего просит: бензинчику ему подавай и маслица вкусного, а там и ремонт внезапный…

Еду и мысли безрадостные в голове крутятся. Вспомнилось, как в семидесятые частенько катался на такси. Цена смехотворная — десять копеек километр, столько же за посадку. Поймать лихого таксиста было тогда непросто, те себе цену знали и часто игнорировали поднятую руку. Когда тарифы увеличили вдвое, кажется, это было в семьдесят пятом году, тяга граждан прокатиться в комфортном ГАЗ-24 упала. И жались машины первое время у стоянок, но скоро народ попривык, и опять «зеленоглазого» стало не поймать. Я отлично помнил, как ночью (если компания душевная, и сильно подопрёт) бегал на опустевшие улицы в поисках таксистов с целью приобрести поллитровку водки за двадцать пять рублей.

Чтобы развеяться я притормозил у салона игральных автоматов. Азартных мест рассыпано по району немало. Благодаря пагубной человеческой страсти, помещения, оборудованные «однорукими бандитами», слотами для игры в покер и три семёрки, никогда не пустовали. Что греха таить, поймал вирус игромании. Уверенно переступил порог, поздоровался с крупье, именовавшимся в подобных местах оператором или механиком. Краем глаза узрел знакомые лица и занял свободное место. Мысленно назначил себе сумму проигрыша, заранее предвидя, что могу спустить и больше. Заказал игру, сделал ставку и небрежно вдавил клавишу — понеслось.

Кто не мечтает выиграть большие или очень большие деньги? Игромания похлеще наркотиков, затягивает — не оторвёшь! Большинство игроков знают, что шанс поймать удачу за хвост невелик. В среде зависимых неудачников давно ведутся разговоры, что управляющая электронная плата выставлена на минимальный выигрыш. Хозяева подобных заведений чувствуют себя под бандитскими и милицейскими крышами уверенно и ничего не боятся. Попробуй качать права, быстро поставят на место: проиграл, сам виноват, за руку никто не тянул. И всё верно, вера игрока зиждется на редких выигранных суммах или личных впечатлений от фарта других.

На одной из последних сдач я поймал стрит. Толпа зевак окружила, чтобы взглянуть на редкую комбинацию. Я не стал дальше испытывать удачу, повезло и ладно. Забрал деньги и направился к выходу. Но уже знал, что этот выигрыш не будет давать покоя и подхлестнёт снова прийти сюда. «Надежда умирает последней»: — сказал когда-то так или почти так

философ Диоген. Без надежды чего бы сюда тащился питерский люд, которому алчные владельцы предлагают испытать свою судьбу. Бывает, что под чудовищным прессом проигранных последних средств к существованию жизненная энергия гаснет, вера в человечество уходит, и бедолага срывается во все тяжкие. Так, то с другими, но не со мной! Я запустил двигатель и вспомнил криминальную хронику из «ящика», где загнанный неконтролируемыми пороками горе-игрок влетел в зал игровых автоматов с ружьём и завалил несколько человек. Знал бы бедняга, что через долгих семнадцать лет азартные игры попадут под государственный запрет.

А вот на извозе сегодня не фартило. Сперва попался наркоман, с который объехал несколько аптек и магазинов бытовой химии. Затем, когда прибыли по адресу тот пошёл, якобы за деньгами, и пропал. Видно, делал так не первый раз, а мне, тёртому-перетёртому жизнью, уверенных обещаний нарика хватило, чтобы усыпить бдительность. Работая много лет в общепите, я навидался всякого. То есть, каким-никаким психологом себя считал. А вот тут оплошал. Бывает. На Каменноостровском проспекте (три года назад ему вернули старое название, но все по привычке называли Кировским), машину тормознул какой-то мутный тип. Разболтанная походка, бегающие глазки и огромный шарф, обмотанный вокруг шеи.

— Шеф, на Главкичман подбросишь?

— В «Кресты»?

— Да, знаешь куда?

— Ещё бы, знакомое место.

— Минуточку…

Мутный услужливо открыл заднюю дверь. В салон бесшумной тенью влетел и впечатался в кресло новый силуэт. Я повернул голову к внезапному пассажиру. Место занимал классический уркаган из старых фильмов. Обязательная кепка, пальто с поднятым воротником, на ногах сапоги. Небритое лицо, пронзительные глаза и мятый потухший бычок Беломора в углу прорубленной щели вместо рта. Так-же стремительно в машину нырнул голосовавший тип и устроился рядом с паханом. Я замешкался.

— Трогай!

Ехали молча. В голове разливалась тревога. Я невольно напрягся, ожидая удара. Часто поглядывая в зеркало заднего вида на необычных пассажиров, я представлял, как главный выхватывает из-за голенища сапога финку, бьёт и выбрасывает меня из машины. Но ничего подобного не произошло, подкатили к знаменитому питерскому СИЗО. Парковаться на

набережной вообще-то нельзя, но притормозил. Оба резко вышли из машины и двинулись к проходной. Я дёрнулся — а платить? Но сдержался, разве с таких спросишь? Тут же руку подняла сгорбленная старушка с большим баулом в руках.

— Сынок, ты куда едешь?

— А вам куда надо, мамаша?

— Ой, вообще-то, в Мурино. Ты прости, сынок, я бы на метро, да тяжело тащить. Вещи это да продукты внучку непутёвому. Вот принесла, а они не принимают, говорят уже увезли парня в Выборг. Теперь туда надо ехать, а как я старая в такую даль? Денег у меня немного, отвезёшь, а?

— Садись, бабуля, не таратор. Отвезу, мне как раз в ту сторону.

Пожилая женщина втиснулась в машину. Попыхтела, устраиваясь поудобней. Я тут же вспомнил своё путешествие в кассационную тюрьму двенадцатилетней давности, тяготы и невзгоды сидельцев. Как тут не помочь пожилой несчастной женщине.

— Вы ему кто, мамаша?

— Бабка я ему. Без отца рос внучок, не досмотрела. Дай Бог тебе здоровья, сынок. Ой, да тут у тебя деньги на сидении, забыл кто?

— Спасибо, это перед вами пассажиры оставили.

Она протянула несколько смятых купюр. Я проникся тёплыми чувствами к тревожному воровскому дуэту. Лихие люди оказались вполне порядочными гражданами. Бабка со своим горем, трещавшая без умолку, совсем не вызывала раздражение. Моё дело — крутить баранку да терпеть, а эта новая работа, — пока промежуточное звено к будущей интересной и денежной службе, которая обязательно появится, надо только подождать.

Люди попадались разные: от колоритных проституток до меркантильных домохозяек. Мужская половина, естественно, более понятна: с мужиками легче идти на контакт и трепаться о погоде, машинах, вороватом правительстве, акциях МММ, краснобае Собчаке, разбитых дорогах и инфляции. А на закуску, конечно, тёрки о бабах, которые все дуры, но без них тоже нельзя.

Несколько раз меня кидали на деньги. Первое место в этом непопулярном списке заняла очаровательная пара с ребёнком. Супруги умудрились забрать часа четыре рабочего времени, помотав по городу, развозя коробки с автомагнитолами и какие-то пакеты. При этом весело чирикали с ребёнком, всем своим видом поддерживая моё мнение о правильно выбранном месте в этой непростой жизни. Когда почти все упаковки были

развезены, а женщина с ребёнком вышла где-то в районе Автово, оставшийся пассажир заказал конечный маршрут в Гатчину. Я в этот день обещал забрать супругу с работы и, поэтому, при таком раскладе слегка опаздывал.

— Слушай, парень, не обижу. Мне очень надо, поверь. Понимаю, что замучили тебя, ну, потерпи чуток, хорошие деньги заработаешь.

Когда приехали на место, выяснилось, что деньги остались у дамы, потому придётся сбегать домой, а в залог остаётся магнитола, которая по цене тянет на две такие поездки. Согласился. Когда прошло пятнадцать минут, я распаковывал глянцевую коробку «Панасоника» с отпечатанной на ней фотографией чуда японской радиопромышленности. В коробке лежала аккуратно подогнанная под формат тары толстая деревянная доска.

— Ну, бля! Вот, козёл!

Я ударил по газам и поспешил в город, ещё больше злясь на себя и за опоздание к жене. Я еще не знал, что на следующий день меня реально захотят ограбить, а это чуток похуже грамотно обставленного «динамо».

Днём я припарковался недалеко от метро «Проспект просвещения». Рядом стоял такой же бомбила-одиночка. Я подошёл к коллеге и попросил прикурить.

— Бомбишь?

Завязался разговор о своём ремесле, о пассажирах, болячках автомобиля и прочих технико-прикладных моментах.

— Слушай, а чего ты так одеваешься на работу?

— А как я одеваюсь, голым что ли ездить? Так, ведь, люди не поймут, — отшутился я, — А что, не по сезону?

— Не, все по сезону. Но ты шапку пыжиковую нацепил, кожаный плащ. Скромнее надо быть, не обижайся, но такой наряд режет людям глаза. Вроде, шофёр, а одет под бандита. Вот я о чём, дружище.

— А-а-а, — растерянно протянул я, — слушай, об этом как-то не подумал.

Вечером два гарных здоровых хлопчика подхватили меня и заказали дорогу на Бугры. С первых метров пути я почувствовал недобрые флюиды. Опасность растекалась по салону, принимала почти осязаемые формы. Я вспомнил дневной разговор с коллегой и отчётливо понял: сейчас будут грабить. Потенциальные налётчики медлили, то ли опыта не было, то ли выглядел я не слишком безобидным. Интуитивно прибавил газу и попытался уверенно-нагловато уболтать напряжённые фигуры:

— Мой бугор сегодня не в духе. Вчера был на стрелке, что-то не срослось, там двух пацанов завалили. С утра по телеку показывали, видели? — Хлопчики что-то промычали. — Сам я в бригаде не путаюсь. Так, пока за водилу. В ментовке не прижился, пришлось рапорт писать. А вы, ребятки, сами из каких будете?

— Знаешь, что, шеф. Тормозни у метро. Сигареты кончились.

— Не вопрос, жду с нетерпением.

Один ушёл, а второй, насупившись, поскрипывал пружинами заднего сидения. Любитель табака не возвращался, время шло. Я взял инициативу на себя:

— Сходи-ка за товарищем, поторопи кореша.

Второй, казалось, только и ждал нужного предложения. Хлопнул дверью и исчез в снежной пороше. Я глубоко вздохнул, включил зажигание и быстро покатил от метро. Когда вернулся домой, нашёл в платяном шкафу вязаную шапочку и старую рабочую куртку со сломанной молнией. Молнию отремонтировал, примерил головной убор и остался доволен: можно продолжать. Прав был водила, встреченный днём, — нечего дразнить народ.

БУДНИ ПИТЕРСКОГО ИЗВОЗЧИКА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Дама спешила в аэропорт. Я ехал навстречу. Поднятая рука, несколько наводящих вопросов и «ласточка» несётся через весь город, отрабатывать хлеб хозяину и бензин себе.

— Вы знаете, — щебетала дама, — мы с мужем собирались в отпуск вдвоём, но его задержали на работе, пришлось один билет сдать. В Сочи меня будут встречать, ужас, как хочу к морю. Два года не была. А вы были в Сочи?

— Был, но отдыхал в Адлере. Мы с сыном ездили в Абхазию. Сейчас там война.

— Да-да, кошмар! А мы не опоздаем? Может, поскорее?

— Не волнуйтесь, успеем.

— Я всегда так переживаю, когда собираюсь на вокзал или на самолёт.

Я досадливо закусил губу, подобные разговоры не идут на пользу нервам. Вот ведь, одно слово: «баба»! Маршрут выбран правильный, времени — вагон, чего ныть-то! Но неугомонное женское естество выплёскивало массу ненужной информации, перемежая ее тревожными вставками о явке в срок.

— Послушайте, не надо беспокоиться. Вы меня нервируете, да и машину.

Женщина удивлённо уставилась на меня, затем на приборную доску, искренне не понимая, как неодушевлённая масса железа может волноваться.

— Это вы так шутите, а мне не до смеха. До регистрации осталось всего полчаса.

Оба замолчали, дама тревожно поглядывала на часы, и я невольно тоже.

— Господи, осталось всего пятнадцать минут, а это — ещё площадь Победы! Я очень прошу вас, поднажмите.

Я начинал закипать — точно не лучшая поездка, хоть и за хорошие деньги.

— А я очень прошу вас, помолчите! Не накличьте беду!

И, это случилось, закон «подлости» сработал на Пулковском шоссе, всего в нескольких километрах от цели. Заднее колесо громко хлопнуло, машину кинуло в сторону. Я ударил по тормозам, и «ласточка» приткнулась у обочины. Не нужно даже выходить из машины, и так все понятно — лопнула задняя покрышка. У дамы началась истерика.

— Я знала! Господи, с кем я связалась?! Говорила мне Соня:

возьми такси. Поймала частника, дура!

— Точно: «дура»! Я же просил помолчать!

Я вышел на улицу и убедился в диагнозе: колесо повреждено, покрышка и камера приказали долго жить.

— Вот что, гражданка. Если я начну менять колесо, то вы точно опоздаете. Или вы ловите попутку, многие едут в аэропорт, либо я довожу вас на трёх колёсах, но придётся добавить за риск. Решайте.

— Поехали, поехали! Я заплачу, только не стойте на месте.

Оставшиеся несколько километров я, стиснув зубы, ехал на пустом колесе. Уже было ясно, что изжёванную покрышку и камеру придётся покупать, и никакой шиномонтаж потом не выручит. Но, не испытывая добрые чувства к пассажирке, я понимал, что «обстоятельствами непреодолимой силы» не объяснишь заказчице нервотрёпку и испорченный отпуск. Взялся за гуж, не говори, что не дюж! Наконец, приехали. Всклокоченная, но успокоившаяся женщина выдавила из себя улыбку и расплатилась, затем схватив вещи, ринулась на регистрацию.

Я вздохнул, поставил машину на ручник и полез в багажник за домкратом, ключами и запаской. Когда разогнулся, обнаружил поблизости несколько внимательно наблюдающих за моими манипуляциями мужчин.

— У нас тут не паркуются, уезжай, братишка, от греха подальше.

— Мужики, да вы чего, взгляните на колесо. Запаску поставлю и меня здесь как не было. На ваше место не лезу, права не качаю.

— Слушай, бомбила хренов. Что же ты на пустом колесе приковылял? Клиента вёз? Деньгу сшибал? Вот как приехал, так и отъедешь. Прыгай в тачку и отваливай, понял?

Я сплюнул — спорить бесполезно, проткнут пару колёс, тогда застрянешь надолго. Пришлось ещё немного помучить верного друга, под рёв самолётов медленно покинуть чужую лакомую площадку. Через километр, на пустынной трассе, заменил, наконец, колесо, спрятал диск с ошмётками от покрышки и тронулся в город. Дорога домой заняла почти два часа. По пути хотел подхватить мужчину, отчаянно голосовавшего с проезжей части Московского проспекта. Надо же такому случиться, что торопыгу заметили сразу три «коллеги» и устремились на перегонки к нетерпеливому клиенту. В итоге я подрезал одного, но не успел, и рядом с человеком скрипнули тормоза третьего. Водила распахнул дверь, приглашая пассажира и кинул победный взгляд на оставшихся с носом. Конкуренция.

Подрезанный водитель не остался в долгу, обогнал и пристроился в опасной близости от моего переднего бампера. Этот манёвр известен многим — гадкая профессиональная подлянка с далеко идущими последствиями. Если не держишь дистанцию, то достаточно впереди идущему резко затормозить, как хлопот не избежать. Виноват всегда задний, не среагировал, получай букет проблем: ДТП, гаишники, протокол, изъятие прав, непростой разговор на повышенных тонах с пострадавшим. Эх, люди, люди: какие-же вы злые! Благо, я эти фокусы знал, и когда вторая попытка подставиться провалилась, уже сам обогнал нахала и показал ему модный жест, пришедший из американского кино. Водила пригласил прижаться к обочине: мол, давай пободаемся, но я махнул рукой: да пошёл ты! Вот и пообщались.

В шиномонтажной мастерской колёсный диск прокатали и поставили новую резину. Ещё посоветовали сделать ремонт подвески. Я послушно поехал к знакомым слесарям, арендовавшим ангар вблизи овощной базы в Коломягах. Ремонт затянулся на несколько часов. Измученный ожиданием, я коротал время, болтая с автомеханиками и клиентами. Уже полпачки выкурено, уже заменили рычаги и вернули на место карданный вал с обновлённой крестовиной, когда в мастерскую въехала новая машина. Владелец приткнулся в углу и стал что-то обсуждать с работягами. Тут я усмотрел в салоне новенького огромную собачью морду. Сквозь заднее стекло старенькой иномарки на людей печально пялился непонятно какой масти дог. Я подошёл ближе и стал разглядывать животное.

— Что, нравится собачка? — Это хозяин затеял разговор. — Хотите забрать!

— ???

— Представляете, был сегодня в Петродворце, — продолжал оживлённо человек, — Пёсик сам ко мне подошёл и попросился в машину. Потерялся бедолага, видать, прежние хозяева тоже автовладельцы.

Он распахнул дверь и стало видно, что в машине кобель. Несколько праздно шатающихся клиентов заинтересованно подтянулись к необычному пассажиру, понуро восседающему на заднем сиденье.

— Что, вот так сразу попросился к незнакомому человеку?

— Да, я сам удивился. Намаялся, видать, пёсик своих искать. У меня раньше тоже был пёс, давно уже похоронил. Но в собаках я мало-мальски разбираюсь. Дог умный, грязный, вот только, ещё и худой. Думаю, с хозяевами беда случилась. Собака видная — мраморный дог, масть такая. Я в первую очередь покормил

беспризорника. Жене звонил: мол, оставим? Та на дыбы: с собакой не думай и приходить. И то верно: у жены аллергия на шерсть, двое детей маленьких. Вот привёз, отдам в хорошие руки, иначе придётся выпускать. Тут рынок в двух шагах, овощебаза. Может, куда прибьётся? Кто возьмёт собачку?

Собачка, даже в худом виде весившая не менее полцентнера, обречённо взирала на людей. Народ загалдел, но желающих приютить бездомное животное не находилось. Я подошёл ближе и протянул руку, собака встрепенулась: «возьми меня, я буду тебя любить». В немом, полном боли и тоски, взгляде читался дружеский посыл. Я отдёрнул руку и отвернулся — мы в ответе за братьев своих меньших.

Несколько месяцев я месил питерскую зимнюю, а затем и весеннюю грязь. Пришло лето. Что-то из доходов уходило в семью, что-то безжалостно съедалось игровыми автоматами. Однообразно и бесперспективно. А главное, что я понял: это не моя стихия. Хорошо зарабатывали люди, находившие в себе силы работать ночью, по «хлебным» точкам. Тут и пьяные «малиновые пиджаки» и набиравшие силу барыги всяческих мастей, братва из казино и дорогих кабаков. Я же привык ночью спать. Да и сам извоз таил в себе немало опасностей: могут дать по башке, выкинуть из тачки, а то и просто убить за нищенские несколько сотен. Лихие девяностые на дворе — времена неспокойные.

Очередной неприятный сюрприз ждал меня на углу проспекта Металлистов и Большой Пороховской. Классическая схема, когда водитель не поделил дорогу с пешеходом. В этот раз мы ехали с сыном. На скорости около шестидесяти километров в час машина, весом более тонны и мощностью семьдесят одну лошадку, уверенно отбросила и завалила на газон мужчину неопределённого возраста и занятий, уступающему железному коню по всем параметрам. Светофор у меня горел зелёный, я точно помнил, а вот откуда взялся этот придурок, понять не мог. Первым удар принял бампер, запросто сломал ноги и бросил человеческую плоть на капот. В память врезалось картинка, как голова пешехода бьёт закалённое лобовое стекло, а оно, словно бомба, разлетается на мелкие осколки. Визг тормозов.

— Андрюша, ты как. Всё цело?

Замечаю, как на посеченном осколками лице сына появились капельки крови. Неописуемая ярость выбросила меня из машины. Я кинулся к пострадавшему. Движение транспорта затормозилось, моментально образовалась толпа зевак. Распластавшееся на земле туловище подавало признаки

жизни, окровавленная морда раззявила пасть и дурным голосом вопросила:

— Какого…?! Да я… сейчас… начищу!

Он приподнялся, стало ясно — человек пьян в хламину. Я склонился над потерпевшим и явственно ощутил запах алкоголя.

— Куда же ты, мужик, на красный лезешь под машину? Урод, отвечай теперь за тебя!

Я пнул ногой виновника ДТП. Но пьянице было всё равно, он поник и вырубился.

— А ты чего размахался? — Из недовольно шумевшей толпы выделился мужик, сильно смахивающий на лежащего на траве, только без повреждений и трезвее. — Разъездились тут, автомобилисты хреновы, правил не соблюдают! Что хотят, то и делают, людей калечат!

Он сделал шаг вперёд, затем неожиданно треснул меня по лицу. Я растерялся и понуро молчал. Стресс и недоброжелательные реплики из толпы не предполагали отпора. В отчаянии я выкрикнул:

— Товарищи, я же на зелёный ехал и скорость не превышал. Очень прошу свидетелей оставьте свои телефоны. Люди, ну вы же видели?

— А что мы видели? Как ты нёсся и сбил несчастного человека! — Это агрессивный мужик стал настраивать народ против меня. — Наказывать вас надо и морду бить!

— Эй, ты, мурло, кому морду собрался бить? — На передний план выдвинулось несколько крепких мужиков. — Не ссы, парень, мы дальнобойщики, здесь живём и всё видели — твоя дорога была. Запишемся в свидетели. А ты, кулаки не распускай и вали отсюда куда подальше.

Я обрадовался неожиданной поддержке:

— Спасибо, мужики. Сейчас бумагу возьму…

Я сунулся в машину, на ходу бросив сыну, чтобы он вернулся в машину и ждал, когда всё закончится.

Дальше, все как обычно — подъехала скорая и ГАИ, составили схему, забрали права. Потерянный, я двинул на помятой машине в сторону авторынка в Купчино. За час поменял лобовое стекло и не спеша поехал домой. Бомбить как-то совсем не хотелось. К счастью, история закончилась без ощутимых последствий. Сын не пострадал, царапины затянулись. Справедливость восторжествовала: через пару недель дознаватель вернул права. Вечером жена призналась, что звонила в больницу, и врач обрадовал новостью о стремительно улучшающемся здоровье пострадавшего. Месяц-другой в гипсе, и годен к дальнейшей жизни. Не был бы пьян, всё могло быть

гораздо хуже и даже очень.

— Выходит, алкоголь спас этого пролетария? — констатировал я. — Слышал про такое, но не верил. Чудеса!

После чего я нацедил себе сто грамм рабоче-крестьянского крепкого напитка и с удовольствием выпил за здоровье пострадавшего и благоприятный финал истории!

Деньги за свою работу я получал вполне приличные, но удовольствия извоз не приносил. Машина от безжалостной эксплуатации стремительно разрушалась. Привередливый народ зачастую норовил прокатиться на халяву, капризничал, торговался, — разве такое понравится? Однажды чуть не засветили в глаз за смелое предложение оплатить поездку вперёд. Сам виноват: такое можно сказать простому человеку, а то осмелился явному бандюгану условия диктовать. Вслух размышлять побоялся, а про себя подумал: ну, если ты такой крутой, чего падаешь в машину к простому питерскому извозчику? Козёл!

А потом состоялась незабываемая встреча. В тот летний день пассажир оказался весёлым, энергичным, хорошо одетым господином в самом расцвете бизнесменских сил и неуёмных амбиций.

— Здравствуйте. В центр, на Невский. — Скомандовал он, — На месте сориентирую, но надо очень быстро. Гоните, все штрафы мои. Я отблагодарю, не обижу.

Быстро — это можно. Я перестроился на трамвайные пути и погнал, яростно сигналя, прилагая немалые усилия, чтобы не вылететь на встречную полосу. По дороге пассажир разговорился, распространяя уверенность, спокойствие и хороший запах туалетной воды.

— И как стезя извозчичья? Устраивает?

— Нормально, не хуже других.

— Других, это которые от зарплаты до зарплаты лямку тянут? Или по мелочи сшибают на дешёвых халтурах?

— Вы знаете, жизнь сама по себе не даёт достойного заработка, за это надо бороться. Моя боролка не предполагает активных действий, и пока устраивает «стезя извозчичья», как вы изволили сказать.

— Ишь, как вы изысканно выражаетесь. А какая профессия основная?

— Бармен, до того официант. Да, и так, по мелочам много чего умею.

— «По мелочам», — это как? Извини за любопытство, я на «ты», ничего?

— Ничего. По мелочам: это столяр, электрик, сантехник,

плиточник, сварщик, фотограф, художник.

— Ого, богатая коллекция профессий. По жизни точно не пропадёшь. — Пассажир на несколько минут замолчал. За окном мелькали петербургские пейзажи и недовольные лица водителей, которых я нагло обгонял. — А если я тебе предложу работу у себя?

— Я вас слушаю.

— Наша компания сейчас открывает кафе в центре. Собственно, мы туда и едем. Нужны предложения по интерьеру, подобрать штат, составить меню, заказать оборудование и так далее. Короче, коммерческим директором пойдёшь. У тебя образование какое?

У меня ёкнуло — вот оно, Его величество Счастливый Случай!

— Училище официантов с красным аттестатом, курсы буфетчиков да ещё корочки столяра-краснодеревщика.

— Отлично, но ты в теме-то разбираешься? Потянешь?

— Да, ведь мне даже пришлось работать директором в кафе.

— Тогда давай знакомиться: Владимир Николаевич. На месте я всё тебе покажу и всё обсудим, лады?

Это место я знал — дом шесть, на Невском. Здесь располагалась Лавка художника, куда доводилось заходить во времена художественной школы. Свернули во двор, остановились. Владимир Николаевич проводил меня в подвальное помещение, где ковырялись рабочие. Они сооружали подиум под будущую стойку бара. Осмотр зала, кухни и подсобок оставил хорошее впечатление. Беседу продолжили в кабинете на третьем этаже. Жизнь приобрела смысл, насыщенные хлопотами трудовые будни внушали оптимизм и веру в лучшее будущее. Прошло несколько недель. За это время я созвонился с бывшей администраторшей из «Фрегата», объяснил ситуацию и предложил работу на новом месте. На примете были кандидатуры в официанты и повара. Работы над интерьером шли к концу. Списки на оборудование, посуду и приборы написаны. Меню, калькуляция блюд, технологические карты на коктейли составлены и переданы в бухгалтерию. Предложения по согласованию вопросов технической вентиляции, пожарной инспекции и СЭС поданы.

Но дело стопорилось за отсутствием финансирования и элементарного трудового договора. Шеф забрал мой паспорт для оформления. Ничего не происходило, отсутствие денежных вливаний не приближало торжественной даты открытия. Время шло. И это не нравилось. Я перестал бомбить (ну, если только по пути) и пропадал на территории будущей, замечательной, как

мечталось, точки общепита. Административно-хозяйственные хлопоты отодвигали на задний план робкие ростки тревоги и недоверия к будущему работодателю.

Но спустя пару месяцев я настроился на серьёзный разговор и тронулся в путь по знакомому маршруту. Во дворе что-то было не так, ощущалось нервозное движение. Я быстро поднялся по лестнице, не дойдя до кабинета Николая Владимировича, стал свидетелем неприглядной сцены. Дверь распахнулась, из неё выскочил шеф и заячьими зигзагами бросился наутёк. Он промчался мимо, обдав запахом пота и страха. За ним гналось несколько крепких молодцов. Парни держали в руках предметы, напоминающие огнестрельное оружие. Возбуждённая толпа промчалась вниз по лестнице, раздались выстрелы.

Я обомлел: мама, куда я попал? Взбудораженные сотрудники офисов выглядывали из-за дверей и растерянно переговаривались. Во дворе раздались крики, вой милицейской сирены, военные команды. А по лестничному пролёту уже грохотали сапоги ОМОН. Кончилась история отвратительно. Мне, как и другим свидетелям, пришлось оправдываться и давать показания следователю. Работодатель бесследно исчез, а с ним и паспорт, это вынудило писать заявление на утерю, платить штраф, собирать справки. Было стыдно перед хорошим администратором за собственное легкомыслие. Утешал тот факт, что я не успел вложить в новое предприятие своих средств. Недостроенную точку общепита законсервировали до поры до времени, а я, освобождённый от каких-либо обязательств, вернулся к частному извозу. Шёл 1995-й год, других альтернатив пока не было.

БУТЛЕГЕРЫ

Прежде, чем я продолжу свою историю, хочу разобраться и пояснить значение этого иностранного слова. Многим известно, что бутлегер — это «подпольный торговец спиртным во время действия Сухого закона в США в 1920-е-1930-е годы. В широком смысле слова — торговец различными контрабандными товарами, но, чаще всего, самогонными спиртными напитками, музыкальными записями или подержанными автомобилями» (Википедия). А вот английский синоним знаком лишь знатокам языка и просвещённым книгочеям — «the moonshiner», что на русский можно перевести приблизительно как «лунный синяк». Теперь о том, что я имел в виду. У нас таких мудрёных слов не применяли, а использовали прекрасные для слуха русского: самогон или самопал. Вначале девяностых журналисты стали употреблять новояз «левак» или «палёнка».

Рассказывая о своей работе в кафе «Фрегат», я обошёл тему левака, хотя это и являлось основным приработком любого бармена, ведь фокусы с недоливом или разбавлением алкоголя ушли в далёкое советское прошлое. Ещё в 1990-м году мы с Вадиком Алиевым прикупили первую партию левого коньяка в десятилитровой канистре. Помню, как спиртометром мерили градусы и дружно возмущались несоответствию с ГОСТом. Но настоящую школу подпольного производства и продажи алкоголя я познал, когда в девяносто пятом сблизился с Олегом Николаевичем Курзиным. Я уже рассказывал о нём: музыкальный коллекционер, бармен со стажем и… бутлегер. Как-то в клубе коллекционеров у нас зашёл разговор о работе за стойкой. Я частенько пользовался советами коллеги (по жизни он был старше меня на четыре года). Курзин знал, что «меня ушли» из «Фрегата», и я занимаюсь извозом. Тут-то Олег и предложил поработать с ним в качестве шофёра-экспедитора. После аферы с кафе на Невском я без колебаний согласился. И всё-таки поинтересовался, отчего прекрасному водителю и здоровяку понадобились мои услуги. Олег как-то неопределённо хмыкнул и ушёл от ответа. Позже я понял, в чём проблема, — Олег пил без меры, внутренние ограничители отсутствовали. При его могучей комплекции алкоголя требовалось много, Курзин наливался долго и основательно. При этом, естественно, страдал бизнес по продаже левого алкоголя и мои нервы.

Каждый день я ездил через весь город на своей потрёпанной «пятёрке» к Олегу на квартиру, мы таскали в машину десятилитровые канистры с коньяком. Помещалось до тридцати

штук, больше машина выдержать не могла, но частенько я ездил по адресам без стокилограммового Курзина, тогда на пассажирское место я ставил дополнительные канистры. Тема предельно простая: купил по одной цене, продал по другой. Развозка в адреса по предварительным заказам, оплата по факту. Разгрузился в нескольких точках, вернулся на базу, то есть, в квартиру Олега в послевоенном доме, отстроенном пленными немцами в конце сороковых. Несколько рейсов, и вечером работодатель выплачивал процент с выручки. Набегало неплохо — сто пятьдесят тысяч рублей, а то и больше. По тем временам это среднемесячная зарплата рабочего. А цена горючки после бензинового кризиса 1993-го года установилась на отметке одной тысячи рублей за литр. Полного бака топлива за сорок тысяч хватало на несколько дней что, в общем-то, не сильно обременительно для кошелька и ежедневных разъездов.

Деньги, после расходов на семью, уходили на компакт-диски. Винил стал уже не интересен. Тут мы с Аликом солидарно мотались и в клуб общества коллекционеров (толкучка в Озерках приказала долго жить), и по музыкальным магазинам, куда завозились коробки с западных распродаж, здесь можно было поживиться раритетами. Осваивая новый бизнес, узнавал немало нового. Например, если в начале девяностых мы приобретали настоящий алкоголь с коньячных заводов Азербайджана и Дагестана по воздуху, то с удорожаниями перевозок и таможенными сборами, доставка пересела на колеса автофургонов. То, что продавал Алик уже с уверенностью можно назвать леваком, то есть самодельным алкогольным суррогатом.

— Олег, вот скажи, отчего не водка, а именно коньяк?

— Под маркой «коньяка», а если быть совсем уж точным — «бренди», легче спрятать вкусовое несовершенство. Какой, на хрен коньяк, если мешают обычный спирт с коньячным, плюс сахар, жжёнка или отдушка и вода. Коньяк, если ты помнишь, изготавливают из коньячного спирта, выдержанного в дубовых бочках не менее трёх лет. А тут фуфло для лохов, но какой психологический фактор: «конина» задёшево! Правда, по вкусу очень даже ничего. А в водке из некачественного спирта значительное превышение сивушных масел. Башка с похмелья разламывается. Это если этиловый, а, не дай бог, метанол, — слепота или смерть. Если использовать зерновой спирт марки «люкс» тройной очистки себестоимость чувствительно растёт. Дешевле закупать на спиртовых заводах неучтённый левак, зато относительно качественный.

— Так можно водку бодяжить из качественного спирта, который, как ты говоришь, идёт в бренди. Зачем так напрягаться:

и сахар, и коньячный спирт, и отдушка?

— Вадик, подумай, коньяк всегда был дороже водки, а при кустарном производстве себестоимость не намного дороже, зато рыночная раза в три выше. К тому же еще спрос лучше за счёт женского фактора — дамы предпочитают коньячок.

Подобный ликбез подводил к мысли о собственном бутлегерском деле. Выходы на поставщиков у меня оставались ещё со времён барменской практики. Бутлегеры из «дружественных» южных республик сами выходили на нас. Элементарно подкатывали к стойке и предлагали левак, иногда на пробу приносили. Но времена прямых поставок с винно-водочных заводов давно закончились, по причинам, указанным выше, и нам предлагали алкоголь местного производства. Качество зависело от совести изготовителей. Но совесть у представителей восточных народов была, в силу врождённых особенностей, специфической. Мы с Вадиком Алиевым сотрудничали, как нам казалось, с проверенными кадрами. Но «проверенные» кадры запросто недоливали, отпускали напиток, далёкий от принятых стандартов, где мог, например, плавать окурок, или крепость отличалась градусов на десять от нормы. Поставщиков приходилось менять, благо их хватало. Сколько прошло через нас магомедов, эльчинов, фарманов, эльдаров? Всех не упомню.

Вопрос вопросов — клиентура! Вот у Вадима Алиева или моего нового работодателя, Олега Курзина, рынок сформирован, оптовых покупателей хоть отбавляй, что обеспечивало стабильные заработки и относительно спокойную жизнь. Не стоило забывать, что ОБЭП (отдел по борьбе с экономическими преступлениями) никто не отменял. Эта структура МВД, правопреемник советского ОБХСС, регулярно прореживала густые ряды бутлегеров. Стандартный арсенал из штрафов, административных, а то и уголовных дел был заточен на малый подпольный бизнес и приносил результаты. Но, поскольку карающая рука правосудия чистила низовые эшелоны, то алкогольный бизнес тихонько ширился и рос. Такие предприниматели, как Олег, выживали с помощью взяток. Не последнюю роль имели связи с милицейскими или бандитскими «крышами». Тут я ничего нового не скажу читателям, в ту область никто не подпускал. Моё дело крутить, как раньше, баранку, держать язык за зубами, таскать грузы и радоваться новым перспективам, отрывающимися с повышением заработка.

Осенью 1996-го года меня в первый раз прихватили с товаром. Милицейский наряд остановил на улице Куйбышева. В

те неспокойные времена, из-за частых терактов, вооружённые патрули спецназа имели право выборочно останавливать водителей и производить полный досмотр. Бойцы в бронежилетах, обнаружив в багажнике восемь канистр бренди, особого интереса не проявили. Констатировали факт и вызвали районных ментов, а те в свою очередь доставили меня в петроградский ОБЭП. Не только сопроводили к следователю, но и занесли главный компромат, складировали в углу кабинета. Дальше, все как обычно. Сотрудник задавал вопросы, я отвечал, а он записывал в протокол. Знакомо, рутинно, тревожно. Я монотонно излагал свою версию, прекрасно понимая, что никто меня не посадит, в худшем случае ограничусь штрафом. Версия предельно проста: купил себе на Сенном рынке у человека, которого подвозил на своей машине. Так много оттого, что запас карман не ломит, — алкоголь универсальное средство, в хозяйстве пригодится. И выпить, и расплатиться за услуги или презентовать кому. Человека зовут Рашид (Али, Бахтияр, Джамиль и т. д.) предложил задешево, деньги при себе имелись, вот и потратил. На мой взгляд, удачно. Законом не запрещено, торговля с рук в порядке вещей.

Опер записывал и не спорил. Редкие вопросы сводились к тому, есть ли у меня лицензия на частный извоз, не побоялся ли купить товар у незнакомого человека — вдруг отрава? А что ещё оставалось государеву человечку: город наводнён дельцами и махинаторами всех мастей. В стране чудовищная инфляция, что будет завтра, никто не знает. А тут ещё один из сотен или тысяч, проходящих через ведомство, барыг. Врёт складно, выглядит прилично, прописка питерская, не виляет, не хамит, и количество алкоголя не запредельное.

— Вадим Викторович, распишитесь в протоколе. Сейчас при понятых мы оформим изъятие спиртосодержащей жидкости и отправим на экспертизу. По результатам экспертизы определим дальнейшие действия. Вопросы есть?

Недели через полторы пришла повестка. В назначенный день я ознакомился с результатами экспертизы. Ключевые слова на бланке экспертной лаборатории гласили: «… не соответствует государственному стандарту для алкогольных напитков по содержанию сахара и крепости (какие-то цифры) … концентрации веществ, вредных для здоровья не обнаружено». Я забрал свои канистры и покинул гостеприимные стены районного отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Всё по закону, никаких нарушений процессуального кодекса! Браво, господа! Я включил возвращённый контрафакт в заказ и отвёз заказчику. Уже вечером мне позвонили и высказали претензии по качеству

бренди: во всех канистрах содержимое оказалось ощутимо разбавлено. Ай, да менты, вот теперь всё стало на свои места. Я-то ломал голову, надо же, как всё гладко. Бог с вами, блюстители закона. Вам и невдомёк, что отпустили с миром теневого торговца, входящего в незаконное сообщество по массовому сбыту левого коньяка в больших объёмах. Будем считать ментовские проказы небольшой платой за свои грехи.

Остальные несколько встреч с блюстителями закона проходили деловито и конструктивно. Подлавливали меня пару-тройку раз сотрудники ГАИ с проверкой документов. Запах алкоголя не спрячешь от профессиональных нюхачей в погонах. Гайцы заглядывали в салон и багажник, а при обнаружении множества канистр приглашали в свой экипаж. По инструкции они должны были доставить меня в отделение, сдать на руки ОБЭП и отразить происшествие в рапорте. В действительности мы занимались арифметикой и после недолгих дебатов разъезжались с миром. Буднично, в духе времени. Мне не по душе деятельность представителей закона конца девяностых. Но, как стороннему наблюдателю, всегда была интересна их инициативность, совмещение преимущества властных полномочий и личных интересов. Вот примеры. Кто ездит по улице Есенина, знает пересечение с Северным проспектом. Там параллельно основной магистрали проходит «карман», перед ним знак «уступи дорогу». После «кармана» светофор, а за ним припаркован экипаж вневедомственной охраны. Полосатый жезл, и такой разговор:

— Гражданин, вы нарушили правила дорожного движения, не зафиксировались перед знаком и продолжили движение. Придётся заплатить штраф.

— Помилуйте, я заканчивал проезд перекрёстка на зелёный!

— Вы что, не видите знак, или вообще ничего не видите?

Эти слова мне врезались в память, ведь я ношу очки, — зачем же так? На хамство вымогателя в погонах я психанул и нагло заявил:

— Простите, а какое отношение вы имеете к ГАИ, вызывайте сотрудника профильной службы, и будем разбираться. Мне также интересно будет задать вопросы начальнику вашего структурного подразделения…

Тогда оборзевшие вохровцы элементарно струсили и отпустили. Сила слова и убеждённость обломали распустившихся ментов. А могли и прессануть, власть особо не церемонится с говорунами.

Вот ещё один случай. Еду, вижу, впереди дежурят гайцы, а в моем багажнике ёмкости с кониной. Проехал, не

заинтересовались, пронесло. Обратно возвращался порожняком. Настроение хорошее, подмигиваю фарами встречным водителям — сбросьте скорость, впереди менты! Тут меня эти самые менты и останавливают. Проверка документов, запашок из салона, просьба открыть багажник. Аптечка, запаска, огнетушитель на месте.

— Не принимали алкоголь сегодня или накануне? Уж больно пахнет от вас.

— Нет, не принимал. А запах… Так-то друзья бутылку с коньяком случайно разбили в салоне.

— А кому это вы, гражданин, сигнализировали?

— Предупреждал встречных водителей, чтобы сбросили скорость, — благое дело и вам помощь.

Инспектор аж взвился от моих слов, почувствовал сарказм. Меня проводили в экипаж, заставили дуть в трубку. Результат показал превышения нормы промилле, то есть, наличие алкоголя в организме. Стали оформлять протокол. А я неделю не квасил, принимал антибиотики. Подставили за длинный язык, а это никому не положено подкалывать сотрудников ДПС. Отговорился тогда с извинениями и немалой взяткой.

Через год Олег из работодателя превратился в партнёра. Это значило, что я обзавёлся постоянными клиентами и занял свою нишу среди жучков-бутлегеров. Сначала снимал гараж, а позже и купил. Поставщики исправно заполняли свободное пространство канистрами, я дробил и развозил эту массу левака по адресам. Заказчики в свою очередь перепродавали дальше, и уже на низовом уровне насыщался непосредственный потребитель — средне статический гражданин нашего прекрасного города. Круговорот алкоголя в рамках теневого рынка огромной страны не ослабевал. Сумел встроиться — работай! Не стыда, ни совести, ребята, просто бизнес.

Если легальный рынок с его мощностями и огромной сетью магазинов удовлетворял прогрессирующий спрос на легальный алкоголь, то бутлегеры всего лишь дополняли его. Уроды, которые травили и убивали людей метиловым суррогатом, сами себя изживали: их отлавливали и сажали. В моём замкнутом пространстве качество было на высоте, зачастую не уступая заводским изделиям, а главный неписаный закон гласил: не лезь со своим продуктом в легальный оборот, никаких самопальных бутылок в торговых точках. Другими словами, власть до поры закрывала глаза на возню бутлегеров с частным сектором, но энергично боролась с левым оборотом. Это спасало от тотальных репрессий, да и оборот у меня весьма незначительный — за такого махинатора звёздочку на погоны не дают. Я представлял интерес только для своей

«крыши», исправно отстёгивая десять процентов с прибыли.

Скажу пару слов, перед тем как закончить эту главу. В качестве рекламной акции для покупателей я охотно употреблял свой продукт, подтверждая полную безопасность для организма. Это конечно смешно, ведь можно и кефиром отравиться. Любому здравомыслящему человеку не надо объяснять: знай меру! Бывший бармен, я находил нужные слова и умело разъяснял потенциальным покупателям выгоды от сотрудничества, где главный фактор — дешевизна. Желающих становилось всё больше. Одни, словно бабочки однодневки, исчезали, другие подстраивались и оставались надолго. Всё шло хорошо до определённого момента. Огромная конкуренция и падение спроса стали подтачивать этот популярный промысел.

В глубине души я был этому рад. Занятие незаконным предпринимательством исподволь давило неприятностями. Тюремный срок не грозил — слишком ничтожная прибыль по меркам законодателя, но все это не отменяло дамоклова меча в виде штрафных санкций и конфискации продукции, не попадающей под государственные стандарты. Легализация и законный торговый оборот упирался в железобетонную стену из пяти спаянных одной составляющей нахлебников малого бизнеса: чиновников, санитарной инспекции, МЧС, братков и местного участкового. Составляющая понятна и проста — дай денег. Когда-то я рассматривал идею законного предпринимательства, составлял бизнес-план и консультировался со знакомыми из смежных областей сферы «купи-продай». Абсолютно нереально — заработал рубль, отдай полтора. Бизнес по-русски предполагает уход от налогов, мухлёж, взяточничество и прочий негатив. К тому же продажу алкоголя в пятилитровых канистрах с коньячно-водочным суррогатом пришлось бы прятать под обычную ларёчную торговлю стандартными изделиями в стекле с обязательными разрешительными документами. Оно мне надо?

В начале двадцать первого века, обзавёлся ноутбуком и овладев навыками ПК, запустил в Сети собственный музыкальный сайт. Площадка была полностью посвящена старому року, за несколько лет написал кучу рецензий и статей по любимой теме. На подъёме интереса к коллекционированию раритетов, смотался несколько раз в Москву на старую Горбушку, которую успел застать в 2001 году. А позже уже приезжал в торговый комплекс бывшего телевизионного завода «Рубин». И вновь подзабытые обмены и купли-продажи, как в старые добрые времена. Славно вот так, на излёте лет, вновь толкаться среди равных и помешанных вроде меня на роке! Когда разменял седьмой десяток, часть коллекции продал — нужны были деньги

на лечение жены. Потомки, я посвятил коллекционированию свыше сорока лет! Тут пора бы и поставить точку «хроникам», но не могу обойти стороной ещё одну сферу внимания на излёте трудовой деятельности.

ПОСЛЕДНИЙ РЫВОК — РИЭЛТОРСТВО

Я много лет не виделся с Александром Вацкелем, лишь редкие звонки по телефону. Саша мне знаком по клубу коллекционеров — нередко приносил виниловые пластинки на обмен и продажу. Так и познакомились. Александр Николаевич являл собой образец корректного, вежливого и тактичного собеседника. Спокойный, выдержанный, с приятной внешностью Вацкель был создан для работы с людьми. В середине девяностых он поступил на курсы специалистов по недвижимости. В те времена анархии и неразберихи тема покупки-продажи жилья оказалась актуальна и набирала обороты. Получив хорошую практику в этом бизнесе, Саша организовал собственное агентство «Родник» и встретил новое тысячелетие вполне успешным и хорошо зарекомендовавшим себя специалистом в сфере недвижимости.

Я вспомнил о Вацкеле, когда свой бизнес почти перестал приносить доход. Перебирая альтернативные варианты дальнейшей трудовой деятельности, я искал работу по душе и с финансовыми перспективами. В кабинете генерального директора я почувствовал лёгкую неловкость своего нынешнее положения просителя, уловил осязаемую разницу на социальной лестнице между собой и успешным генеральным директором. Но, не почувствовав чванства и высокомерия, успокоился. Вацкель, как всегда, был внимателен, доброжелателен, не задирал нос. Держал себя вполне по-дружески, ясно давая понять, что общается на равных, и готов помочь. Выслушав мой сбивчивый рассказ, (он знал о моём бутлегерстве, даже пару-тройку раз прикупал для себя «изделие»), Вацкель спросил:

— Понятно, Вадим, ты в риэлторы хочешь податься? Наше агентство как раз набирает группу стажёров. Все задатки к этой профессии у тебя имеются: с людьми работал, в компьютере шаришься, машина есть. А, главное, — богатый жизненный опыт за плечами. Не сопливый пацан, всё-таки! Что скажешь?

— Согласен. А то, что я, уже седьмой десяток разменял, на пенсии?

— Так ведь, это — только плюс. Возраст — не помеха, как раз наоборот, дополнительное подспорье. Работа непростая, зато интересная и денежная. Хорошие комиссионные заработать нелегко, но можно. У тебя должно получиться.

Так я попал в пёструю группу стажёров, мечтающих стать специалистами в области непростых коммерческих отношений в сфере недвижимости. Для всех без исключения здесь маячили

большие деньги. Однако, шквал информации ошеломил объёмом. Помимо специальных знаний по сделкам, требовалось быть психологом, юридически подкованным в области гражданского права, знать и уметь заполнять массу документов. Обладать чутьём и уметь ориентироваться в условиях рынка по вторичным и загородным объектам. И масса всякого, отчего пухла голова, а в глубине рождался страх — да как же это всё запомнить! После нескольких занятий начала формироваться общая тенденция, подкреплённая частностями. Занятия приобрели форму семинаров, где помимо базовых знаний проводились психологические тренинги и ролевые игры. Я включился по полной, забывал мандраж и тешил себя амбициозными планами. Спустя месяц дежурил в агентстве на телефоне, тогда я и принял заявку на продажу однокомнатной квартиры. Затем выехал на объект, пообщался с хозяином, и пошла настоящая работа. В октябре, после коррекции цены, начались звонки и показы. В декабре я закрыл сделку. Вацкель тогда пожал руку:

— Вот видишь, поздравляю. Дерзай в таком же ключе.

Всем хорошо: агентство заработало процент со сделки, и я положил в карман первый гонорар, тем самым получил стимул к дальнейшей творческой активности. А потом были ещё сделки, хлопоты, радость от хорошо выполненной работы. Летом 2014-го года семейные обстоятельства вынудили меня всё бросить и переехать из городской квартиры в загородный дом, к жене и другим домочадцам. Моя жена, чувствует себя неважно — нужна помощь.

ЭПИЛОГ

Зазвонил телефон. Это Светлана:

— Чем занимаешься? Всё графоманишь? Мы ушли в девичью комнату.

— Пишу последние строчки, сейчас выведу Кузю погулять и спать. Спокойной ночи, девушки.

Дражайшая половина неслучайно употребила местоимение «мы», две собаки — Дуня и Маргоша, словно привязанные невидимыми верёвочками к хозяйке, сопровождают её всюду. Уже много лет эти четвероногие друзья (а до них были другие) скрашивают наши преклонные годы и одиночество. Рядом со мной третий член семьи — шарпей Кузя. Внизу, на первом этаже, две прелестных кошечки охраняют гостиную. Так и живём всемером. Мы с супругой вместе уже сорок четыре года. Сколько всего было, не разбежались, остались вместе и сохранили семью. Дом построили, деревья посадили и воспитали прекрасного сына. Нынче Андрей в Москве, а с ним заботливая невестка и наша любимая внученька Катенька. Что ещё нужно для спокойной старости? Ведь это так правильно — жить рядом с теми, кто тебе необходим, и кто в тебе постоянно нуждается.

Мы спустились с Кузей вниз и вышли на природу. Ноябрьская ночь приготовила сюрприз — чистое зимнее небо. В бездонной дали, где сияют мириады звёзд, движутся три огонька, до земли долетает гул самолёта. Мы смотрим вверх в бесконечность, где в тайнах мироздания, разбросаны наши прошлые жизни и формируются неведомые будущие. Я прощаюсь с вами, дорогие читатели, и закрываю страницы этой летописи. Мир вашему дому, будьте счастливы!

Санкт-Петербург, 26.10.2008 — 5.11.2016 гг.

notes

Примечания

1

Диабаз (от греческого diabasis, буквально- переход * а. diabase; н. Diabas; ф. diabase; и. diabasa) — палеотипный аналог основных магматических горных пород (базальта и долерита). Диабазы применяют при строительстве автомобильных и железных дорог, в качестве заполнителя бетона и как присыпку для кровельных материалов.